К06
С379
кр

к/х А

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

СИМФЕРОПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 11 (50)

СИМФЕРОПОЛЬ
1999

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

СИМФЕРОПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 11 (50):

География. История. Филология. Философия. Экономика.

ISBN 5-7763-9818

Журнал зарегистрирован 31 января 1996 года
Серия КМ № 238

Редакционная коллегия:

Сидякин В. Г. – главный редактор
Багров Н. В. – заместитель главного редактора
Ена В. Г. – ответственный редактор

Редакционный совет:

Исторические науки
Буров Г. М.
Гарчев П. И. **(редактор отдела)**
Дементьев Н. Е.
Урсу Д. П.
Филимонов С. Б.

География
Боков В. А. **(редактор отдела)**
Дублянский В. Н.
Олиферов А. Н.
Пистун Н. Д.
Топчиев А. Г.

Математика
Донской В. И.
Копачевский Н. Д.
Кужель А. В. **(редактор отдела)**
Чехов В. Н.

Физика
Бержанский В. Н. **(редактор отдела)**
Воляр Н. В.
Мицай Ю. Н.
Терез Э. И.

Философия
Лазарев Ф. В. **(редактор отдела)**
Мельников Г. И.
Мартынюк Ю. Н.
Николко В. Н.
Хриенко П. А.

Филология
Казарин В. П.
Киречек П. М. **(редактор отдела)**
Меметов А. М.
Новикова М. А.
Орехова Л. А.

Экономика
Апатова Н. В.
Ефремов А. В.
Кудряшов А. П.
Подсолонко В. А. **(редактор отдела)**

Биология
Апостолов Л. Г. **(редактор отдела)**
Коренюк И. И.
Мананков М. К.
Толкачева Н. В.
Юрахно М. В.

Химия
Дрюк В. Г.
Конощенко С. В.
Федоренко А. М.
Чирва В. Я. **(редактор отдела)**
Шульгин В. Ф.

Физическое воспитание и спорт
Буков Ю. А.
Ефименко А. М.
Муравов И. В.
Лейкин М. Г. (редактор отдела)
Похоленчук Ю. Т.

Статьи опубликованы в авторской редакции

© Симферопольский государственный университет, 1999 г.

Подписано в печать 07.06.99 Формат 60x84 $^1/_8$
Усл. печ. л. 8.5. Тираж 500. Заказ № 487.
Отпечатано в информационно-издательском отделе СГУ.
333000, г. Симферополь, ул. Ялтинская, 4

Ученые записки № 11.
География. История. Филология. Философия. Экономика.

Общая редакция: ***О. А. Габриелян, доктор философских наук, зав. кафедрой политологии и социологии СГУ, В. И. Шевченко, кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и социологии СГУ***

Содержание:

1. Габриелян О. А. Крым как проблема регионализма 4
2. Макарычев А.С. Регионализм и региональная культурная идентичность 9
3. Кислая А. А., Кислый А. Е. Политическая ситуация в Украине: затяжной кризис 19
4. Горенкин В. А. Основные политические партии Украины и государство (концептуальные подходы) 27
5. Швецова А.В. Политическая ситуация в Украине: затяжной кризис 32
6. Сенюшкина Т. А. Право на сохранение культурной идентичности и новейшие тенденции в концепции прав национальных меньшинств 39
7. Коростелина К. В. Этническое взаимодействие: модели ситуаций 43
8. Бекирова Л. С. Национальные традиции и общечеловеческие ценности 55
9. Хан Е. А.Электоральное поведение крымских татар в 1994-1998 гг. (политико-региональная характеристика) 62
10. Петров В. Н. О миграционном потенциале крымских татар и перспективах репатриации 73
11. Пелин А. В. Этнополитическая ситуация в Закарпатье 1995-1998 гг. 76
12. Черепухин А.В.Теоретические аспекты анализа посредничества при разрешении этнических кон фликтов в современном обществе 85
13. Буряк В. В. Институализация европейского знания 89
14. Швецова А.В. К проблеме аналитики национального характера как феномена культуры 96

Кафедра

15. Араджиони М. А. Этническая история и особенности традиционно-бытовой культуры народов Крыма 101

КРЫМ КАК ПРОБЛЕМА РЕГИОНАЛИЗМА

О. А. Габриелян, доктор философских наук,
заведующий кафедрой политологии и социологии СГУ

Для Крыма геополитический фактор является ведущим. Он задает общее направление развития этой территории. Влияние внешних по отношению к Крыму сил является принципиальным. Вместе с тем, внутреннее давление места на "физические " свойства и функции социального обустройства Крыма также имеет особое значение. Оно тем более важно, что мы находимся в процессе кардинальных политико-экономических изменений.

Если осмысливать историю Крыма в понятиях **провинция** и **периферия**, то, безусловно, первое понятие более точно отражает его специфику. Здесь под провинцией понимается социально-территориальное образование, имеющее свою историю, культуру, религию и даже государственность, все то, что делает это образование особенным, уникальным. Периферия же всего лишь окраина, все то, что выброшено из центра и влачит маргинальное существование[1]. В общепринятой терминологии вместо понятия провинция используется – регион. При определении этого понятия исследователи сталкиваются с серьезными трудностями. Если обобщить все многообразие таких определений, то все их можно условно разбить на три группы.

"*Во-первых*, под регионом очень часто подразумевают определенную часть народнохозяйственного комплекса с определенным ландшафтом, климатом, полезными ископаемыми, а также со специфической производственной специализацией, которая в свою очередь зависит от плотности населения, характера поселений, традиционных занятий, средств сообщения и взаимодействия (взаимовлияния) с другими регионами, а это в значительной мере зависит и от национального состава региона, миграционных процессов, половозрастной структуры, характера воспроизводства населения и даже от вероисповедания и типа семьи.

Главное же в этом подходе дать четкое описание (анализ и синтез) природной, географической, демографической и экономической компонент, на основе чего можно в ходе исследования дать прогноз развития типа и характера производства, профессиональной структуры, занятости населения и уровня жизни.

Во-вторых, нередко под понятием "регион" подразумевают какую-либо определенную административно-политическую единицу определенной субнациональной единицы (от лат. regio – страна, область, округ). Часто в этом значении термин "регион" употребляется у нас и как синоним термина "район". Например, в БСЭ 1986 г. издания…

В-третьих, последний из числа общепринятых подходов опирается на социальное наследие, исторический опыт, народные традиции. В наших странах он менее распространен, чем прочие. К сожалению, пока очень редко в термин "регион" отечественные исследователи вкладывают историческую и общекультурную особенность, социальную уникальность. Прежде всего, при этом подходе необходимо рассматривать материальные объекты историко-культурного наследия, традиции и нравы населения исследуемой территории, а также особенности образа жизни и характерные жизненные ценности населения, а объективный анализ всему этому (для эффективного прогноза) можно дать лишь на основе всестороннего изучения и сохранения исторической и социальной памяти …

Региональные политики, за редким исключением, не обращаются к профессиональным историкам, культурологам, краеведам, хотя именно историческая и культурологическая характеристики региона и должны являться исходной концептуальной основой любых преобразований, выбора общих ориентиров социально-экономического развития"[2].

Приведенные выше определения можно коротко обозначить как регион – народнохозяйственный комплекс, административно-политическая единица и культурная целостность. Все эти определения явно или нет, используются при рассмотрении тех или иных типов регионов, многообразие которых порождает вопрос об уточнении определений. Приведем, возможно, неполный пе-

речень типов регионов: микрорегионы, малые регионы, внутрирайонные кусты, административно-территориальные районы, внутриобластные и внутриреспубликанские "кусты", крупные административно-управляемые регионы, территориально-экономические районы страны, зоны, объединяющие ряд территориально-экономических районов. Такое понимание регионов, сложившееся в советское время, мало изменилось к настоящему времени. Реформационные процессы практически еще не затронули эту часть социального устройства. В этой типологизации нашло явное выражение понимание региона как народнохозяйственного комплекса и административно-политической единицы. Но даже в то время осознавалась ограниченность такого подхода. Он дополнялся социологическим пониманием понятия "регион", в котором пытались отразить его социокультурную особенность[3].

При всей широте приведенных выше определений они как собственно и любые другие определения страдают недостатками. Они становятся очевидными, как только мы попытаемся применить их к конкретному региону, каковым является Крым. Их неадекватность реальности объясняется, прежде всего, тем, что они "субстанциональны", то есть пытаются описать, схватить некоторый феномен. Однако, мы придерживаемся мнения тех исследователей, которые считают это понятие операциональным[4]. В данном случае это будет означать – под регионом следует понимать то, что мы объективно наблюдаем в его функциях.

Конечно, можно "исходить из понятия об идеальном регионе, как о такой автономной территориальной социально-производственной структуре, которая реализует функцию адаптации и самовоспроизводства, находясь в соответствии с некоторым культурно-хозяйственным типом"[5]. Такое максимально обобщающее определение удобно только как первое приближение к проблеме, но мало продвинет нас в рассмотрении конкретных проблем. В этом случае лучше воспользоваться содержательным описанием функций конкретного региона, в частности, Крыма.

Как мы отметили с самого начала, для Крыма геополитический фактор был решающим на протяжении всей его истории. Были периоды, когда Крым пытались рассматривать как чисто административную или народнохозяйственную единицу (часть Таврической губернии, Крымская область). Однако, есть все основания считать, что даже в этом случае решения о Крыме носили политический характер. Поэтому при определении Крыма как региона геополитическая и политическая его функции являются первыми по отношению к экономической.

В случае Крыма под термином "регионализм" могут пониматься такие процессы как:

- этнические права;
- сепаратизм;
- децентрализация государственного устройства;
- транснациональное сотрудничество соседних административно-территориальных образований;
- взаимная дополняемость тех хозяйственных и промышленных единиц, которые работают в рамках данной территории.

Объективным основанием возникновения такого регионализма является то, что возможности и потребности тех или иных сообществ имеют достаточно жесткую пространственно-территориальную привязку. История Крыма с очевидностью доказывает это.

Если обобщить региональные крымские процессы, то их можно представить как небольшой перечень особенностей проблем и данностей:

- геополитики;
- географии;
- экономики;
- социокультурного многообразия.

Первые три аспекта достаточно ясны. Последний – требует разъяснения. Дело в том, что для региона важна "социальная сплоченность этнических, расовых и языковых групп, проживающих совместно; совместимость общих ценностей, связанных с культурой, религией, историческими

традициями; политическая солидарность"[6]. В Крыму подобное не наблюдается. Можно ли на этом основании утверждать, что Крым не является регионом? Нет.

Регионализм (провинцианализм) формирует **региональное сознание**. Оно в известной степени противостоит космополитизму центра, а точнее парадоксально дополняет его своей уникальностью. Если центр понимает это, то он со своими провинциями образует единое целое. Региональное сознание содержит в себе элемент самоуважения, понимания культурной значимости своей провинции, в то время как представитель периферии не только безразличен к собственной культуре, но даже презирает ее как второсортную.

Очевидно, что Крым – это регион (провинция) в отмеченном положительном смысле этого слова. *Одно только уяснение понятий приводит нас к первому глобальному фактору стабилизации – культурному. Если мы внимательно, вглядимся в последнее десятилетие истории Крыма, то мы увидим, что именно фактор культуры оказался тем графитовым стержнем, который не позволил политическим процессам перейти в стадию цепных реакций и, как следствие, к взрыву.*

Нам представляется, что философия мультикультурализма может объяснить феномен регионального сознания крымчан. Если попытаться подобрать наиболее адекватное определение крымского социума, то среди таких понятий как авторитарное, демократическое, открытое, гражданское, мультикультурное – последнее наиболее адекватно отражает сложившуюся реальность. Это отнюдь не означает, что оно находится в оппозиции к другим понятиям, скорее все они представляют собой пересекающиеся множества. Реальный крымский социум содержит в себе элементы каждого из них, но в терминах мультикультурного общества можно объяснить значительно больше проблем сегодняшнего Крыма. Мы наблюдаем как сложно происходит процесс отлаживания механизмов функционирования мультикультурного общества в соответствии с принципами открытого и демократического общества. Это вполне достижимо, так как мы имеем образцы таких функционирующих обществ (США, Канада и др.). Там тоже есть свои проблемы, но они решаются политически. До сих пор нам также удавалось решать проблемы политическими средствами и не последнюю роль, на наш взгляд, при этом играло крымское региональное сознание.

Мультикультурность крымского сообщества переводит проблему национальной идентичности в плоскость культурной идентичности. Такой перевод оказывается эффективным и результативным. "Культурная демократия" ведет к тому, что каждая "партия" возвращается к своей культуре и пытается лучше ее понять. В Крыму всегда складывалась крымская идентичность. В настоящее время этот процесс также имеет место. У каждого из трех ведущих этносов Крыма причины для этого разные, но результат региональная идентичность, один и тот же. Внешние и внутренние факторы ведут к тому, что, оппонируя им в политической, культурной, экономической сферах формируется региональная идентичность. Она не отменяет идентичности национальной, а существует наряду с ней. Современность предполагает множественность и многомерность идентичности. Было бы контрпродуктивным, да и невозможным сдерживать это и предъявлять к ней требования однообразия и гомогенности. Как и любые другие социальные феномены, идентичность стала более разнообразной, динамичной и комплексной[7]. Поэтому правомерно говорить о региональном сознании и региональной идентичности крымчан, следовательно, о региональном сообществе.

Сложность нынешней ситуации заключается в том, что очень трудно формируется концепция социально-территориального существования Крыма. Сегодня она институционализирована в конституции Крыма. В ней есть многое, но далеко не все. Несмотря на свою значимость и знаковость в ней нет пока **миссии**. Она проговаривается и видится как мост между Украиной и Россией, Востоком и Западом, Севером и Югом. Однако надо приложить титанический труд и обладать огромными интеллектуальными ресурсами, чтобы из объекта превратится в **регионального субъекта действия.** *Как только появились первые признаки этого, мы обнаружили, что начинается стабилизация в обществе. В этом мы видим второй стабилизирующий фактор.*

Крым никогда не был районом (от франц. rayon – радиус). В основе района территориально-производственная необходимость. Регион – жизнедеятельностное воспроизводство. Район входит

в систему общественного разделения труда, формируется по мере его углубления. Регион в основе имеет консолидацию людей. Район специализирован в рамках чего-то большого, частью которого он является. Регион же сам выбирает вектор своего развития. Он пронизывает геосферу, биосферу, социосферу, техносферу. *Регион – гуманистическое образование, формируемое структурами повседневного бытия народа. Это более емкий стабилизирующий фактор, включающий в себя отмеченный выше культурный фактор.*

Мы отметили факторы, объективно действующие и имеющие потенциал развития. Наряду с ними нужно отметить и те, которые также имеют для регионализации и стабилизации Крыма принципиальное значение. *Необходим проект совместной жизни, обращенный в будущее.* Он должен учитывать особенность истории места и его положение в геополитическом пространстве. Этот проект станет реально воплощаться в жизнь, когда каждый этнос, проживающий в Крыму, поймет смысл своего существования "здесь и сейчас". Очевидно, что проект этот может быть принят по умолчанию, т. е. не обязательно он будет иметь институциональную форму. Скорее всего, в период активных кардинальных трансформаций происходящих в обществе такая форма принятия проекта наиболее вероятная.

Собственно для Крыма подпись под таким проектом должны поставить, прежде всего, русские, украинцы и крымские татары. Последние осмысливают свое существование в Крыму как "коренной народ". И не важно признает это государство законодательно или нет. Оно ввело это понятие в свою Конституцию, но не торопится вносить ясность в толкование его. Понятие порождает миф, и он уже живет и творит крымских татар как этнос на пути к формированию нации. Требование законодательного признания за собой статуса коренного народа имеет смысл в политическом аспекте – в большем объеме прав по сравнению с другими, т. е. в приобретении власти, которая будет своей и сделает процесс возвращения и возрождения гарантированно необратимым. Национальные лидеры крымских татар видят в этом решающий фактор стабилизации ситуации в Крыму. Но, как и любая власть, тем более построенная этноцентрично, она будет подавлять других, ограничивать их свободы. Этноцентризм уже по определению ставит кого-то в центр, а кого-то на периферию. Крымские татары определили свою миссию как любовь к Родине, другие этносы должны этот идеальный смысл нажить как исторический опыт и связать его с этим местом, с Крымом. У них масштаб или больше (украинцы, русские), или меньше (представители национальных меньшинств). Общий проект совместного проживания с единой миссией должен аккумулировать бесспорные принципы, под этим проектом должны быть готовы "подписаться все".

Сегодня государство находится в состоянии неустойчивого равновесия. В Крыму возможен разлом по линии межэтнических отношений. Здесь происходит структуризация общества по национальному признаку. В этом есть свои плюсы и минусы. По всей видимости, дает о себе знать потенциальная энергия истории и географии. Конечно, мы имеем дело с определенной формой самоорганизации мультикультурного общества. Но в лучшем случае самоорганизации первого уровня, крайне далекого от самоорганизации гражданского общества. Однако она позволяет оперативно решать проблемы в динамично меняющемся обществе, предотвращать их переход в горячую форму.

Важным этапом на пути к социальной стабилизации в Крыму является достижение взаимопонимания. Без него в принципе невозможно согласие и, как следствие, стабильность в обществе. Даже основные этнические группы в Крыму через представляющие их органы не сумели сформулировать позицию своих оппонентов в удовлетворительном виде, т. е. таким образом, чтобы последние их приняли. По сути, это задача на ближайшую перспективу. Решение ее – еще один шаг на пути к взаимопониманию и стабильности. И перевод проблем в плоскость осмысления Крыма как уникального региона со своим планом развития как мультикультурного общества может быть эффективным и результативным.

Мы остановились только на проблеме межэтнических отношений существенным образом определяющих ситуацию по стабилизации социальной, политической, экономической жизни в Крыму. Сделано это сознательно, так как именно все крымское сообщество должно сформировать

концепцию существования Крыма как региона, задать его миссию, предложить идею как смысл жизнедеятельности: во имя чего жить и умирать. Поиск ответов на эти вопросы и есть путь к стабильности, а найденные правильные ответы, как свидетельствует история, есть достижение процветания.

Примечания:

1. Такое понимание "провинции" близко к тому как ее понимали в Древнем Риме. При всей относительности таких аналогий они иногда позволяют лучше понять проблему или некоторый феномен. См.: Тойнби А. Дж. Постижение истории. Сборник.– М., 1991, с. 505-508
2. Шилов В. Три подхода к понятию "регион" // Регион. Проблемы и перспективы, № 4, 1997, с. 50-51
3. Социология. Том 1. Социальная структура и социальные процессы. Словарь-справочник.– М.:Наука, 1990, с. 116-118, с. 173-174
4. Макарычев А. С. Регионализм и культурная идентичность // См. в данном сборнике
5. Ковалев А. Регион как элемент геопространства: структура и эволюция // Регион. Проблемы и перспективы, № 4, 1997, с. 24
6. Макарычев А. С. Регионализм и культурная идентичность // См. в данном сборнике
7. См.: Osipov V. Ethnic diversity and multiculturalism in modern society // Synopsis, vol. 7, Erevan, 1997, с. 26. В работе приводится обширная библиография по проблемам мультикультурного общества и, в частности, по мультикультурному образованию.

РЕГИОНАЛИЗМ И РЕГИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

А. С. Макарычев, доцент кафедры политологии
Нижегородского государственного университета

Регионализм: теория вопроса. Что такое регионализм? Есть юридические, экономические, геополитические, исторические, культурные и иные трактовки этого сложного явления. Каждая из них концентрируется, лишь на каком-то одном аспекте, игнорируя остальные важнейшие характеристики. Например, понять суть проблем российского регионализма, исходя из чисто юридического подхода к России как государству, чья Конституция фиксирует наличие 89 субъектов федерации, будет весьма сложно, если вообще возможно.

В то же время в зарубежной литературе можно встретить множество синтетических определений этого понятия. Так, по мнению Энн Маркузен, "Регион – это исторически эволюционирующее, компактное территориальное сообщество, которое содержит в себе физическое окружение, социо-экономическую, политическую и культурную среду, а так же пространственную структуру, отличную от других регионов и территориальных единиц, таких как город или нация"[1].

Нам импонирует "релятивистская", или функционалистическая позиция, занятая, в частности, американским исследователем Уолтером Айзардом. Она может быть сформулирована следующим образом: как дефиниция, регион исчезает, стоит нам только углубиться в чисто пространственное теоретизирование. Он возвращается в качестве концепции, необходимой для обоснования наших доктрин. Другими словами, "иерархию регионов определяет только научная проблема... Регион детерминирован тем вопросом, изучением которого мы занимаемся"[2].

Финский политолог Пирьо Юкарайнен полагает, что под термином "регионализм" могут скрываться такие разнородные процессы, как движение за этнические права, сепаратизм, децентрализация государственного устройства, транснациональное сотрудничество соседних административно-территориальных образований, региональная сетевая интеграция, и т. д. [3]. Регионализм – это естественный, органический принцип территориальной организации социальных, политических, экономических и культурных процессов. В этом смысле он анализируется в таких категориях как:

- социальная сплоченность этнических расовых и языковых групп, проживающих совместно;
- взаимная дополняемость тех хозяйственных и промышленных единиц, которые работают в рамках данной территории;
- совместность общих ценностей, связанных с культурой, религией, историческими традициями;
- политическая солидарность[4].

Регионализм нацелен на практическое использование тех возможностей, которые вытекают из естественного территориального деления современных обществ, а значит – создает условия для рационального распределения власти и ресурсов среди различных групп населения. Поэтому регионализм внутренне присущ всем типам современных обществ, независимо от их размеров, уровня развития, особенностей политических структур и т. д. [5]. Региональные отличия существуют и в маленькой Албании, и в огромном Китае. Другими словами регионализм неизменно присутствует во внутреннем обустройстве общественных отношений и не всегда принимает политический облик. Курс правительства, часто имеющий коннотацию с термином "регионализм", – это не более, чем отражение (адекватное или искаженное) тех изначально существующих возможностей и потребностей, которые вытекают из самого принципа пространственно- территориального распределения человеческих сообществ.

При игнорировании на официальном уровне регионализм существует в пассивной (подавленной) форме и проявляется в различных привычках, обычаях, типах менталитета, публичной активности, культурных особенностях и т. д. Этот вид регионализма определяется общей идентичностью, культурой, историей, географией. Будучи поощряемым, регионализм приводит к созна-

тельному поддержанию различных центров регионального притяжения и в политическом смысле ведет к децентрализации власти.

Некоторые ученые трактуют регионализм как альтернативу национализму и шовинизму. Другие полагают, что дробление современных государств-наций приведет к появлению преимущественно региональных форм политической организации, которые будут более однородны социально, а потому станут более прочными и интегрированными. Действительно регионализм позволяет сократить дистанцию между политической элитой и рядовыми гражданами и, таким образом, создает стимулы для более глубокого участия последних в политической жизни. В этом смысле можно сослаться на Роберта Дала и Эдварта Тафта, которые писали, что "чем более компактной и однородной является система, тем меньше вариации политических действий внутри нее, тем больший процент граждан придерживается единого кодекса поведения, нормы которого легко передаются словом и примером, а нарушения становятся видимыми. Следовательно, облегчается применение санкций посредством жестких или мягких форм социального взаимодействия, и затрудняется уклонение от санкций... В небольшой системе снижается групповая лояльность и усиливается общая солидарность"[6].

Однако регионализация не может трактоваться как универсальный политический инструмент. Права и свободы этнических меньшинств могут ущемляться как на центральном, так и на региональном уровне. Регионализация – это не цель, а средство. То, что при одном режиме можно достигнуть при помощи централизации, при другом реально обеспечить посредством регионализации.

В истории были случаи, когда "центральное правительство пыталось демократизировать общество за счет подрыва власти местных олигархий"[7]. Регионы, входившие во внутренние, разнородные государства, обращались за помощью центральных властей для справедливого решения тех или иных проблем. В 18 веке румынская элита Трансильвании неоднократно призывала габсбургские власти предоставить этой части страны адекватные политические и религиозные свободы[8]. Прямого вмешательства из Лондона требуют местные католические организации, находящиеся под доминированием протестантского большинства.

Простая "декомпозиция" властных полномочий не решает проблему соблюдения индивидуальных и групповых прав. Автономия не является противоядием от посягательств на политические свободы граждан. В политологии есть полезное разделение между "местной властью" и "местными сообществами". Эффективность последних определяется естественным характером их образования, духом согласия, царящим в них, добровольностью самого принципа ассоциации, важностью общих ценностей и связей.

Клинт Болик, автор концепции "тирании снизу", пишет, что если юрисдикция местных правительств устанавливается в принудительном порядке, то правила игры в сообществах вырабатываются консенсусом, как это бывает в религиозных общинах или этнических землячествах. Лояльность сообществу, вхождение в которое является полностью добровольным актом, не переносится автоматически на лояльность местной власти.

Эпоха индустриального модерна во многом разрушила основу существования сообществ в том смысле, о котором говорил К. Болик. В России они остались лишь на Кавказе и в местах расселения казаков. Многие авторы, впрочем, не исключают, что эпоха постмодерна сможет возродить дремлющие чувства территориальной идентичности людей[9].

Постмодернисты констатируют, что многие существующие общности людей (политические, религиозные, культурные, этнические, профессиональные) действуют в масштабах, превосходящих размеры самых крупных государств. Отсюда – распространение внерегиональных, внегосударственных и внетерриториальных форм самоструктурирования политических, экономических, социальных, культурных, этноконфессиональных и иных процессов. По мнению Джозефа Камиллери, "мы живем в период перехода к новой форме гражданского общества, где нет ясно очерченных границ, базирующихся на принципе национальной идентичности"[10].

Территориально организованный мир действительно полон противоречий. Во-первых, люди, принадлежащие одной этнической общности, могут жить под юрисдикцией многих государств

(курды, евреи, арабы, китайцы). Сюда же следует отнести и русских, которые превратились, в разделенный народ в 1917 г., когда миллионы наших соотечественников вынуждены были навсегда податься на чужбину. Во-вторых, территория, которую народ считает своей, может находиться (полностью или частично) под контролем других наций (проблема аборигенов и индейцев, Израиль до 1949 г. и. д.).

Изначально территориальный принцип государственного строительства предполагал, во-первых, определенную социальную однородность населения. И, во-вторых, общее самосознание коллектива людей, обрамленного общими границами[11]. Здесь очевиден ряд проблем. О самосознании (в том числе духовном его компоненте) территориально сгруппированных общностей копья ломаются давно. Ханс Гадамер, к примеру, был убежден, что понятие территории должно включать в себя категорию отношения, а Макс Шелер ввел понятие "ментальное окружение" применительно к большим группам людей.

Вполне очевидно, что территориально очерченные структуры не могут быть абсолютно однородными. Но как быть, если территориальные единицы не совпадают с лингвистическими (есть множество европейских примеров)? Или религиозными (исламский мир)? Постмодернисты высказали предположение, что территориальность может как бы поглощаться более значительными факторами – например, принадлежностью к одной из мировых религий: национальность и лояльность государственным институтам при этом может значить меньше, чем вероисповедание, то есть чувство солидарности или единения с конфессией, чья зона влияния превосходит национальные границы[12]. Исходя из этого, постмодернизм пропагандирует теорию "взаимнопересекающихся (или накладывающихся друг на друга) суверенитетов": человек может быть подданным одного или нескольких государств, и одновременно принадлежать другим иерархиям (экономическим структурам, профессиональным ассоциациям, религиозным или этническим общинам и т. п.)

Сложно спорить с постмодернистами в том, что мы живем в мире полифонии и конфликтующих друг с другом неравенств. Но этот плюрализм вполне может воплощаться в форме "национальных идентичностей". Характерно, что в своей апологетике "глобального гражданского общества" постмодернисты предпочитают не замечать того ренессанса национальных идей, который имеет место в мире. Здравко Млынар, к примеру, полагает, что формы территориальной идентификации оказались сильнее, чем все известные варианты транснациональных или национальных общностей. "В демократических или авторитарных странах, на Западе и в третьем мире, международные движения сегодня испытывают болезненный возврат к локальным формам за счет потери значительной части своей аудитории. Все универсальные братства, будь то коммунизм, исламизм или христианство, доказали свою неспособность ослабить привязанность человека к своему кусочку земли, который выступает в качестве... необычайно эффективного символа"[13].

Далее, постмодернисты постулируют, что люди могут быть членами международного сообщества в обход государства, непосредственно и прямо (например, экологические или правозащитные движения). Это действительно так. Но причина кроется не в эпохе постмодерна как таковой, а в широком распространении в мире демократических институтов, либеральных принципов и норм.

Наконец, обращает на себя внимание нежелание постмодернистов давать определения основным терминам, и в частности понятию "нация". Сложность здесь состоит в том, что нацию нельзя жестко определить через общий язык (его нет в Швейцарии или Бельгии), расу, культуру, религию (вспомним американскую концепцию "плавильного котла" и "мультикультурализма") или территорию (феномен еврейской, русской или польской диаспоры). Нация может выступать, как транстерриториальное понятие: можно жить за пределами своей исторической родины и продолжать отождествлять себя со своей нацией (пример русской эмиграции, немцев в странах СНГ и т. д.). В этом смысле прав голландский профессор А. Моммен, определивший нацию как сообщество равных людей, добровольно подчиняющихся (или выражающим лояльность) определенным правилам, процедурам и нормам, которые в свою очередь отражают совокупные предпочтения граждан[14]. Если эти правила, процедуры и нормы воплощаются или отражаются в существующих государственных институтах, то категории национальности и гражданства совпадают.

Кроме того, члены нации должны разделять общие **ценности**, выработанные в ходе совместного исторического прошлого (это может быть соборность или индивидуализм, уважение к собственным государственным символам, элементы религиозного сознания и т. д.). "Национально-государственное единство предполагает наличие не только единого географического пространства, общих культуры, языка и исторического прошлого, определенных убеждений и ценностных ориентаций, но и формирование чувства ответственности, единого целого, которые позволяют членам политического сообщества действовать коллективно, чтобы отстоять собственную идентичность"[15]. Это приводит к понятию идентификации: человек сам отождествляет себя с большим коллективом людей и воспринимает судьбу в неразрывном единстве с его судьбой. Важно подчеркнуть тот демократический потенциал, который изначально заложен в таком "вбирающем" определении: стать членом нации можно вне зависимости от расы или религии, лишь в результате свободного волеизъявления. Так формировалась американская, канадская, австралийская, российская нация.

В научных и политических кругах существует путаница в использовании терминов "нация" и "этнос". Иногда они отождествляются друг с другом. Так, конституционное положение о "многонациональности" Российского государства фактически предполагает, что существует как бы общефедеральная нация и нации более мелкого масштаба, имеющие к тому же самый разнообразный статус. Такое положение вещей бесспорным назвать нельзя, поскольку этнос становится нацией только при условии создания собственных политических институтов власти. Кроме того, вольное использование терминов приводит к искажению сути многих явлений, которые они описывают. К примеру, то, что часто называется "межнациональными конфликтами", в действительности представляет собой борьбу этнических элит с центральным правительством за повышение собственного статуса посредством суверенизации того или иного этноса.

Культурологические аспекты регионализма трактуются в политологии с различных позиций, однако, можно выделить два наиболее распространенных тезиса. Во-первых, культурное разнообразие само по себе чаще всего является препятствием для политической интеграции общества и, представляет потенциальную угрозу стабильности общественного порядка[16]. Во-вторых, для мирного сосуществования различных этнокультурных групп в рамках федеративного государства нужна особая политическая культура, базирующаяся на толерантности и плюрализме (положительный пример – Швейцария, отрицательный – Югославия) [17].

В государствах, где региональные проблемы имеют особую актуальность, существуют следующие варианты децентрализации власти:

- наличие регионов, обладающих чувством "региональной идентичности", но не склонных решать самостоятельно свои проблемы (в силу ограниченности ресурсов, слабой структурированности региональной политической элиты, сильной привязки к центру и по другим причинам). Они применяют стратегию "приспособления", другими словами – вхождения в политическую среду более широкого социального организма на правах одного из его компонентов;
- требования культурной автономии "язык, религия, сохранение местных этнических традиций и тому подобное);
- артикуляция экономических интересов;
- политические лозунги, направленные на сдвиги в существующей системе распределения власти;
- сепаратизм при наличии сформулированной идеологии. Он может принимать два вида:
    - а) сецессия, то есть выделение региона из состава государства (гражданская война в США),
    - б) ирредентизм, то есть обособление на основе объединения в рамках одной территории всех членов некой этноязыковой группы (итальянское движение 19 века, образование Израиля, курдская проблема). Сепаратизм может протекать как в мирной форме (распад СССР или ЧССР, ранее – образование Норвегии). Так и при применении насилия (Югославия).

Что касается этнической идентичности, то в современной литературе можно встретить несколько трактовок этой проблемы. Согласно первой версии ("примордиализм"), этничность в целом и язык в частности являются исконно присущими атрибутами человеческих сообществ. В этом смысле этничность консервативна и ее психология может быть направлена против модернизации.

Согласно другой, инструментальной теории, характер этнической идентичности определяет экономические политические и коммуникационные процессы. В таком контексте использование тех или иных атрибутов этничности (в частности, языка) рассматривается не как самодовлеющий фактор, а как следствие определенной парадигмы общественного развития.

Наконец, так называемый конструктивистский подход исходит из того, что человеческие сообщества сами формируют ту среду, которая наиболее адекватна их общим интересам. С этой точки зрения, люди сами рациональным образом избирают ту культурную парадигму развития, которая делает членство в этнической или социальной группе не просто приемлемым, но и выгодным[18]. Этот подход акцентирует внимание на рациональных началах жизнедеятельности этнических групп.

Проблема состоит в том, что этническое разнообразие при определенных условиях чревато угрозой целостности государства. Наиболее типичными причинами сепаратизма в современном мире являются:

- этно-религиозное многообразие государства (Кипр, Ливан);
- неравномерное экономическое развитие.
- Существует сепаратизм как отсталых (Чечня), так и передовых регионов (Словения, Каталония, Фландрия, Квебек);
- защита определенных политических ценностей (отпадение Тайваня);
- стремление к большой эффективности в использовании имеющихся ресурсов (Чехия, Словения);
- желание и возможность исправить старые несправедливости (Эритрея, страны Балтии);
- облегчение последующего объединения с другим государством или вхождения в международные организации (Молдова, Чечня);
- сохранение культурных и национальных ценностей (Абхазия, север и юг Судана, страна Басков, Приднестровье, восточные области Украины, Трансильвания);
- раздел сфер геополитического и экономического влияния в мире, что приводит к относительной легкости нахождения внешнего "протектора", или альтернативного центра геополитического притяжения (ориентация Чечни и Боснии на мусульманский мир, Хорватии – на Германию и Евросоюз, Сербии – на Россию, Квебека и Валлонии – на Францию);
- неэффективность международных механизмов по предотвращению сецессий, гражданских войн и сохранению территориальной целостности государств (фактический провал одного из ключевых принципов хельсинкского соглашения о нерушимости границ в Европе).

Можно отметить, что не существует прямой и однозначной зависимости между уровнем дискриминации потенциальных сепаратистов и интенсивностью их активности (словенцы в СФРЮ, армяне или прибалтийцы в бывшем СССР не относились к числу отсталых или дискриминируемых народов, но при первой же возможности встали на путь независимости).

В числе носителей идей сепаратизма, по мнению американского исследователя Гидона Готлиба, обычно выступают:

- этнонационалисты, то есть крупные и хорошо структурированные социальные группы: квебекцы, хорваты, словаки;
- воинствующие группировки (дудаевские и последудаевские формирования, Ирландская республиканская армия, баскские террористы, тамилы в Шри-Ланке);
- неудачливые участники распавшихся многоэтнических коалиций (марониты в Ливане, креолы в Сьерра-Леоне, тутси в Бурунди и прочие).

Гидон Готлиб, в частности, полагает, что решение подобных конфликтов путем дробления существующих государств является тупиковым путем, поскольку повлечет за собой растущую

нестабильность. Система международных отношений, с его точки зрения, должна быть усовершенствована с тем, чтобы вобрать в себя не только национальные государства, но и те народы, которые не имеют своего государства. Эти народы должны быть признаны в качестве субъектов международного права, что отчасти снимает остроту проблемы территориальных изменений[19]. Эту же мысль поддерживает и Э. Паин, полагая, что так называемые национально-культурные автономии могут развиваться как в территориальной, так и в экстерриториальной форме[20].

Тэд Р. Гурр полагает, что для нового "мирового порядка" наибольшую опасность представляют религиозные и этнические меньшинства, организованные в виде негосударственных "коммунальных групп". Он высказывается не за полную независимость и разрушение существующих государственных единиц, а за такие политические формы, как конфедерализм, федерализм, региональная автономия, региональная административная децентрализация, и "общинный автономизм". При этом у любого государства, встречающегося с проблемой сепаратизма, есть, по крайней мере, четыре варианта действий: "сдерживание", "ассимиляция", "содействие плюрализму" и "передел власти" [21].

Б. Харфф и Т. Гурр справедливо полагают, что "там, где люди различного этнического происхождения непосредственно конкурируют друг с другом по поводу одних и тех же ограниченных ресурсов, их этническая идентичность приобретает для них большое значение... Этнические группы мобилизуются при наличии двух условий -- сильного чувства идентичности группы и воздействия неблагоприятных факторов... Основным показателем возникновения этнополитического конфликта является сплочение этнической группы, бросающей вызов другим, и сила и единство руководства ею". Степень идентичности группы зависит от таких параметров, как владение общим языком, количество людей с общим вероисповеданием, рассовые признаки и общая история, по крайней мере, столетнего периода [22].

Концептуализируя идентичность, можно выделить два условия, абсолютно необходимых для образования нового государства в форме "отпочкования" от уже существующего. Во-первых, претендующая на государственный статус этническая группа непременно должна сконструировать собственную независимую политическую структуру, то есть комплекс политических институтов, способных обеспечить жизнеспособность и безопасность будущего государства. Так произошло, например, когда Сингапур встал на путь выделения из состава Малайзии. При этом нация непременно должна выдвинуть из своего состава политическую элиту: выделяющийся регион (или территория) должен быть управляемым и контролируемым.

Но этого условия не достаточно: сецессия приводит к появлению новой государственности, если население обладает чувством национальной "идентичности", то есть неким особым сознанием и интересами, отличными от соседских. Вместо идентичности некоторые ученые предпочитают говорить о лояльности. В этом смысле регионализация предполагает сдвиг лояльности вовнутрь, поскольку лояльность правительственной системе уступает дорогу лояльности по отношению к субсистемам[23]. В любом случае речь идет об очень подвижном и по преимуществу социо-эмоциональном чувстве восприятия "нас" как отличных от "других". Оно может иметь этнический подтекст (распад бывшего СССР, квебекский сепаратизм, раскол между Фландрией и Валлонией), но не обязательно. Например, ядро будущей Швейцарии образовалось с выделением из состава Германской империи трех немецких кантонов. Этнический фактор играл относительно слабую роль при выделении Ирландии из состава Великобритании или белых правительств ЮАР и Родезии из Британского Содружества. Есть и другие примеры: разрыв колониальных связей между странами Латинской Америки и Испании, Бразилией и Португалией, Североамериканскими колониями и Англией.

Интересный подход к этой проблеме содержится в работах Раймона Бреттона. Он определяет идентичность как модель восприятия людьми самих себя и тех групп, в которые они входят, и полагает, что она может проявляться в трех формах. Во-первых, идентичность может привести к созданию практических возможностей, отвечающих интересам людей. Во-вторых, идентичность повышает уровень взаимозависимости: чем в большей мере люди воспринимают ее как постоян-

ную характеристику жизни (география, пользование одними и теми же транспортными коммуникациями и энергоресурсами, наличие общих противников), тем сильнее чувство идентичности региона. В-третьих, чувство идентичности может опираться на исторический опыт, общее культурное наследие, религию и язык.

Проблему идентичности нельзя сводить к поиску отдельных особенностей того или иного региона (в истории, политическом устройстве или иных сферах могут быть найдены достаточно легко). Для существования региональной идентичности нормы, регулирующие и обеспечивающие ее, должны быть сильнее общенациональных норм или сопоставимы с ними по своему влиянию. Кроме того, идентичность должна иметь некоего "оппонента", против которого она направлена (политически, культурно и т. д.).

Региональная идентичность в России. Какие обстоятельства затрудняют процесс "кристаллизации" федеративных отношений в России и других странах СНГ? Во-первых, это слабое развитие соответствующей политической культуры, ставшее следствием коммунистического правления. Во-вторых, это недостаточное структурирование институтов гражданского общества. К примеру, политические партии явно не выполняют свою "стягивающую", "цементирующую" роль, столь важную для единого федеративного государства. В-третьих, это отсутствие территориальных границ расселения этнических групп, что часто провоцирует вспышки этнонационализма. Во многих регионах политические границы не являются границами между этническими группами (особенно это характерно для Кавказа или Средней Азии)[24].

Для российских регионов характерны два типа этнокультурной идентичности. Первый тип Л. С. Перепелкин назвал "шотландским". Для него свойственна частичная культурно-языковая ассимиляция меньшинства со стороны более крупного народа при сохранении своего национального своеобразия (карелы, мордва, удмурты, коми). "Баскский тип" предполагает значительное дистанцирование (в том числе и в религиозном плане) от доминирующего народа (татары, башкиры, чеченцы, тувинцы). Такой тип усиливает автономистские тенденции и стимулирует "культурное разделение труда"[25].

Этнически разнородная федерация создает условия для развития внутренней асимметрии. Эта асимметрия может объясняться, во-первых, политическими обстоятельствами (уступки со стороны центра отдельными республиками). Во-вторых, она может носить структурный характер, отражая дифференциацию между регионами. В-третьих, асимметрия может быть составной частью стратегии центра по привлечению к сотрудничеству те региональные элиты, которые наиболее лояльны к федерации[26].

Анализируя состояние российского федерализма, можно говорить не только о культурной, но и о **политической идентичности** регионов. Действительно, большинство субъектов РФ имеют свои четко выраженные политические особенности. Характеризуя их, многие политологи говорят о "региональных политических режимах".

Так, Бэт Митчнек (Аризонский университет) выделяет два типа. Во-первых, это так называемые "режимы сохранения", главная функция которых состоит в обеспечении защиты населения от экономических и политических кризисов. Во-вторых, это так называемые "финансово-брокерские режимы", ставящие целью экономические реформы и развитие предпринимательства.

Российский ученый Владимир Гельман выделяет другие типы региональных политических режимов в России, характеризуя их следующим образом:

а) "победитель получает все";

б) "сообщество элит";

в) "война по правилам" [27].

Проблема региональной идентичности в России имеет отношение к поиску различных вариантов **региональной идеологии власти**. Идеологические доктрины на местах формировались в виде определенных приоритетов, иерархии социальных ценностей и оценочных политических стереотипов. По словам саратовского исследователя С. Бразилова, формирующаяся в регионах идеология "как бы компенсировала жесткую и несправедливую социальную дифференциацию

населения символами и заклинаниями относительно общественной солидарности и территориального сожительства. С другой стороны, региональная идеология воплощала и воспроизводила в приличных и апробированных социальных образах сугубо материальные и политические цели административной элиты" [28]. Так, нижегородский губернатор И. Скляров откровенно заявил о необходимости создания в структуре областной администрации "мощнейшего идеологически-информационного департамента", который обеспечивал бы выгодную власти подачу материалов в прессе[29].

Важными функциями региональной идеологии являются "консолидация провинциального социума на основе принципов региональной солидарности", а также "концептуально-мировоззренческое обобщение недовольства провинциальных элит господством финансовой олигархии и контролем московского экономического и политического истеблишмента над сырьевыми и материальными ресурсами региона" [30].

По словам другого саратовского политолога А. Чернышова, "при отсутствии общезначимых ценностей и ориентиров наше политическое мышление модифицируется в зависимости от перехода от одной ситуации к другой. Ситуацию, как правило, создает власть". Региональная идеология, поэтому является важнейшим компонентом так называемого "мобилизационного типа организации политического пространства"[31].

Можно выделить несколько вариантов региональной идеологии в России. ***Первый*** ориентируется на противопоставление интересов того или иного региона и федерального центра. "Противостояние с Москвой " по финансово-экономическим и политическим вопросам стало, например, сквозной темой регионального дискурса в Нижнем Новгороде.

Второй вариант видится нам в тех республиках, где преобладают этнонациональные идеологические мотивы. "Менталитет этнонационалиста включает установку на исторический реванш, даже если речь идет о реалиях, удаленных не на одну сотню лет. Он видит мир сквозь призму интересов общего – своего этноса, выталкивая из поля зрения едва ли не все, что связано с единичным -- естественными правами личности"[32].

По мнению В. Бажанова, отсутствие последовательной и компетентной национальной политики в России способствует становлению примитивных форм асимметричного регионализма и укреплению этнонационалистических тенденций, которые могут иметь необратимый характер[33]. Первую скрипку здесь играет, без сомнения, Татария. Именно в этой республике сформировался своего рода "теневой институт" "Конгресс татар", претендующий на выработку национальной идеологии для всей республики. Ее конкретные проявления весьма широки – от предложений о вступлении Татарии в НАТО до войны с центром за сохранение в паспортах графы о национальной принадлежности [34].

В этой связи очень важно проводить различие между этническими и региональными интересами. К примеру, интересы, связанные с освоением и эффективным использованием природных ресурсов, экологией или демографической политикой, могут удачно сочетаться с интересами коренных северян или аборигенных народов. Но все же это – не этнические, а региональные интересы. По словам политолога из Сыктывкара В. Ильина, "русские депутаты коми парламента так же активно поддержали все меры по защите экономики республики от Центра, как и их коми коллеги... Почти все ключевые проблемы республики связаны с этнически нейтральным региональным интересом"[35].

В то же время часто имеют место попытки подменить региональный интерес этническим. К примеру, в Горном Алтае начало строительства ГЭС вызвало значительное обострение межэтнических отношений[36]. В начале 1990-х годов подобные ситуации сплошь и рядом были необходимым условием для победы на выборах представителей этнических групп[37].

Третий вариант характерен для регионов, чувствительных к проблеме территориальной незащищенности. По словам ульяновского политолога А. Магомедова, "в данной ситуации подход к идентичности политического сообщества выходит на передний план. Не случайно, например, державный синдром приморского губернатора Е. Наздратенко подпитывается ссылками на рас-

тущую угрозу китаизации российского Дальнего Востока"[38]. Националистические речи краснодарского губернатора Н. Кондратенко объясняются близостью этого региона к "горячим точкам" с их очагами этнических конфликтов.

Культурные и политические аспекты региональной идентичности, без сомнения, связанны друг с другом, однако эта связь не является прямой и очевидной. Так, интересно, что исследовательница из Пристона Кэтрин Стонер-Вайсс, изучившая ряд российских регионов (Саратов, Ярославль, Тюмень и Нижний Новгород), не смогла выявить однозначной зависимости между открытостью и склонностью к реформаторству региональной политической элиты и так называемой "гражданской культурой" самого населения [39].

Заключение. Таким образом, культурологическое "измерение" регионализма тесно связано как с феноменом этничности, так и с региональными вариантами создания собственных идеологических конструкций. Этнокультурное разнообразие России является одним из факторов, создающих серьезные политические проблемы для федерации. Их разрешение в конечном итоге должно быть связано с необходимостью обеспечения социального порядка и дробного, фрагментирующегося политического пространства.

Примечания:

1. Ann Markusen. Regions: Economics and Politics of Territory. Rowman and Littlefield Publishes, 1987. P. 17,251.
2. Andrew M. Isseman. Lost in Space? On the History, Status, and Future of Regional Science // The Review of Regional Studies. Vol. 23 . №1, Summer 1993. P. 5-6
3. Pirjo Jukarainen. Any Space for the Postmodern Identity? International Conference: " Border Regions in Transition", 14-18 June 1997. P. 5.
4. Andrew Hurrel. Expanding in Resurgence of Regionalism in World Politics// Review of International Studies. Vol. 21, №4, October 1995. P. 333.
5. Daniel Lerner. Some Comments on Center – Periphery Relations // Comparing Nations. The use of Quantative Data in Cross-National Research. Edited by Richard L. Merrit and Stein Rokkan. New Haven and London, Yale University Press, 1996.
6. Robrt dahl, Edward Tufte. Size and Democracy. Stanford University press. Stanford, California, 1973. P. 72-93.
7. Regional development in Comparitive perspective. Edited by Mark O. Rouseeau and Raphael Zariski. Praeger, 1987. P. 10.
8. Paul . R. Brass. Ethnicity and Nationalism. Theory and Comparison. Sage Publications. New Delhi/ Newberry Park/London, 1991. p. 60.
9. Clint Bolick. Grassroots Tyranny. The Limits of Federalism. CATO Institute. Washington, D. C., 1993. P. 95-96.
10. Joseph Camilleri. Rethinking Sovereignty // Contending Sovereignties. Redefining Political Community. Edited by R. B. J. Walker and Saul H. Mendlevits. Lynne Rienner Publishers. Boulder, London, 1990. P. 35.
11. Andrew Hurrel. Op. cit.
12. Anthony Giddens. The Consequences of Modernity. Polity Press, 1990. P. 70-77.
13. Global Modernities. Edited by Mike Featherstone, Scott Lash and Ronald Robertson. SAGE Publication, 1995. P . 28-33.
14. Андрэ Моммэн. Федерализм, конфедерализм и национальные государства. Тезисы лекции прочитанной в Нижегородском Университете. Май 1993.
15. Орачева И. О. Разделенные народы и проблема национально-государственной самоидентификации в условиях переходного периода. // Судьбы разделенных народов: история и современность. Материалы международной научной конференции. Нижний Новгород, 1996. Стр. 100.
16. Steven L. Burg, Michael L. Berbaum. Community, Integration and Stability in Multinational Yugoslavia // American Political Science Review, June 1989. Vol. 83, n2. P. 536-537.

17. Daniel Elazar. International and Comparative Federalism // Political Science and Politics //June 1993. Vol. XXVI, n. 2 p. 190-195.
18. Lawrence R. Robertson. Ethnic Politics in the Russian Republics: Ethnic Revivials and Language Policies. Prepared for the Regional Russia Workshop, the Kennan Institute, Woodraw Wilson Center meeting. Washington DC, January 22-24, 1998.
19. Gidon Gottlieb. Op. cit. P. 39.
20. Паин Э. А. Становление государственной независимости и национальная консолидация России: проблемы, тенденции, альтернативы. // Мир России, №1, 1995. Стр. 86.
21. Ted Robert Gurr. Minorities and Risk. A Global View of of Ethnopolitical Conflicts. United States Institute of Peace Press, Washington, DC, 1993. P. 3-23.
22. Харрф, Т. Гурр. Подходы к анализу этнополитической мобилизации и конфликта. // Социальные конфликты: Экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Москва, 1997. Стр. 16-17.
23. Ibid. P. 62.
24. Oliver Roy. The Civil War in Tadjikistan: Causes and Implications. A Report on the Study Group on the Prospects for Conflict and Opportunities for Peacemaking in the Southern Tier of Former Soviet Republics. United States Institute of Peace, Washington, DC., 1993.
25. Перепелкин Л. С. Истоки межэтнического конфликта в Татарии. // Мир России. Том 1, № 1. 1992. Стр. 93-94.
26. Steven L. Solnick. Measuring Center-Periphery Dynamics in the Russian Federation: Preliminary Findings of a 1995-96 Study. Prepared for the Kennan Institute Russian Regional Workshop, January 1998.
27. Vladimir Gelman. Regime Transition and Outcome of Uncertainty: Russian's Region in a Comparative Perspective. Prepared for Regional Russia workshop, Kennan Institute for Advanced Russian Studies, Washington DC, 8-9 May, 1998.
28. С. И. Барзилов. Концептуализация региональной идеологии власти. // Наука, культура, высшее образование на пороге XXI века. Выпуск 4. Ульяновск, 1998. Стр. 5.
29. Дело, 9-15 октября 1998 г.
30. Там же. Стр. 10.
31. Чернышов А. Г. Политическое самоопределение и структурирование российских регионов: типы и тенденции развития. // Наука, культура, высшее образование на пороге XXI века. Выпуск 4. Ульяновск, 1998. Стр. 13-14.
32. Бажанов В. А. О феномене этнонационализма. Может ли Татария быть катализатором общероссийских тенденций? // Наука, культура, высшее образование на пороге XXI века. Выпуск 4. Ульяновск, 1998. Стр. 29.
33. Выступление на конференицнии "Региональная политическая культура", Самара, июнь 1998 г.
34. Олег Зазнаев. Динамика политического процесса в Республике Татарстан (1997 г. -начало 1998 г.) // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. №1(22), 1998 г. Стр. 81-82.
35. Ильин В. И. Ключевые факторы национальных отношений в Республике Коми. Регионология. Научно-публицистический журнал. Саранск. №1, 1994. Стр. 34-35.
36. Филиппов В. Р., Филиппова Е. И. Горный Алтай: межнациональные отношения сегодня и завтра. // Мир России. Том 2, №1, 1993. Стр. 73.
37. Калабанов А. Этнополитическая ситуация в Архангельской области и республике Коми и развитие федерализма в России // На путях политической трансформации (политические партии и политические элиты постсоветского периода). Сборник работ победителей конкурса научных проектов и материалов семинара "Новые элиты и политические институты в СНГ". Выпуск 8. Часть1. Московский общественный научный фонд. Москва, 1997.
38. Магомедов А. К. Дилеммы политического развития Кубани и региональная "реставрация" губернатора Николая Кондратенко // Наука, культура, высшее образование на пороге XXI века. Выпуск 4. Ульяновск, 1998. Стр. 23.
39. Kathryn Stoner-Weiss. Local Heroes. The political Economy of Russian Regional Governance. Princeton University Press. Princeton. New Jersey. 1977. P. 151-168.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В УКРАИНЕ: ЗАТЯЖНОЙ КРИЗИС

А. А. Кислая, кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и социологии СГУ, А. Е. Кислый, кандидат исторических наук, докторант Института экономики НАНУ

Украина, как независимое государство, восьмой год находится в сложном и противоречивом положении. Сегодня это государство с широким диапазоном проблем: политических (трудности становления государственности, неустойчивость политической структуры общества, противоречия между трудом и капиталом или, иными словами, политические проблемы организации производства), экономических (падение производства, бартеризация рынка, неплатежи, дефицит бюджета и рост государственного долга), социальных (падение уровня жизни населения, социальная напряженность в обществе, отсутствие диалога между властью и народом), внешнеполитических (зыбкая тенденция ориентации Украины между Востоком и Западом, блоковая и внеблоковая политика и др.).

1. Нарастающий политический кризис. На первом этапе становления украинской государственности было ощущение, что Украина готова к демократическим преобразованиям, существуют условия для систематических и последовательных преобразований. Последнее неоднократно подчеркивалось как политическими деятелями, так и учеными-аналитиками, политологами. Сегодня очевидно, что многие концептуальные разработки были поверхностными. Декларированные ценности, именно – правовое государство, демократические гарантии для всех граждан, свобода слова, многопартийность, право на экономическую инициативу, право на частную собственность, право на достойный уровень жизни, – все это не стало регулятором общественной жизни, потому что не было обеспечено соответствующими законами и политическими решениями. Вновь изданные законы, политические и экономические решения не отражают общих принципов общественной организации, или иначе – *продекларированные ценности не институционализированы*. Более того, в обществе не сложились условия для их реализации, потенциальные возможности этого не возрастают, а уменьшаются вместе с нарастающим политическим кризисом. Наступила ситуация несостоятельности власти и всей политической структуры: старая ценностно-правовая система разрушена, новая не создана.

Одна из наиболее общих черт политического кризиса в Украине проявляется в закономерной при данном раскладе сил тенденции дистанцирования от ответственности перед демократическими правовыми нормами, консервации системы власти, которая основывается не на дифференциации и учете интересов разных социальных страт, политических партий, а на конкуренции персонифицированных, региональных и корпоративных интересов. При такой позиции будущее экономических преобразований и демократического развития становится далекой перспективой и требует не стратегической консолидации на общей основе, а формирования демократических, политических, и социально-экономических ориентаций населения. Народ не устраивает отведенная ему политиками роль статистов без всякой надежды на участие во власти. Известная реакция в этой ситуации, прослеженная на многочисленных примерах в иных странах, сегодня диагностируется и в Украине: в обществе, по данным киевских социологов, социальный оптимизм, характерный для украинского населения в 1987 – 1992 гг., уступил место пессимистическим настроениям. В обществе наступило время отчуждения людей от государства через утрату норм регуляции жизни. Соединяя этот вывод с означенной потребностью построения украинской государственности, отметим дальнейшую деструкцию тех принципов, в том числе и национальных, на которых базируется государственность. Согласно данным опроса общественного мнения, проведенного Фондом "Демократические инициативы" после выборов в Верховную Раду 1998 г., когда социально-психологический эффект сопричастности к большой политике еще действовал в массах, государственную систему Украины в общем как удовлетворительную или требующую некоторых изменений оценили всего лишь 15,3% и такой, что требует существенного улучшения и даже фундаментальных изменений 84,7% граждан [1].

Соответственно, социальное напряжение в украинском обществе – это следствие социальной невостребованности. Социальная невостребованность, – это интегральный показатель удовлетворенности человека своим положением в обществе и тем, что он получает от общества [2].

Сегодня вряд ли есть в украинском обществе большие социальные группы, которые идентифицируют себя с обществом и чувствуют себя защищенными им. Сравнение опросов общественного мнения после выборов в Верховную Раду в 1994 и в 1998 гг. показывает: в первом случае считали, что во вновь избранном парламенте будут представлены только собственные интересы депутатов 13 %, и только интересы мафии (организованной преступности) – 12 % опрошенных, через четыре года эти показатели соответственно выросли до 31,8% и 24,5%. Предположим, что в общественном сознании будущее возрождение нации прочно связано с открывшимися возможностями предпринимательской деятельности, что было бы логично в связи с многолетней пропагандой новой экономической доктрины, предпринятой в государстве. Однако, согласно тем же опросам в 1998 г. только 21,9% респондентов считали, что новая Верховная Рада будет представлять интересы предпринимателей [3]. Аналогично отношение населения и к иным ветвям власти. *В представлении общества власть не выполняет своих обещаний ни перед одной из социальных групп, и не способна выполнить свои функции в ею же обозначенной системе общественных отношений.*

Далее можно присоединиться к мнению Н. Паниной, что украинское государство не только не демократическое, но в целом это общество с аномией развития: не сформирована политическая система, нет единой идеологии, нет общей системы ценностей [4]. В таких условиях в обществе реализуется две модели социального поведения – нормативная и ненормативная. Нормативная – это модель ожидания, потребность установления хоть каких-то норм регулирования общественной жизни. Ненормативная модель – это устойчивое негативное отношение к нормам, отчуждение норм как способов достижения целей. Сегодня именно второе воспринимается как норма поведения, и отсюда – криминальное сознание, потенциальная готовность допуска криминальной власти к общественной жизни, масштаб криминальных событий в Крыму, Донецке, Киеве, да и по всей Украине Отметим здесь имеющуюся деструкцию именно в общественном сознании. Происходит героизация деятельности преступных банд, а наши наблюдения во время предвыборной кампании 1998 г. показали, что *многие уповают на любой порядок, любую гарантию жизненного минимума,* в том числе и криминальную. Поэтому наступление на криминальные структуры, предпринятое в последнее время государством, воспринимается как очередной этап криминогенерирования власти [5]. События, касающиеся главных в прошлом фигур парламента Крыма и правительства Украины, ставшие достоянием гласности, говорят, что такое предположение имеет достаточно под собой оснований.

2. Этнополитический кризис и Крым. Кризис в Украине и его следствие – социальная напряженность, среди прочих причин имеют и такую, как историко-этническая особенность украинского общества. Левобережная Украина, Правобережная и Крым – это регионы в одном государстве, которые отличаются не только географическим расположением, но и менталитетом, традициями в целом и политическими традициями в частности. Социологи уже привыкли к тому факту, что данные социологических исследований по любой теме в Левобережной и Правобережной Украине различные. Даже автор книги, в которой провозглашено будущее создание "украинского экономического чуда", признает, что "перетягивание каната левыми и правыми, раздвоение менталитета Украины на западный и восточный нас просто губят, не позволяют идти вперед [6].

Полуостров Крым с его национальными особенностями, политическими процессами очень часто выступает дополнительным, мощным раздражителем общественно-политической жизни в Украине. В отношении Крыма можно выделить три наиболее общих фактора противоречий в политической жизни. *Геополитически* Крым – это историческая часть циркумпонтийской провинции – одной из наиболее проблемных зон ойкумены. Искусственное видение здесь интересов только Украины и России с той или иной политической окраской подчеркивает неустойчивость ситуации и недальновидность узких геополитических построений. История не может начинаться в 1917г., 1954 г. или в конце XVIII века.

Второй фактор не только корректирует политическую жизнь, но и de-facto определяет особый статус Крыма в политическом поле Украины – это *полиэтничность*. Здесь проживают 62% русских, 23% украинцев и 11% крымских татар (причем последняя цифра будет возрастать), греки, немцы, караимы, евреи и другие этнические общности. Советская тоталитарная система не смогла решить противоречия этих двух уровней демократическим путем, в результате последовала депортация крымских татар, армян, болгар, греков, немцев и некоторых "малых народов", проживавших в Крыму до 1941-1945 гг. Репатриация и интеграция депортированных в украинское общество пока только частично решила проблемы. Репатрианты остаются одной из наименее защищенных частей общества, и сделанные в прежние года государственные заверения о помощи сегодня реализуются только в малой своей части, что приводит к известной конфронтации.

Третий фактор связан *с распределением собственности и власти*, разным уровнем доступа к благам и возможностям, что особенно остро ощущается репатриантами. Таким образом, этнополитический аспект является дополняющим или основным во всех факторах названных противоречий.

Наибольший по численности этнос среди депортированных – крымские татары. Сегодня он, по сравнению с первым этапом возвращения 1987-1993 гг., находится в толерантных и конструктивных отношениях с иными этносами. Идет естественный процесс поиска условий сосуществования. Многие из крымских татар ориентированы на политическое и экономическое самоуправление, создание системы национального образования и культуры. Обращает на себя внимание то, что во все периоды развития Крымской автономии и противостояния Украине *именно крымские татары и, прежде всего крымскотатарская фракция в парламенте, были последовательными, а иногда и главными защитниками интересов украинской державы*, целостности ее границ. В этом проявился их пассионарный импульс становления, экстраполированный на иную, но этнопсихологически близкую среду. Крымские татары, до известного момента, видели в развитии государственности Украины потенциальную возможность самореализации. Те проблемы, с которыми столкнулась Украина, затормозили некоторые интеграционные процессы. Крымские татары, не видя возможности получения гарантий должного уровня жизни, дальнейших демократических перемен, защиты личности, достоинства, свобод, попадают под иллюзию возможности решения всех проблем через национальное государство. Как ни сильны такие иллюзии, все же многие пока находятся в стороне от собственно национального ракурса проблем, но *нарастающие проблемы украинской государственности неизбежно будут способствовать форсированию крымскотатарской национальной идеи.*

Характерна реакция Меджлиса крымскотатарского народа на сложности в процедуре получения украинского гражданства, что лишало десятки тысяч репатриантов участия в приватизации государственной собственности и паевании земли. В обращении Меджлиса к украинской демократии отмечено, что именно эти утраты больнее всего воспринимались, чем то, что Украина в последние 2-3 года резко свернула финансовую помощь в возвращении и обустройстве депортированных граждан [7]. За прошедший год при содействии Верховного Комиссара ОБСЕ по национальным меньшинствам, а также УВКБ ООН созданы все законодательные и административные предпосылки для решения такого политически чувствительного вопроса.

Как явление дискриминации многими воспринимается факт малочисленной представительности крымских татар в органах власти и, особенно в крымском парламенте. Таким образом, несвоевременное решение одних проблем, имеющих огромное значение для сохранения межэтнического мира, порождает дополнительные.

Вместе с тем, крымские нацменьшинства полагают, что при фиксированном уровне представительства крымских татар в парламенте автономии, таким правом должны обладать и они. Ставится закономерный вопрос, бросающий тень на крымскотатарскую демократию: если будущая крымско-татарская государственность будет равно защищать права всех наций и народностей Крыма, как это декларируется, то почему уже сегодня лидерами крымских татар отстаиваются политические права только крымских татар; почему растет пропасть между реализованными возможностями крымских татар и малых народностей Крыма, которые имеют также древнюю исто-

рию развития на полуострове, по мнению самих же крымских татар. Не только с позиций "чистого демократизма", но и с позиций переживших геноцид, кажется, этот круг проблем не может не быть близким крымским татарам. Но в реальной политике там, где национальные, даже очень важные проблемы, выходят за рамки общечеловеческих, заканчивается свобода и демократия.

3. Политический аспект экономического кризиса. Беспрецедентное для мирного времени падение уровня жизни украинского населения в годы независимости – это результат экономического кризиса и в тоже время – причина социально-политического кризиса. Уровень реальной заработной платы в конце 1997г. составлял в среднем около 35,3% от уровня 1990 г., т. е. снизился в три, а по некоторым расчетам более чем в четыре раза [8]. Однако соотношение между минимальными и максимальными уровнями доходов сегодня разнится больше чем в 100 раз, т. е. средняя величина не может отразить реальную ситуацию с социальными ожиданиями в оплате труда. За последние годы количество жителей Украины, которые относят себя к нижней ступеньке социальной "лестницы" выросло на одну четверть [9].

Прослеживаются две тенденции в изменении структуры социальных потребностей населения: первая тенденция – возрастает количество людей, которые не могут удовлетворить потребности даже в питании, в необходимом отдыхе. Вторая тенденция – возрастает относительный процент людей, которые не имеют работы, и не имеют возможности подрабатывать. Является ли такая ситуация случайностью?

Общество в целом не может выступать научным экспертом по вопросам экономического развития, но проведение реформ невозможно без политической поддержки перемен со стороны населения страны, важна адекватная реакция на выражения социального самочувствия масс. Итак, уже в 1994 экономическую политику правительства оценивали как неправильную или как хаотичную, "не имеющую никакой направленности" 83% людей, только 2% видели в этой политике "правильную направленность" [10]. Избранная в конце 80-х – начале 90-х политика равенства всех форм собственности перед законом (лозунг свободы экономической деятельности), поддержанная многими экономистами, оказалась лениво-близорукой. Теперь государство делает попытки восстановить утраченное, дифференцированно поддерживая собственных производителей и в территориальном, и в отраслевом разрезах. Однако сегодня идет время иных закономерностей, и экономическая политика снова выглядит хаотичной. В результате, в целом верная концепция рыночных реформ получает следующую оценку. В 1994 г. 38% опрошенных считали необходимым полный переход к рынку и только 19% полагали, что надо вернуться к прежнему состоянию. В 1998г. за быстрые темпы перехода к рынку высказалось 27,7%, считали, что необходимо вернуться к централизованной государственной экономике уже 27,9% и не согласны были с утверждением, что наилучшей для Украины есть капиталистическая экономика, основанная на свободе предпринимательства почти 35% [11].

Потеря ценности отечественного производства и отечественного производителя, деградация квалификационного уровня трудовых ресурсов, а значит ухудшение качества рабочей силы, люмпенизация населения, утрата доверия к экономическим преобразованиям – закономерный результат проводимой экономической политики. Поэтому ни политически ангажированным, а закономерным выглядит возложение ответственности за нынешнее состояние экономики в массовом сознании не на коммунистов (26% опрошенных), а на органы власти (84% опрошенных).

Степень социального напряжения и социального самочувствия, по мнению социологов, зависят в большой мере от возрастной дифференциации населения. Каждое поколение имеет свои показатели неудовлетворенности жизнью. Молодое поколение имеет следующую иерархию потребностей:

потребность в работе – 64%

потребность в модной хорошей одежде – 61%

потребность в благоустроенном жилье – 56%

потребность в современных экономических знаниях – 55%

Среднее поколение считает главным для себя отсутствие возможности:

полноценно проводить отпуск – 79%
иметь работу – 63%
подрабатывать – 62%
полноценно проводить досуг – 61%
Старшее поколение испытывает:
потребность в необходимой медицинской помощи – 83%
возможность нормально питаться – 82%
возможность купить необходимые продукты – 77%
потребность уметь жить в новых условиях – 54%
потребность в уверенности в собственных силах – 46%

За последние годы значительно возросла часть людей, которые считают, что ухудшились гарантии занятости, обеспеченности работой и, соответственно, материальные условия существования семей. Эти социологические иллюстрации лишний раз подтверждают, что проблема занятости и ухудшения материальных условий жизни становятся индикатором социального самочувствия населения Украины. Вместе с тем, несмотря на деструкции развития трудовых ресурсов, право на труд очень значимо, – фактически более значимо по уровню, чем право на частную собственность, свободу слова, и менее значимым, чем право на достаточный уровень жизни, личную неприкосновенность, – считают 94,5% высказавшихся [12]. Тенденция социальной неудовлетворенности украинского общества резко растет, и, если в 1994г. это отмечали 50% населения, то в 1998г.– около 70%.

4. Политические институты гражданского общества. Основной путь транспортировки во власть – создание политических партий, активное участие в их деятельности и, наконец, выборы. Самый интенсивный период создания политических партий – это 1993 – 1996 гг. Многообразие было очевидным и не всегда содержательным. В 1996г. Указ Президента Украины поставил все украинские партии вне закона. Им надо было пройти снова через фильтр регистрации в Минюсте. Затем они должны были доказать свою политическую состоятельность на выборах 1998 г. Сегодня в Украине насчитывается около полусотни партий, 30 из них приняли участие в выборах в Верховну Раду 1998г. По мнению крымского политолога В. Королева такое количество партий объясняется дальнейшей стратификацией общества и полярными противоречиями [13]. Чем напряженнее обстановка в обществе, тем интенсивнее процесс образования новых политических партий. *Особенность политических партий в Украине – их малочисленность, не авторитетность и нестабильность в отношении собственных программ, лозунгов, электората.* Естественно в этом можно видеть также недостаточность политического самоопределения и начало длительного пути политической структуризации партий [14]. Однако по этому поводу существуют и более резкие определения политологов. Отмечается, что за последние годы существенно снизилась поддержка населением института многопартийности – столь выстраданного детища перестройки, гаранта демократии. Приблизительно две трети населения не доверяют ни одной из политических партий, *ежегодно растет удельный вес тех, кто уверен, что многопартийная система на Украине вовсе не нужна* [15]. Соответственно, имеем кризис партийной политической системы, который по своей симптоматике близок к кризису в однопартийной системе конца 80-х. Глубина проблемы раскрывается в исторических экскурсах. Естественная потребность демократического общества – отражение основных противоречий в конструктивной деятельности нескольких противостоящих на политической арене партий. Для успешно реформирующихся постсоциалистических стран Восточной Европы и стран Балтии, характерным стало превращение компартий в современные социал-демократические партии. Им противостоят партии, выросшие из массовых демократических движений и движений за независимость [16]. В Украине и России политическая конъюнктурность постоянно работает на развал многопартийной системы, фрагментаризацию партий. Конъюнктурность партий особенно была заметна во время выборов, когда предвыборная программа одной партии отличалась от другой только лозунгами и оформлением. В результате политическая несостоятельность партий через год после выборов очень заметна в их парламентской деятельности –

они неспособны защищать социальные интересы людей, неспособны на конструктивную деятельность. Причем первая цель и не ставится.

Независимо от деклараций партии левого блока фактически видят своей ближайшей задачей дискредитацию противника, их оппоненты не могут забыть время, когда компартия была поставлена вне закона. Тенденция подкрепляется недавним замечанием Президента, что деятельность левых партий подрывает экономику страны. Таким образом, векторная направленность событий, как снизу, со стороны электората, так и сверху ведет к точке разрушения. *В обществе могут исчезнуть условия функционирования многопартийной системы.*

Иные организации гражданского общества находятся в том состоянии, когда их роль ничтожна[17].

Резкость наших выводов не покажется излишней, так как есть достаточно оснований несколько расширить наблюдения следующим замечанием: "в условиях массового недоверия государству роль движущей силы реформ могла бы принадлежать институтам гражданского общества. Однако главные политические институты гражданского общества развиваются крайне медленно и непоследовательно. По некоторым направлениям это развитие вообще похоже на деградацию" [18].

Два фактора прошлого сыграли негативную роль в недостаточной оформленности возможностей конституционного социального протеста. Во-первых, полулегитимное запрещение коммунистической партии в то время, когда с ее прошлой деятельностью у многих еще ассоциировались социальные завоевания, и многие психологически отождествили такое запрещение с запрещением части своей жизнедеятельности. Во-вторых, навязчивая пропаганда и политологическое обоснование теми учеными, которые вчера разрабатывали доктрины научного коммунизма, нежелательности и даже незаконности массовых акций протеста против "демократических" завоеваний. В последние годы доля граждан, готовых ценой любых материальных утрат сохранить мир, постоянно уменьшается. Если в 1994 году численность сторонников сохранения мира в два раза превышала численность сторонников активного протеста, то в 1998 г. сторонников активного протеста против ухудшений условий жизни оказалось больше [19]. Нельзя все же согласиться с мнением авторов цитируемой книги, что "перерастанию психологического потенциала на актуальную готовность к действиям мешает...достаточно стабильная поддержка преимущественно легитимных форм протеста". При этом делается ссылка на то, что удельный вес людей, поддерживающих законные митинги и демонстрации, заметно вырос (с 16,6 до 22,3%). Ведь согласно таблице Б 1. 15, помещенной в их же книге, еще более выросла (с 18,3 до 26,8%) численность тех, кто готов к несанкционированным акциям протеста, – от отказов выполнять распоряжения администрации и органов власти до создания независимых от Президента и правительства вооруженных формирований [20].

5. Кризисные нюансы внешнеполитических отношений. Характеристика политической жизни Украины не возможна без анализа отношений Украины с Россией и анализа поиска Украиной своего места в Европе. Встречается мнение, что *сложности Украины с определением места во внешнем мире связаны с ее географическим положением. Украина находится на периферии, как для Запада, так и для России.* Усилия Украины на протяжении последних лет придать государству роль моста между Западом и Востоком почти не имели успеха. Однако идея жива и ее время от времени пытаются наполнить новым содержанием. Например, вводя тезис о том, что "лидерство Украины возможно сегодня только в сфере распространения русского языка", так как для культурной и товарной экспансии в славянском пространстве необходимо понимание, и оно может "быть обеспечено только русским языком" [21].

Украина вынуждена постоянно решать задачу: быть внеблоковым государством и вести многовекторную политику, разумно функционировать в политическом треугольнике – Украина – НАТО – Россия, или стать членом блока НАТО. Решение задачи осложняется диаметральным разбросом политических ориентацией электората разных регионов Украины. Многочисленные исследования показывают, что западные и центральные регионы выступают за широкое сближение с Западом, восточные же и южные регионы ориентированы на укрепление СНГ, на союз с Россией.

Задача геополитического устройства ко всему усложняется отсутствием политического единства в Украине. Шесть значимых партий Украины выступают за союзнические отношения с Россией и СНГ, семь – за сближение с НАТО и США. КПУ лидировало в шестнадцати южных и восточных областях, Рух – в пяти западных. В целом, в начале 1998 г. более половины населения поддерживало политиков, отстаивающих присоединение Украины к союзу с Россией и Белоруссией и менее 30% – отстаивающих сотрудничество с НАТО. *Соответственно и здесь раздвоение менталитета действует достаточно губительно*, тем более, что те, кто в наибольшей мере привержен пронатовской ориентации, а это в первую очередь высшие эшелоны власти [22] часто эпатируют ситуацию, как это случилось с недавним заявлением НДП по поводу острой необходимости вступления в НАТО.

Поле украинско-русских отношений – очень важный ареал общественной политической жизни Украины. Эти отношения однозначны в оценке и не однозначны в своем влиянии на стабильность или напротив нестабильность в Украине. Пример влияния украинско-русских отношений на общественную жизнь Украины – недавняя ратификация Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Россией и Украиной. В Верховной Раде Украины голосовали "за" – 244 депутата, "против" – 30. То есть, определенная часть политиков дистанцируется от России. Прежде всего, это депутаты от Конгресса украинских националистов и депутаты от украинской республиканской партии. Их настроения понятны с точки зрения абсолютной национальной идеи и объяснимы с позиций взаиморазвития этносинонимических групп [23].

Подразумевая экономическую зависимость Украины от России, которая моделируется и на политическую зависимость, многие политики и сегодня считают, что Украина в своих политических процессах идет по пути России только с определенным временным отставанием. . Очевидно, первый президент независимой Украины Л. Кравчук, заявивший с присущей ему откровенностью, что перемены идут из Москвы, не знал, как один из фундаторов украинской культурной независимости Микола Хвильовий, опираясь и на экономические рассуждения, относился к сентенции: "жизнь современной Украины как-то на два-три года опаздывает против московской" [24]. Следует отдать должное его наблюдению сделанному в 1925-26 гг., что "поляки никогда б не дали Мицкевича, если б они не прекратили ориентироваться на московское искусство" [25], и не удивиться устойчивости нюансов в украинско-русских отношениях, которые и сегодня продуцируют сложности внешнеполитического положения государства.

В качестве наиболее общего вывода политологического анализа укажем на новый круг противоречий, на который выходит Украина. С одной стороны, вся конструкция общественной жизни в стране держится на потенциально возможном достижении принципов демократизма и национального строительства, а с другой – все чаще звучит мнение, что национально-демократическая идея государственности в складывающихся условиях не может быть самоцелью. При этом ситуация такова, что исправление ошибок прошлого 8-14-летнего развития будет не улучшать положение, а усугублять деструкции.

Примечания:

1. *Вибори*-98 у громадській думці населення України // Політичний портрет України. -1998. -№21, с. 91
2. *Панина Н.* Аномія у посткомуністичному суспільстві // Політичний портрет України. 1996. -№17,с. 47
3. *Політичний* портрет України лютий-березень 1994 року. //Політичний портрет України. 1994. -№8, с. 55; *Вибори*-98 у громадській думці населення України //Політичний портрет України. -1998. -№21, с. 87
4. *Панина Н.* Аномія у посткомуністичному суспільстві // Політичний портрет України. 1996. -№17,с. 48
5. *Чернецов К.* Бандитский Крим.– Симферополь: Новый Крым, 1998, с. 128

6. *Хорошковский В.* После СССР: Украина – новый рубеж. -Киев, 1998, с. 37
7. *Звернення* до української демократії Меджлісу кримськотатаррського народу 27. 02. 98 р. // Кримськотатарське питання.– Симферополь: Кримський центр незалежних політичних дослідників і журналістів, 1998.– №2. -С. 15-16.
8. *Україна.* Звіт про людський розвиток. Київ: ПРООН, 1997, с. 28
9. *Паніна Н., Головаха Є.* Тенденції розвитку українського суспільства (1994-1998 рр.). Соціологічні показники. Київ: Інститут соціології НАНУ, 1999, с. 139
10. *Політичний* портрет України лютий-березень 1994 року. // Політичний портрет України. 1994. -№8, с. 30
11. *Політичний* портрет України лютий-березень 1994 року. // Політичний портрет України. 1994. -№8, с. 31; *Вибори*-98 у громадській думці населення України // Політичний портрет України. -1998. -№21, с. 88
12. *Соціально-політичний* портрет чотирьох міст України // Політичний портрет України. 1995. -№13, с. 46-48
13. *Королев В. И.* Политические партии Украины и Крыма в 20-м столетии. -Симферополь: Таврия,1998
14. *Бекешкіна І.* Вибори-98 як процес політичного самовизначення населення // Політичний портрет України.– 1998.– №21.– С. 18-28
15. *Паніна Н., Головаха Є.* Тенденції розвитку українського суспільства (1994-1998 рр.). Соціологічні показники. Київ: Інститут соціології НАНУ, 1999, с. 134
16. *Погребинский М., Толпиго О.* Народ і партія – єдині? // Політичний портрет України. -1998. -№21, с. 30
17. *Елович А. Я.* Третий сектор Крыма. Анализ и прогноз развития негосударственных и некоммерческих организаций в Автономной Республике Крым. Симферополь: "Поиск", 1998. -28 с. Рукопись.
18. *Паніна Н., Головаха Є.* Тенденції розвитку українського суспільства (1994-1998 рр.). Соціологічні показники. Київ: Інститут соціології НАНУ, 1999, с. 134
19. Там же, с. 135
20. Там же, с. 54, 135
21. Хорошковский В. После СССР: Украина – новый рубеж. -Киев, 1998, с. 7
22. Паніна Н., Головаха Є. Тенденції розвитку українського суспільства (1994-1998 рр.). Соціологічні показники. Київ: Інститут соціології НАНУ, 1999, с. 136
23. Кислый А. Е., Кислая А. А. Конфликтологический срез отношений этно-синонимических групп // Тез. докл. Всеукраинской конференции "Проблемы политической психологии и ее роль в становлении гражданина Украинского государства.– Киев: НПУПП АПНУ, 1995.
24. Хвильовий М. Апологети писаризму (до проблеми культурної революції) // Україна чи Малоросія?. Київ: Смолоскип, 1993, с. 213
25. Там же, с. 215

ОСНОВНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ УКРАИНЫ И ГОСУДАРСТВО (КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ)

В. А. Горенкин, аспирант кафедры политологии и социологии СГУ

Неопровержимой реальностью сегодняшнего дня является фактическое наличие многопартийности в политической жизни Украины. Произошедший перенос акцента с интересов многочисленных классов на интересы социальных слоев, групп, порой весьма узких по своему составу, неизбежно привели к дроблению общественного движения, появлению большого количества партий. Министерством юстиции Украины на январь 1998 г. зарегистрировано 51 политическая партия [1]. Несмотря на немалое количество, их общественно-политическая роль, до недавнего времени, снижалась. Во-первых, в основном малочисленные партии оказались менее способными обеспечить эффективную защиту интересов соответствующих групп населения. Во-вторых, малоструктурированным обществом руководит формально беспартийная власть, на которую реальное воздействие имеет региональные финансово-промышленные группировки. В-третьих, до этого года парламентские выборы проходили исключительно по мажоритарной системе. Однако прошедшие 29 марта с. г. выборы в Верховную Раду по новому Закону о выборах, который предусматривает формирование половины из 450 депутатов по пропорциональной системе, несомненно, подтолкнет к большему структурированию общественных движений и значительному повышению роли партий.

Перед тем как рассмотреть всю палитру основных политических сил страны необходимо внести одно существенное дополнение. Известный французский социолог М. Дюверже отмечал, что классическая, базовая типология политических партий отражает историческую логику их развития. Так, политические партии различаются не только по каким-либо традициям, но и по происхождению: массовые и кадровые [2]. Массовые партии характеризуются своей относительной многочисленностью, изначально активным распространением на всей территории страны, четкой идеологической ориентированностью, наличием тесной связи аппарата и партийных масс, сравнительно жесткой организацией. Кадровые партии отличаются, прежде всего, опорой на профессиональных политиков и финансово-промышленную элиту, способностью обеспечить политической партии материальную поддержку. Лишь постепенно кадровые партии при необходимости могут перерасти в массовую. Из ныне существующих влиятельных политических партий Украины к первым можно отнести Коммунистическую партию, Социалистическую партию, Народный Рух Украины. Ко вторым относятся партии возникшие или получившие ощутимое развитие за счет интереса крупных политиков и средств региональных кланов, представленных во властных структурах страны. Донецкая финансово-промышленная группа во главе с В. Щербанем вложила средства в развитие Либеральной партии Украины; часть представителей днепропетровской группы, поддерживающие бывшего премьер-министра П. Лазаренко, объединились в политической партии "Всеукраинское объединение "Громада"; харьковская группа (бывший глава администрации Президента Е. Кушнарев, глава администрации области О. Демин) и примкнувшая к ней другая часть днепропетровской группы во главе с премьер-министром В. Пустовойтенко фактически создали Народно-демократическую партию Украины; руководители крупных сельскохозяйственных предприятий юга Украины создали Аграрную партию [3].

Все политические партии имеют различную политическую направленность, но их можно подразделить на ряд крупных блоков, отличия которых обусловлены разным социальным составом, историческими и идейно-политическими традициями, программно-идеологическими установками. Выделяют следующие блоки партий: крайне правые или национал-радикальные партии; правоцентристские или национал-демократические партии; центристские партии; левоцентристские или социал-демократические партии; левые партии и крайне левые или лево-радикальные партии [4]; можно отметить и наличие блока пророссийских общественно-политических сил.

Блок крайне правых или национал-радикальных партий представлен Социал-националистической партией Украины (на последних парламентских выборах провела в Верховную Раду одного депутата по одномандатному округу), Украинской национальной ассамблеей, Консервативной республиканской партией и Конгрессом украинских националистов (проведено 4 депутата). Доминантой их деятельности является крайний национализм. Им характерно нигилистическое отношение к либерально-демократическим ценностям. Они выступают за установление национальной диктатуры, сохранение жесткого национального унитарного государства и поощрение национального капитала.

К правоцентристским или национал-демократическим партиям относятся: Народный Рух (провел в Раду 46 депутатов), Украинская республиканская партия, Демократическая партия Украины (провела одного депутата), Христианско-демократическая партия Украины (провела двух депутатов). Основой этих партий является консерватизм, демократический национализм, традиции украинской национальной школы, приверженность христианским ценностям.

Центристские партии представлены Народно-демократической партией Украины (провели в Верховную Раду 30 депутатов), Всеукраинским объединением "Громада" (проведено 23 депутата), партия зеленых (провела 19 депутатов), Либеральная партия Украины (провела одного депутата), Межрегиональным блоком реформ (проведен один депутат), Либерально-демократической партией Украины, Конституционно-демократической партией. Основой центристских партий является либерализм с его приоритетом прав человека над национальными, классовыми и прочими интересами, идея гражданского общества, правового государства, рыночная экономика с приоритетом частной собственности.

Левоцентристские или социал-демократические партии: Социал-демократическая партия /объединенная/ (провела в Верховную Раду 16 депутатов), Партия труда (провела трех депутатов), Социал-демократическая партия Украины. В основном они близки центристским партиям, их существенное отличие в том, что они выступают за социально ориентированную рыночную экономику. Приоритетом для них является социальная справедливость.

К левым партиям относятся Коммунистическая партия Украины (провела в Верховную Раду 124 депутата), Социалистическая в союзе с Селянской партией (провела 34 депутата), Прогрессивная социалистическая партия (провела 16 депутатов).

Существуют и крайне левые партии, такие как Союз коммунистов Украины и Партия коммунистов (большевиков) Украины. Однако их деятельность совершенна незаметна.

В Украине действуют пророссийские общественно-политические силы: наиболее заметным является Гражданский конгресс Украины, Партия славянского единства, "Русско-украинский союз – Русь", Конгресс русских организаций Украины и Конгресс украинского народа. В основном их деятельность распространена на востоке и юге страны.

Прошедшие 29 марта 1998 г. парламентские выборы в Украине по новому избирательному законодательству позволяют выделить восемь политических объединений имеющих относительно большее влияние на политическую жизнь страны и, соответственно, представляющие большой интерес. Для того, чтобы партия была представлена в Верховной Раде по пропорциональной системе ей необходимо было преодолеть 4-х процентный барьер и это удалось следующим политическим партиям: Коммунистической партии Украины (КПУ) – она набрала 24,68% голосов избирателей участвовавших в выборах; Народному Руху Украины (Рух) – 9,4%; избирательному блоку Социалистической и Селянской партий – 8,54%; Народно-демократической партии Украины (НДП) – 4,99%; Всеукраинскому объединению "Громада" – 4,68%; Прогрессивной социалистической партии – 4,04% и Социал-демократической партии (объединенной) – 4,02% [5]. Все перечисленные партии, может быть за некоторым исключением КПУ, отходят от позиции непримиримого идеологического противостояния и стремятся к более взвешенной политике, однако имеют различные концептуальные подходы к государству. Между ними существуют разногласия относительно задач государства, масштаба его вмешательства в экономику, его роли в социальной сфере,

степени демократизма, национально-территориального устройства и так далее. Эти разногласия связаны с различными идеологическими и политическими установками.

Если НДП, "Громада", СДП(о) – партии с ярко выраженными пропредпринимательским уклоном, то КПУ, социалисты – партии, выражающие главным образом интересы людей труда, прежде всего рабочих. По идеологическому профилю они различаются коренным образом. Рух является консервативной партией с особой национальной спецификой. Он делает упор на демократический национализм, что означает баланс интересов нации и личности [6]. НДП, "Громада" исповедуют либерализм с его приоритетом прав человека и свою основную задачу видят в стимулировании развития свободного рынка, максимальной свободе предпринимательства [7], при чем "Громада" делает упор на ценности национального капитализма. СДП (о), проповедующая ценности близкие социалистам – такие, как труд, солидарность, равенство, отличается от них тем, что ее идеология носит либеральную окраску, так как она исходит из примата индивидуальной свободы[8]. Партия зеленых выступает за переустройство существующих порядков исходя из следующих приоритетов: экологии над экономикой, политики над идеологией, прав личности над правами государства[9]. Левые в целом акцентируют внимание на положительных моментах марксизма, называя это учение наиболее серьезным достижением человечества, основную цель, видя в "обновлении в направлении социализма". КПУ проявляет нигилистическое отношение к существующему конституционному строю [10]. У всех этих партий разные представления о направлениях и масштабах реформ, но большинство из них твердо убеждено, что реформы должны осуществляться строго на конституционной основе в рамках парламентской демократии.

НДП, "Громада", СДП(о), "зеленые" рассматривают государство как институт для регулирования общественных отношений и обеспечения нормальной жизнедеятельности общества. Они, в большей или меньшей степени указывают, что государство, будучи относительно самостоятельной инстанцией, способно с помощью правового инструментария и имеющегося в его распоряжении механизма отправления власти устанавливать определенный баланс между различными общественными силами и подчинять их интересам всего общества. Легитимно существующая государственная власть является гарантом прав и свобод отдельного человека, создает необходимые условия для полноценного развития личности, гарантирует безопасность и порядок. Они выступают за демократическое правовое государство с четким разделением властей.

Рух придерживается принципа единства прав нации и прав человека. Однако в конфликтных ситуациях всегда отдают предпочтение общности перед личностью, интересам государства перед правами граждан. Они, как государственники, отстаивают сильный государственный контроль над политической сферой.

Левые выдвигают лозунг создания "демократического, социалистического общества", основывающегося на принципах самоуправления, прямого соучастия и общественного контроля. Предлагается сохранение системы Советов, наделенных правом соучастия не только в процессе законодательства, но и в процессе принятия конкретных решений по социально-экономическим и прочим вопросам.

Все представленные политические партии, за некоторым исключением левых, являются убежденными сторонниками демократии в рамках правового государства. Центристские партии определяют демократию как чисто политический строй. Возражения против расширенного толкования этого понятия напрямую связаны со стремлением не допустить чрезмерно глубоких изменений. Они могли бы поставить под вопрос общественный статус-кво, сложившуюся государственную систему. Социалисты, напротив, настаивают на широкой демократизации всех сфер общественной жизни, полагая, что демократия, ограничивающаяся политико-государственной сферой, носит неполноценный характер [11]. Под демократизацией они понимают устранение общественных структур и отношений, препятствующих гражданам в реализации своего права на самоопределение и тем самым, отдают явное предпочтение прямой демократии. КПУ выступает за радикальное изменение существующего общественного порядка выражающиеся в восстановлении полной власти трудящихся и упразднении президентской формы правления.

По проблеме национально-территориального устройства все выступают за унитарное децентрализованное государство с широкими правами местного самоуправления.

"Громада", НДП признают зафиксированное в Конституции положение о социальной государственности, но вместе с тем выступают за определенное ограничение роли государства. Они полагают, что государство должно представлять необходимую материальную помощь в том случае, если отдельный человек по каким-либо причинам не может обеспечить себя. К их позиции близки Рух и "зеленые", которые считают, что социальная помощь должна предоставляться также молодежи и женщинам. Социал-демократы являются последовательными поборниками социального государства, основную задачу которого они видят не только в сглаживании перекосов в распределении доходов, но и более глубоких общественных преобразованиях в направлении полной реализации принципа социальной справедливости. Но вместе с тем они выступают против уравнительного подхода, установления системы тотальной опеки.

Левые являются сторонниками активной социальной политики государства, при чем КПУ отличается сильно выраженным уравнительным уклоном. Они предлагают ввести всеобщий прожиточный минимум независимо от личного трудового вклада и трудоспособности.

НДП, "Громада", Рух и социал-демократы в равной мере признают модель рыночной экономики, но НДП, "Громада", придерживаясь неолиберальной линии, считают, что государство должно как можно меньше вмешиваться в хозяйственные процессы. Они склонны к превознесению рынка, они выступают за значительную приватизацию государственного сектора, дерегулирование, большее стимулирование предпринимательской инициативы. По мнению социал-демократов, государство должно оказывать целенаправленное воздействие на экономику, направляя ее развитие в интересах всего общества. Отвергая политику всеобщего огосударствления и директивного вмешательства в экономику, они отдают предпочтение косвенным методам регулирования. По их убеждению, экономическая модель, сочетающая общественный сектор с частнохозяйственным, определенное регулирование со свободной предпринимательской инициативой, способно функционировать эффективно.

Стоит отметить, что Руху свойственен двойственный подход: с одной стороны, они возвеличивают государство как защитника и гаранта "коренных интересов" народа, а с другой – высказываются в пользу существенного ограничения масштаба государственного вмешательства, в социально-экономическую сферу.

"Зеленые" признают приоритет экологии над экономикой. Главная цель любой экономической политики – это, прежде всего, решение экологических проблем. Они настаивают на ужесточении контроля над использованием природных ресурсов и технологий. Предлагаемая модель характеризуется как "экологически солидарная экономика".

Левые выступают за модернизацию экономической жизни на основе национальной индустрии и защиты отечественного товаропроизводителя, создания народной экономики. Они выступают за сочетание мощного государственного сектора с другими формами организации производства, за использование различных форм собственности при определенном приоритете коллективной, за принципы самоуправления с учетом демократического экономического планирования и народного контроля. Часть коммунистов выступает за прекращение капитализации страны.

Таким образом, пока в стране существуют настолько различные политические партии, которые имеют определенную опору в обществе и занимают ключевые позиции в политике, можно быть уверенным, что есть надежный заслон политическому экстремизму и всяким поползновениям к авторитаризму с какой-либо из сторон, и при изменении баланса политических сил, возможно, избежать каких-либо общественных потрясений.

Примечания:

1. Политические партии Украины //Учитель.– 1998.– № 2, с. 44
2. Дюверже М. Политические партии.– М.: Publishers, 1997, с. 54

3. Будущие выборы и выборы будущего. Украинское государство продолжает пребывать в состоянии неопределенности //Содружество НГ.– 1997.– № 1, с. 6.
4. Королев В. И. Политические партии Украины и Крыма в XX столетии.– Симферополь, 1998, с. 40
5. Сообщение Центральной избирательной комиссии Украины //Голос Украины.– 7 апреля 1998,с. 2
6. Новый путь Украины. Выборная платформа Народного Руха Украины. //Голос Украины.– 18 марта 1998, с. 4
7. Предвыборная программа Народно-демократической партии Украины//Голос Украины.– 27 февраля 1998, с. 5
8. Предвыборная платформа Социал-демократической партии (объединенной) //Голос Украины.– 18 марта 1998, с. 6
9. Предвыборная программа партии зеленых //Голос Украины.– 27 февраля 1998, с. 6
10. Программа Коммунистической партии Украины.– К., 1998, с. 3
11. Программные документы блока Социалистической и Селянской партий Украины "За правду, за народ, за Украину!".– К.: Варта. 1997-1998, с. 9

СУЧАСНА УКРАЇНА: ПРОБЛЕМА НАЦІОНАЛЬНОЇ КОНСОЛІДАЦІЇ

А. В. Швецова, доцент кафедры украинской и зарубежной культуры СГУ

Після здобуття незалежності у 1991 році перед Україною постало питання не лише розбудови держави, а й національної консолідації, без якої не може бути стабільної і нормально функціонуючої державності. Ця ситуація актуалізувала питання щодо сутності нації і шляхів її становлення. Причому актуалізувала не як суто теоретичне, а й як начальне практичне питання соціально-політичного самовизначення українського народу і загалом населення України.

Національна ідея: загальносуспільне і етнічне. Слід нагадати, що сам феномен нації є історичним винаходом новоєвропейської цивілізації.

Нація – не природний наслідок розвитку того чи іншого етносу, а радикальне перетворення етнічної історії і етнокультурних засад консолідації народу. Новітні європейські нації конституювалися насамперед як соціально-політичні утворення, як історичні спільноти нового типу.

Головним засадничим чинником нації як спільноти, котрий відрізняє її від інших соціоетнічних спільнот, є те, що нація передбачає в якості своїх учасників людських індивідів як дійових членів громадянського суспільства, котрі мають власну автономію волі і буття. За визначенням Т. Алексєєвої, громадянське суспільство – це "перш за все автономія, причому автономія як від держави, так і від первісного, традиційного суспільства. Це певна сукупність, вільна і від корпоративних зв'язків, якій категорично протипоказаний розвиток патронально-клієнтальних відносин. Вона будується на правах і свободах індивіда, які гарантуються і захищаються державою" [1].

Нація – це спільнота, яка встановлюється спільною волею суверенних індивідів, котрі силою цього рішення стають учасниками нації. Їх спільна воля відображається у суспільній угоді, яка стає основним законом (конституцією) їх подальшого суспільного життя, основою правопорядку. Відповідно до єдиного змісту суспільної угоди, важливою прикметою нації є соціально-правова уніфікація життя у межах юрисдикції нації (тобто на території національної держави). Кожному учаснику нації гарантований рівний обсяг прав, що зафіксовано у статусі громадянина. Всі сфери життя, такі, як економіка, управління, освіта тощо, підпорядковуються єдиним стандартам.

Особливістю національної історії України після здобуття незалежності було те, що дії української національної ідеї залишалися переважно у межах етнічної стратегії. Можна сказати, що здобуття незалежності більше використовувалося для історичної реабілітації українського етносу і відстоювання його культурно-етнічних інтересів, аніж для створення сучасної української нації на основі всього населення України.

"Українськість" не стала для всього населення України загальнонаціональним зразком і стандартом. Вона залишається лише ознакою етнічно домінуючого елементу, але не підіймається до рівня загальнонаціональної ознаки. На жаль, цьому значною мірою посприяла політика власне українських національних лідерів, яка мала здебільшого етнічнокомпенсаторний характер і не виходила за межі етнокультурної стратегеми. Бажання історичного реваншу часто брало гору над розбудовою історичної перспективи, що, безумовно, виступило суттєвим чинником гальмування національного розвою.

Парадокс новітньої історії України полягає в тому, що її населенням здійснювалися політичні дії (причому здійснювалися цілком свідомо і вільно), справжній політичний та правовий сенс яких переважною більшістю практично не усвідомлювався. Це стосується і ключової події, з якої почалася історія незалежної України і сучасної української нації – грудневого референдуму 1991 року. Не лише більшість пересічних громадян, але й більшість політиків не усвідомлюють того, який сенс має ця подія.

Саме цей референдум і став волевиявом кожного з потенційних громадян. Силою цього волевияву була утворена українська нація і встановлена національна українська держава – перша

спільність, в котрій поняття "українського" вийшло за суто етнічні межі і набуло загальносуспільного значення. Власне, на референдумі громадяни України висловили свою згоду на укладення нового суспільного договору, котрий надалі буде основою їх спільного життя. Українська незалежна держава з'явилася лише як наслідок цього волевияву і суспільної угоди (конституції), яка його втілила і надала конкретного правового вигляду.

Парадокс здобуття незалежності. На жаль, дійсний сенс цієї справді історичної події виявився спотвореним як політиками, так і масовою свідомістю, що засвідчило нецивілізованість української влади та громадянську нерозвинутість свідомості українського суспільства.

Як це не раз бувало в історії України, віз опинився попереду коня. Про це красномовно свідчить політико-правова оцінка референдуму 1991 р. українською владою. Свято незалежності офіційно святкують не 1 грудня, коли народ виявив свою волю жити у незалежній державі (тобто бути відтепер сувереном суспільної і політичної влади на теренах України), а 24 серпня, коли Верховна Рада тоді ще Української РСР прийняла Декларацію про незалежність. Тобто українська влада кваліфікувала волевияв громадян лише як підтвердження свого рішення, тоді як насправді – у відповідності до сенсу нації і національної держави – *приймав це рішення український народ.*

Продемонструємо принципову різницю цих двох ситуацій на прикладі роботи будь-якого парламенту чи взагалі повноважних зборів. Для формування документу, який приймають збори, як правило, створюється редакційна комісія, котра пропонує зборам сформульоване нею рішення. Але те, що створила редакційна комісія чи інший подавач документу, це ще не рішення, а лише пропозиція – формулювання, котре не набуло легітимності. Тільки і виключно *волевияв зборів* перетворює цю пропозицію на правочинний документ, надає йому правової ваги. Те, що до цього волевияву існувало у модальності вислову, декларації, відтепер набуває зобов'язуючої сили юридичного встановлення.

Саме за цією логікою сприймали українські події 1991 року у світі. Західні демократичні держави врахували рішення Верховної Ради про незалежність України лише як політичну пропозицію, якій лише воля народу може надати чи не надати легітимності політико-правового акту, з котрим слід рахуватися іншим державам. Тому визнання України як незалежної держави відбулося лише після референдуму, котрий за логікою демократичних суспільств був актом конституювання української нації – актом, яким український народ перебрав на себе повноту владних повноважень і започаткував свою державу.

Натомість, для сучасної української влади ситуація виглядає оберненою: воля вищого державного органу – Верховної Ради – має примат над волею народу, котрий лише підтримує чи не підтримує рішення державних інституцій, але не впливає на їх правовий статус. Цим сучасна українська держава красномовно засвідчила, що вона не є державою українського народу, тобто дійсно демократичною національною державою, повним розпорядником якої є її народ.

Фактично, сучасна українська держава, користуючись нерозвинутістю українського суспільства і його громадянської спільноти, привласнила владу, не віддавши її до рук громадян, як того вимагає демократія. Сучасна українська держава існує у політико-правовій невизначеності: за політико-правовими деклараціями (де-юре) вона є загальнонаціональною державою, в якій народ є сувереном, але де-факто, за дійсним розподілом і здійсненням владних повноважень, державна влада відчужена від народу .

Vox populi для української держави складає не зобов'язуючу директиву, а такий собі схвальний чи осуджуючий галас, котрий той чи інший політичний клан використовує у власних інтересах. Це відношення разюче різниться від сприйняття західних демократій, для котрих саме vox populi став дійсним і вирішальним фактом політичного життя, найлегітимнішим політичним актом, який вирішував долю країни і мав зобов'язуючу силу не лише для неї, а й для всіх інших держав, котрі не могли його не визнати. Не Верховна Рада 24 серпня 1991 року, а українське населення 1 грудня того ж року здобуло незалежність України. І не лише здобуло незалежність як таку, а започаткувало себе вже не як населення, а як новітню націю, котра прийняла на себе всю повноту влади у розпорядженні будь-якими своїми правами.

Парадокс сучасної української історії полягає в тому, що цього – найважливішого сенсу події – сам український народ ... просто не помітив! Референдуму надали сенс як акту наділення існуючої держави (УРСР) новими владними повноваженнями. Але те, що рішення референдуму не лише продовжує традицію державності, а й відміняє попередню державу, позбавляє її легітимності – знову-таки "не помітили". Те, що народ не наділяє у референдумі існуючу державу новими повноваженнями, а перебирає на себе всю повноту влади, стає сувереном. цей зміст події був завуальований і не набув належного політико-правового виразу.

Загальнонаціональна держава і корпоративізація влади. Відтак можна стверджувати, що справжня історія української нації ще не розпочалася. Відбулося лише звільнення України від іноземної влади. Але цього ще замало, щоб констатувати наявність власної загальнонародної (тобто національної) держави. Другим етапом після звільнення з-під іноземної влади повинно стати оволодіння громадянською спільнотою державних інституцій, тобто повинно відбутися підпорядкування держави суспільству. Лише відтоді, коли це станеться, розпочнеться дійсна історія Української нації. Дотоді можна вести мову лише про її передісторію і буття українського етносу, котрий є титульною національністю сучасної української держави.

Цей висновок підтверджує також історія прийняття Конституції України. Шість (!) років проіснувала держава, котра не мала своєї легітимної правової основи. Адже лише історичним непорозумінням, таким собі правовим ляпсусом можна вважати існування держави на засадах Конституції УРСР після референдуму про незалежність, одним з правових наслідків якого є те, що попередня влада складає свої повноваження.

На референдумі народ України висловив волю до укладення нового суспільного договору, втіленням якого повинна була стати Конституція. Це єдино можлива логіка розвитку народного суверенітету, але не нею керувалася українська влада, яка рішення народу сприйняла як карт-бланш для власних дій. Державна влада стала спадкоємницею попередніх, соціалістичних державних структур, а українська держава, щоправда позбавлена своєї назви, так само відчужена на сьогодні від народу, як і за радянських часів.

Національне визволення торкнулося лише одного пункту – влади Москви, але не сягнуло соціальних перетворень підвалин державної влади в самій Україні, не стало потужним процесом розбудови громадянського суспільства.

Саме ця непослідовність і протиріччя є ключовими для сучасного становища української нації. Їх розв'язання можливе лише у продовженні справи національного визволення у вигляді розбудови громадянського суспільства.

Вкрай наївно думати, що відсутність іноземного пануючого елементу забезпечує права народу і позбавляє сенсу прагнення народу до визволення. Український народ і тепер не став повним сувереном влади, а Конституція України існує, на жаль, перш за все лише як обіцянка українському народу його повноважень.

Народ України повинен мати дієвий вплив на державу, адже становлення української нації надалі можливе лише шляхом розбудови громадянського суспільства в Україні, а серед перших ознак громадянського суспільства є примат громадянської спільноти над державою. "Найновітніша демократія, – вказує С. Кульчицький, – формується у другій половині XX століття, коли суспільство дістає в своє розпорядження ефективні важелі впливу на такі суспільні інститути як політичні партії, вільні вибори, різноманітні засоби масової інформації та ін. " [2].

На жаль, у суспільно-політичній і гуманітарній думці сучасної України більш поширеним є інший погляд на процес розвитку української нації. Національна проблематика сприймається, в основному, у етнокультурному, а не соціально-політичному вимірі. Осмислення перспектив української нації здійснюється у системі координат і категорій етнічної, а не національної історії. Тому становлення сучасної української нації простежується насамперед через систему етнічних змагань, котрі проходять зараз в Україні. Насамперед це, природно, змагання етнічних громад українців і росіян.

Адепти української національної ідеї зазвичай уявляють її успіх у вигляді переваги українського етнічного елементу над російським. Часто питання взагалі редукується до проблеми мови і "патріотизму", під яким розуміється співчутливе чи, щонайменше, толерантне відношення до української культурної традиції. У зв'язку з цим не можна не погодитися з думкою П. Толочко, що "мова і патріотизм – речі мало пов'язані між собою. Можна бути патріотом України, мати почуття української гідності і не говорити українською мовою" [3].

Той, хто соціально-політичні проблеми України зводить передусім до "мовного питання", при цьому погано розуміє (чи вдає, що не розуміє): якби навіть всі люди в Україні почали розмовляти виключно українською мовою, щиро вшановували українські культурні звичаї, героїв і події української історії, лише одне це не завадило б українській національній ідеї зазнати нищівної поразки за умови збереження того самого державного устрою, котрий маємо тепер.

Національна консолідація в Україні можлива і історично перспективна не як суцільне і беззастережне панування українських етнічних чинників, а лише на основі розбудови громадянського суспільства. Лише громадянське суспільство є, так би мовити, "соціальним скелетом" новітньої нації, без якого остання перетворюється на вельми аморфний етнічний конгломерат.

У зв'язку з цим можна констатувати, що становлення і розвиток української нації є не етнокультурним, а передусім *соціальним* і *політико-правовим* процесом, котрий співпадає загалом із генезисом і розбудовою громадянського суспільства в Україні.

Саме ж громадянське суспільство конституюється перш за все через підпорядкування всіх сфер і ланок життя договірному принципу. Договір як форма встановлення і здійснення відносин є для громадянського суспільства універсальним чинником буття. В ньому виказує себе як спільна воля народу (конституція і правопорядок), так і здатність конкретних особистостей до співпраці та конструктивної взаємодії.

З цим пов'язаний другий момент конституювання громадянського суспільства: цей тип соціуму потребує свідомого індивіда з автономією власної волі.

Люди є учасниками громадянського суспільства, яке є витвором їх індивідуальних воль. Його продуктивність – це продуктивність численних індивідуальних існувань, кожне з яких прокладає свій шлях, у підсумку (завдяки спільному порядку) утворюючи спільноту. У підгрунті громадянського суспільства знаходиться здатність до власного волевияву – як індивідуального, так і загальнонаціонального. "Демократія, – стверджує французький політолог Ален Турен, – не просто лише змагальний політичний ринок; вона передбачає здатність кожного індивіда діяти в якості громадянина, тобто пов'язати безпосередньо відстоювання своїх ідей та інтересів з законами чи політичними рішеннями, котрі забезпечують основні рамки для політичного життя" [4]. З огляду на цей висновок розглянемо сучасний досвід становлення української нації.

Знову повернемося до ключової події сучасної української історії – референдуму 1 грудня 1991 р. Це – практично єдиний вияв загальнонародної волі, через що саме він привертає до себе найбільшу увагу.

Ми вже торкалися вище тієї обставини, що роблячи свій вибір, люди в Україні не розуміли напевно справжній правовий і політичний сенс своєї дії. Не існувало чіткого уявлення, що цим актом укладається новий (а, власне, перший в українській історії) суспільний договір, котрим започатковується українська нація у точному сенсі слова, а саме *населення* України перетворюється на учасників нації і суспільного договору – на громадян.

Щоб ще раз підкреслити і унаочнити взаємозв'язок феноменів новітньої нації й громадянського суспільства, додамо, що громадянське суспільство як таке є втіленням і *інституалізацією* суспільного договору, перетворенням його на систему реальних соціальних відносин та інститутів.

Отже, на референдумі 1991 року населення України започаткувало українську націю і, закономірно, своїм вибором актуалізувало питання про розбудову того типу соціальності (системи суспільних відносин у вигляді громадянського суспільства), котрий – єдиний – може бути

суспільною основою розвитку нації у точному сенсі слова. Коли ведеться мова про засади національної консолідації в Україні, то, виходячи з природи і сутності нації, ними повинні стати не етнокультурні, а передусім соціально-політико-правові і економічні чинники. Але чи такий процес відбувається у сьогоднішній Україні?

Аналіз волевияву українського населення у грудні 1991 року показує, що воно керувалося не прагненням до національного самовизначення, а сподіванням на таке життя у відокремленій Україні, яке було б краще від загальносоюзного. Історичний вибір на користь незалежності був зроблений не як реалізація прагнення до національного визволення і розбудови нової соціальної перспективи у вигляді громадянського суспільства, а як реалізація прагнення до достатку і безпеки. Рушійною силою вибору було уявлення про те, що у відокремленій Україні рівень життя і достатку буде вищий, ніж загалом у СРСР. Для більшості населення спрацьовував цей прагматичний чинник. Масова свідомість аж ніяк не пов'язувала зміну справ на краще з соціально-економічними і політико-правовими перетвореннями усередині країни. Через це, здобуття незалежності не розглядається суспільною думкою як лише перший крок до наступної реалізації соціальної перспективи у вигляді громадянського суспільства.

Ще один парадокс виникає у змісті тієї ролі, котру відіграє українська держава у процесі національного розвитку, який у своєму соціальному вимірі має співпадати, як вже відмічалося, з розбудовою громадянського суспільства.

За класичним історичним сценарієм, нація конституюється, утворюючи власну незалежну державу, котра є знаряддям для втілення загальнонаціональної волі. Національна демократична держава є втіленням принципу суверенітету народу як повноважного суб'єкта і розпорядника влади (суверена) і саме така держава є необхідною умовою прогресу нації, автентичною політичною формою її історичного буття.

Відносно українського етносу державність складає передумову його національного відродження. Власна державність відкриває простір для нормального, упевненого, недеформованого розвитку етносу на властивих йому самобутніх культурних засадах. Тому не дивно, що прибічники і носії української національної ідеї саме у здобутті політичної незалежності вбачали головне завдання дій національних сил. Саме цю мету вони висунули на перший план політичних змагань і надали їй такої значущості, що вона стала виглядати самодостатньою. У подібній позиції, котра домінує у лавах так званих "національно-демократичних сил", слід бачити їх фатальну політичну помилку і чи не головну причину їх загальної політичної поразки у сучасній Україні.

Індиферентність партій і рухів національно-визвольного спрямування до соціального змісту держави у створенні політичних альянсів і проведенні політичного курсу призводить до девальвації національної ідеї і до вихолощення її соціально-прогресивного змісту. Націонал-демократичні сили загалом залишаються несвідомими стосовно того, що задля історичного майбутнього української нації їм слід не тільки підтримувати державність України, а й боротися за розвиток демократичних основ цієї державності, аби громадянська спільнота мала на неї вагомий вплив і могла здійснювати через таку державу своє право суверена влади.

Корпоративізація українського суспільства, котра підтримується чиновницькою бюрократією, небезпечна не тільки для нормального розвитку власне українського етносу. Вона позбавляє український народ перспективи перетворення у сучасну націю, позбавляє його загальнонаціонального життя. Разом з тим, корпоративна держава (на відміну від загальнонаціональної демократичної держави) не здатна подолати етнічні напруження і протистояння. Їй немає чого запропонувати ані етнічним українцям, ані представникам інших народів, котрі складають етнічні меншини сьогоднішньої України. Етнокультурна диференціація українського населення в сучасних умовах не долається через посередництво загальнонаціональної держави і загальнонаціонального буття, а, фактично, консервується та навіть поглиблюється станово-корпоративним ладом сучасного суспільства.

Станово-корпоративний лад закріплює фактичну соціальну розколотість суспільства. Немає суспільств цілком однорідних і демократичне не є винятком. Але у єдності і рівності громадянських прав, котрі належать кожному незалежно від його статку, соціальної ваги, впливу тощо, демократичне суспільство отримує певний загальний знаменник свого буття. Для дійсно демократичної держави та політики, за словами Д. Белла, "безсумнівною умовою є ідея рівності, відповідно до якої всі люди повинні мати рівні голоси у цьому консенсусі. Але ідея громадянськості, яка втілює в життя цю концепцію, за останні 100 років поширилась і включає не лише рівність у громадській сфері, а й у інших вимірах суспільного життя – рівність перед законом, рівність громадянських прав, рівність можливостей, навіть рівність результатів, так що людина як громадянин має змогу повністю брати участь у житті суспільства" [5].

Неоднорідність демократичного суспільства є різноманітністю співпрацюючих соціальних сил і суб'єктів. Різниця у соціальному стані не стоїть на заваді конструктивній співпраці. Натомість, корпоративне суспільство розподілене усередині самого себе і полонене напругою внутрішнього протистояння. Над такою державою повсякчас панує загроза розколу, розпаду. В ній невпинно точиться боротьба корпоративних інтересів, котра ще не сягнула стадії відкритої громадянської війни, але станово-корпоративна держава повсякчас "вагітна" цією війною.

Не буде перебільшенням сказати, що вищезмальоване амбівалентне становище держави відносно процесу національного розвитку робить саме державність головною проблемою історичного поступу українського етносу.

Коли мова йдеться про те, що у перетворенні на націю етнос повинен немов би скасувати і подолати себе, то це не абстрактне формулювання, а доволі конкретна диспозиція буття. Український народ має долати свою минулу етнокультурну визначеність *даючи лад власній державі*, перетворюючи її з корпоративно-бюрократичної на загальнонаціональну.

Звичайно, це масштабний соціально-економічний політико-правовий процес і глибока культурна метаморфоза. Ми простежимо лише культурно-психологічний бік справи, тобто розглянемо, які сприяння чи які перепони створює український національний характер зазначеному процесу і який він має сенс як один із чинників історичних змін, що зараз відбуваються в Україні.

У відповідності до мети цього розгляду, ми будемо вдаватися до визначень, котрим можна закинути докір у "психологізації" суспільної дійсності. Але, оцінюючи їх, треба брати до уваги принцип наукових абстракцій: гіпостазуючи їх, не ототожнювати їх "з самою дійсністю", а вбачати в них те, чим вони насправді є – теоретичною моделлю суспільного життя.

Передусім слід зазначити, що корпоративізація суспільного життя в Україні і бюрократична узурпація влади з боку чиновництва певним чином корелюють з деякими рисами українського національного характеру, а саме позапублічністю життя, як його екзістенційним принципом.

Українець (таке застосування поняття у цих контекстах має на увазі не емпіричного індивіда, а ідеальний тип "людини культури") тяжіє до інтимного зв'язку із складовими свого життєвого світу. Його світ – це дійсність безпосередньо дотичного, тілесно унаочненого, особисто відчутого і пережитого. Життя українства на протязі довгої історичної доби було позбавлене виміру публічності і примушене було відступити цілком у приватну чи особисту сферу. У відповідь на виклик несприятливих соціально-політичних обставин, котрі ставили під загрозу подальше існування українського етносу, культура виробила вельми цікавий механізм самозбереження, котрий можна назвати *екзістенційною ізоляцією* української людини.

Її життєва стратегія налаштована на відмову від публічності. Українська людина повсякчас створює не загальний світ спільного існування особистостей у вигляді загальних правил їх взаємовідносин, а свій, партикулярний світ. Ця могутня психологічна настанова не залишається у культурному минулому українства, закінчуючись разом з його соціально-політичною несамостійністю та вилученістю з історії. Навіть тепер, коли на соціокультурній палітрі самовизначення українства з'явилися цілком нові соціальні ролі – самовправного політика,

вільного підприємця, незалежного інтелектуала тощо – українська людина здійснює ці ролі у, так би мовити, старому екзістенційно-культурному форматі.

Усталеним психологічним архетипом української людини є також "окремість" існування. Цей архетип спрацьовує і в діях політиків загальнонаціонального масштабу, і в діях керівників виробництв, і в діях творців культури так само, як і в діях пересічної особи. Ця окремість буття стає екзістенційною основою, котрою живиться і відтворюється корпоративізація українського суспільства.

Українська людина впевнена в собі лише у тісно визначених межах власного життєвого світу. Великий світ навкруги вона не відчуває належним їй. Життєдіяльність української особистості розгортається як вилучення з великого світу у свій власний того, що є для неї бажаним. Думка про те, що великий світ теж може належати їй, що це природно і нормально, ще не з'явилася в українській людині або не набула над нею необхідної влади. Тому партикуляризм українського життя повсякчас відроджується, наслідком чого є корпоративність суспільства і станово-корпоративна держава, котру складають люди з тією ж фатальною настановою окремості, нездатні навіть задля власних станових інтересів діяти у широкому обширі загальнонаціональної справи.

Той самий психологічний комплекс окремості спрацьовує і у політиці національно-демократичних сил відносно української держави. Вони геть без останку поглинуті *голим принципом* державності, не наважуючись виголосити справді загальнонаціональну державу. Вони не наважуються перетворити "українськість" з етнокультурного на універсальне, загальнонаціональне визначення, прийнятне для всього населення України безвідносно до етнічної належності.

Нація як спільнота громадян, об'єднана суспільним договором рівних у правах людей, котрі роблять спільну історичну справу, є вельми збентежуючим феноменом для людини, налаштованої почуватися зручно лише у своїй окремості. Як це не парадоксально, але якраз націонал-демократичні сили не спромоглися відіграти роль загальнонаціонального лідера і навіть, виходячи з їх політики, не мали це завдання за головне. Вони відстоювали український інтерес як *специфічний* інтерес в країні, де він може і повинен мати універсальне значення.

Але таке перетворення "українського" – справа не політичних гасел, а конкретного перетворення української держави, її підпорядкування громадянській спільноті. "Українське" ніколи не стане загальнонаціональним, не буде спроможне стати основою нової історичної нації, в котру може перетворитися народ України, без відповідного і докорінного перевлаштування та трансформації української держави. Влада в Україні повинна стати загальнонаціональним надбанням, а народ – її сувереном. Лише ця нова ситуація соціально-політичної відповідальності може стати основою формування української нації і основою національної консолідації в Україні загалом, позбавивши суто етнічні ознаки тієї політичної ролі, яку вони мають на сьогодні.

Примітки

1. Алексеева Т. А., Демократия как идея и процесс: Вопросы философии.– 1996.– №6.– С. 22.
2. Кульчицький С., Про спадщину радянського тоталітаризму: Політична думка.– 1997.– №4.– С. 43.
3. Толочко П. П. Що або хто загрожує українській мові? – К.: "Оріяни", 1998.– С. 4.
4. Цитується за: Алексеева Т. А. Демократия как идея и процесс: Вопросы философии.– 1996.– №6.– С. 22.
5. Белл Д. Культурні суперечності капіталізму: Сучасна зарубіжна соціальна філософія. Хрестоматія.– К.: Либідь, 1996.– С. 258.

ПРАВО НА СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ И НОВЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ В КОНЦЕПЦИИ ПРАВ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ

Т. А. Сенюшкина, кандидат философских наук,
доцент кафедры политологии и социологии СГУ

Процесс преобразований в Восточной Европе, который в 1989 году привел сначала к расшатыванию, а далее и к распаду Восточно-европейского блока, повлек за собой крупные изменения в государственном устройстве целого ряда стран. После распада трех прежних формально федеративно устроенных государств: СССР, Югославии и Чехословакии мы имеем дело с 27 вновь образованными государствами.

Территориальные границы новых государств не всегда совпадают с этническими границами, что и является, чаще всего, главной причиной этнических конфликтов. Кроме того, этнические группы, являющиеся меньшинствами, претендуют на сохранение культурной идентичности в условиях межэтнического взаимодействия.

Вопросы, связанные с перспективами существования этнических меньшинств и их взаимодействия с большинством населения актуальны не только для Восточно-европейских стран, а также и для большинства развитых государств Европы. Объединение Европы и стремление к европейской независимости идут рука об руку с возрождением поисков национальной независимости. К тому же, европейские страны столкнулись с проблемой массового притока рабочих – эмигрантов из Средиземноморских стран и беженцев, что способствовало превращению Западно-Европейских стран из моно национальных в полиэтнические.

Сегодня почти каждую Европейскую страну можно назвать мультикультурной. При этом мультинационализм и полиэтничность, как правило, сосуществуют и взаимообусловливают друг друга. В каждой стране имеются группы, которые хотят сохранить свою культурную независимость и требуют признания со стороны большинства населения. В связи с этим в структуре прав меньшинств в последнее время обнаруживаются контуры нового права – права на культурную независимость.

Прежде чем приступить к анализу данного права, следует остановиться на двух понятиях – мультинационализм и полиэтничность. Первое понятие обычно относится к ситуации, когда культурные группы живут в территориально обособленных районах, например, этнические венгры в Румынии. Второе понятие касается ситуации, когда члены этнической группы разбросаны по всей стране, например, турки в Голландии.

В связи с вышесказанным можно утверждать, что мультикультурализм – явление, характерное для всей Европы. Вопрос состоит лишь в том, как относиться к этому явлению: с одной стороны, можно соблюдать политику равенства и либерального индивидуализма. Такая политика противостоит дискриминации и угнетению благодаря групповой идентичности, она подчеркивает индивидуальное достоинство, присущее всем, а это ведет к равным правам независимо от группового членства.

Указанные принципы преобладали в идеологии Европейских стран после II мировой войны. Декларация прав человека 1948 года и Европейская конвенция по правам человека 1950 года не оговаривают специфически групповые права. Считалось, что принцип равенства, если его строго соблюдать, гарантирует культурную идентичность каждой группы.

Одной из причин отказа от идеи специфически групповых прав была неудача со схемой защиты меньшинств в Лиге Наций. Этой схемой, которая давала международное признание немецко-говорящим меньшинствам в Чехословакии и Польше, воспользовались немцы, считавшие оправданным завоевание в случае, если страна недостаточно обеспечивает растущие потребности немецких меньшинств. Память об этих событиях привела к пренебрежению правами человека по отношению к меньшинствам.

Саммит Совета Европы 1993 года принял декларацию, в которой говорится о том, что Европейскую конвенцию по правам человека нужно дополнить мерами, обеспечивающими права меньшинств(1). Эта декларация была поддержана Европейским Союзом на сессии Европарламента в 1995 году. Также проблема культурной идентичности и прав меньшинств разрабатывается на теоретическом уровне, в частности, в работах Чарльза Тейлора и Вилла Кимлика. Тейлор считает, что люди имеют фундаментальную потребность быть признанными не только как индивидуумы с общечеловеческими достоинствами, но и как существа, обладающие особой идентичностью, заложенной в культурной общности. Поэтому политика равенства, которая подчеркивает значение индивидуума и равных прав, должна быть подкреплена политикой различий, целью которой является публично и легально, т. е. на правовой основе, дать каждому возможность сохранить культурную идентичность. Кимлика в качестве отправной точки берет принцип политической автономии, который защищается либеральными философами типа Джона Ролза. При этом люди рассматриваются как ответственные индивидуумы, которым "нужно дать возможность жить такой жизнью, которую они считают приемлемой для себя, при условии, что это не вредит другим людям. Необходимо защищать их культуру, так как она обеспечивает выбор". (2, с. 80). Следует отметить, что право на сохранение культуры или культурной идентичности содержит некоторые противоречия, которые нельзя недооценивать как с точки зрения объекта права, так и с точки зрения правоприменителя. Не вдаваясь в детали этих противоречий, необходимо заметить, что в целом эти проблемы более актуальны в ситуациях, связанных с разбросанным мультикультурализмом по сравнению с компактным мультикультурализмом.

Проблема культурной идентичности не может рассматриваться вне этнического контекста. Отметим, что вокруг проблем этнической идентичности в современной зарубежной литературе ведутся интенсивные дебаты. Главные их темы – реальное или мифологическое происхождение, а также характер компонентов, составляющих специфику этнической идентичности в отличие от других форм идентичности. Известный антрополог Клиффорд Гирц определяет этничность как "коллективно одобренный и публично выраженный мир личностной идентичности" или как "социально ратифицированную личностную идентичность" (3, с. 268). Таким образом, можно считать, что личностная идентичность в случае развитого коллективного сознания проявляется как этническая идентичность, черпающая свои истоки в культурной практике группы.

Концептуальное обоснование права на сохранение культурной идентичности предполагает необходимость формулировки цели указанного права. При попытке обосновать цель возникает концептуальная проблема. В политических дебатах и спорах создается впечатление, что существует полная ясность в вопросе о культурной идентичности некоторых этнических групп, к примеру, сербов и кельтов. Неевропейский пример такой кажущейся ясности – Африканская Хартия по правам человека, в которой говорится о сохранении африканских ценностей. В действительности, постановка вопроса о специфических африканских ценностях свидетельствует о наличии четкой культурной границы или дистанции, отличающей ценности африканских народов от неафриканских в сознании носителей этих ценностей. Сегодня большинство исследователей склоняются к мнению, что этнические границы определяют группу, а не сам по себе содержащийся в пределах таких границ культурный материал.

Культура не является однородной по своей сути, она динамична, она создается, разрушается, перестраивается. Она сама множественна и включает элементы других культур. "Процесс взаимодействия часто ведет к изменениям, которые рассматриваются в качестве ценностей членами культурной группы. Сохранение культуры может превратиться в желание сохранить образ культуры, но оно же может лишить эту культуру возможности развития". (4, с. 110).

Мультикультурализм, подразумевающий наличие различных групп, живущих совместно в составе какого-либо политического единства, может породить целый ряд проблем в межэтническом взаимодействии, связанных с отношением людей к культурной практике отдельной группы. Данный вопрос будет не так остр при компактном мультикультурализме, но достаточно актуален при разбросанном мультикультурализме.

Часто приверженцы права сохранять культурную идентичность подчеркивают равенство культур, указывая на условность критериев при определении ценности той или иной практики культурных групп. Сторонники данной концепции утверждают, что практика культурных сообществ должна рассматриваться как равноценная. Как бы ни была привлекательна эта идея, следует признать ее недостаточно последовательной. Было бы необоснованно заранее рассматривать культурные практики как равноценные, ибо само понятие ценности носит глубоко индивидуальный характер и обусловлено принадлежностью носителя культурной практики к той или иной исторической традиции. Поэтому наиболее оптимальным можно признать подход, предлагающий "учитывать ценность других культурных практик, изучать их и вести диалог". (5, с. 66). Диалог может показать, что данная культурная практика действительно имеет ценность. В этом случае следует признать право сохранять культуру, а это значит, что мы должны быть готовы активно защищать данную культурную практику. Возможно, что большинство людей будет считать свои собственные культурные ценности универсальными, т. е. важными для всех, а другие культурные практики – неприемлемыми. Например, женское обрезание, встречающееся в культурной практике некоторых африканских народов, может рассматриваться большинством людей как несовместимое с человеческим достоинством женщины. В этом случае нельзя ожидать, что данная практика будет активно поддерживаться, и следовало бы признать негативное право, т. е. право воздерживаться от применения культурной практики.

Обоснование права на культурную идентичность предполагает постановку вопроса о субъекте права: являются ли отдельные индивидуумы или группы носителями права сохранять культурную практику? Декларация Саммита Европы и Доклад Европейского Парламента 1995 года, а также многие европейские ученые и политики воздерживаются от признания коллективного права меньшинств на сохранение культурной идентичности (6, с. 46). Многие считают, что коллективные права противоречат индивидуальному характеру прав человека (7, с. 43). С другой стороны, многие теоретики и политики поддерживают коллективное право. К примеру, Ставен-хаген, Ван Дайк и Гальтунг выступают за права культурных групп (8, с. 32).

Мы считаем, что понятие индивидуальности человеческих прав не обязательно означает, что права человека по своей природе являются индивидуальными. Но не следует понимать политику дифференциации так, якобы группы определяются на основании определенных закрепленных особенностей. Контуры культурных групп не определяются природой. Они постоянно изменяются, и в каждый определенный момент неясно, кто относится к данной культурной группе, а кто может быть исключен из нее. Дифференциация групп устанавливается и разрушается их отношениями друг к другу. (9, с. 159). В этом смысле групповая самобытность – категория историческая. Это не "набор объективных фактов, а продукт пережитого". (Там же, с. 161).

Право на сохранение культурной идентичности означает, что необходима правовая защита сохранения культурной самобытности группы от доминирующего большинства. При этом следовало бы рассмотреть вопрос о меньшинствах внутри меньшинств и, в конце концов, об отдельных людях внутри меньшинств. Эта проблема характерна как для разбросанного, так и для компактного мультикультурализма, ибо каждая общность характеризуется мультикультурализмом и всегда существует вопрос об индивидуальной самобытности. Поэтому следует признать, что коллективное право на сохранение культурной самобытности возможно при условии уважения свободы выбора индивидуума. Отдельные люди не обязаны подчиняться культурным особенностям большей группы в меньшинстве. (9, с. 159). Было бы непоследовательным, если группы придерживаются права жить своей культурной жизнью по-своему и не позволяют отдельным членам этих групп жить так, как они считают нужным.

В заключение хотелось бы сделать некоторые выводы. Итак, люди должны сохранять свою культурную самобытность. Принцип автономии предписывает людям жить в соответствии с их культурной практикой. Право сохранять культурную самобытность может быть справедливым ответом на потребность политического признания культурной самобытности. Однако существуют некоторые проблемы в отношении объекта данного права, который трудно определить, в особен-

ности в ситуациях, связанных с разбросанным мультикультурализмом. Кроме того, в целом ряде случаев сохранение культурной практики может быть неприемлемо, хотя членов политического сообщества просят учитывать ценность традиций меньшинств. В случае признания ценности данной культурной практики следует установить позитивное и негативное право сохранения культурной самобытности. Если же данная практика не признается как ценная, необходимо признать защиту негативного права от вмешательства других.

В отношении носителя права можно утверждать, что возможен коллективный субъект права, в особенности при компактном мультикультурализме. Коллективные права в принципе совместимы с индивидуализацией прав человека. При этом коллективные права не должны вести к угнетению малых групп индивидуумов внутри культурной группы.

Следует ли рассматривать право сохранения культурной самобытности как индивидуальное, но специальное право, которое принадлежит только членам особых групп? Новый Южно-Африканский Билль о Правах формулирует культурные права в терминах индивидуальных прав, утверждая, что "все имеют право пользоваться языком и участвовать в культурной жизни по своему выбору". Если это право означает, что пользоваться им могут не только члены культурных групп, а все члены сообщества, то его нельзя назвать специальным правом. Документ подтверждает, что все имеют это право. Это показывает, что сохранение культурной самобытности не требует специальных прав, и что политика равенства дает большую защиту, чем предполагалось. Считается, что политика равенства ведет к однородности и ассимиляции, а также не принимает во внимание дифференциацию людей. Такова могла быть действительная политическая ситуация и доминантное объяснение политики равенства, но это не обязательно следствие политики равенства. Политика различий может составлять целое с политикой равенства, если обеспечить поддержку тех, кто до сих пор исключался из теоретического и политического развития прав человека, например, культурные меньшинства. (8, с. 159). Опыт этих групп может показать, что отдельные ресурсы и возможность полноценной жизни отнимались у них и что это положение следует исправить. Но это не должно вести к появлению особых прав, т. е. прав,

присущих только некоторым людям. Это может привести к новой интерпретации или трансформации существующих прав или к введению новых прав, вводящихся на основе культурного опыта групп, но считающихся равными или всеобщими правами.

Примечания:

1. Vienna Declaration, SUM (93) 2, 9 October 1993.
2. Will Kymlicka, Multicultural Citizenship, - Oxford: Oxford University Press, 1995.
3. Geerts C. The Interpretation of Cultures: Selected Essays.-- New York: Basik Books, 1973.
4. Jeremy Waldron, "Multiculturalism and Minority Rights", - Oxford: Oxford University Press, 1995.
5. Charles Taylor, "The Politics of Recognition", in: Multiculturalism, examining the politics of recognition, Charles Taylor, et. al,, Amy Gutmann (ed.), Princeton University Press, Princeton, New Yersey, 1994.
6. A. D. Renteln, International Human Rights, Sage Publications, inc., 1990.
7. J Donelly, Human Rights, "Individual Rights and Collective Rights", in: j Berting, Human Rights in a Pluralist World: individuals and collectivities' 1990.
8. Vernon Van Dyke, "The individual, the State, and Ethnic Communities in Political Theory", in: Will Kymlicka (ed.). The Rights of Minority Cultures (Oxford: Oxford University Press, 1995.
9. Iris Young, "Transforming the Logic of Group Political Conflict", in: Will Kymlicka (ed.). The Rights of Minority Cultures (Oxford: Oxford University Press, 1995)

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП (МОДЕЛИ СИТУАЦИЙ)

К. В. Коростелина, кандидат психологических наук, и. о. доцента кафедры психологии СГУ

1. Роль рассказов в формировании моделей этнических ситуаций

Осмысление социальных ситуаций и их репрезентация играют большую роль в формировании этнических убеждений и их сохранении в памяти человека. Эти особенности восприятия и понимания этнических ситуаций отражаются в рассказе о них разнообразных историй. В этих историях говорится об эпизодах, которые случились в определенное время, в определенном месте, с определенными людьми и с самим рассказчиком. Ситуации, свидетелями которых мы были, или которые были рассказаны нам, запечатлеваются в нашей памяти в виде модели ситуации. Под моделью понимается первичный конструкт памяти, репрезентация коммуникативной ситуации, являющаяся основой порождения рассказа. Любой рассказ является в то же время и реализацией такой модели, характеризующейся предубежденностью. Действительно, очень многие стереотипы передаются через неформальные каналы повседневных разговоров. "Эпизодические модели функционируют как частичные, субъективные и релевантные когнитивные представления о положении дел в реальном мире и тем самым о социальных ситуациях в мире. По этой причине мы называем такого рода модели также ситуационными... Их локализация в эпизодической памяти говорит о том, что они представляют собой интегрированные структуры предшествующего опыта людей. В них отражены знания и мнения людей о конкретных событиях или ситуациях. Помимо всего прочего, это означает, что ситуационные модели служат сформированной на основе прошлого опыта базой для более общих и абстрактных "фреймов" или "сценариев" в памяти. Субъективные ситуационные модели отражают не только знание о конкретных событиях, но так же убеждения и мнения (оценочные суждения)[1]. Конкретный опыт, связанный с национальными меньшинствами, сохраняется в моделях. У людей существуют более общие сценарии и установки, касающиеся этнических отношений в целом. Они имеют более схематическое строение. Таким образом, с одной стороны, частные, индивидуальные модели могут отражать структуру и отношение к отдельным ситуациям и, с другой, более обобщенные модели отражают общие отношения к типам ситуаций и взгляды на поведение группы людей. При этом частные модели могут влиять на динамику общих, перестраивая их.

Источником возникновения мнений, которые выражают люди в рассказах о встречах с представителями других этнических групп, являются как общие структуры социальных установок, так и частные модели ситуации. Часто недостающая информация или несформированные мнения подкрепляются за счет мнений и установок, принятых в данном обществе. "Предубеждение следует объяснять не только через статические когнитивные репрезентации (схематические структуры, категории и собственно содержание) установок и моделей ситуации, но и через динамические процессы, происходящие в ситуациях реального использования такого рода информации в речевых или каких-то иных взаимодействиях в социальной среде"[2].

Мнения автор рассматривает как оценочные суждения, а установки – как иерархические конфигурации разделяемых обществом мнений. Схемы установок могут пополняться за счет новых установок, при этом выступая в роли фильтра. Если человек имеет этнические предубеждения, то любая новая этническая встреча будет негативно оценена из-за наличия негативных схем установок. Такая оценка новой ситуации только подтвердит существующие предубеждения, и мы получим замкнутый круг. Исследования Б. Л. Дункан[3] показали, что люди обычно лучше запоминают именно негативные действия представителей этнических меньшинств. Т. А. ван Дейк выделил так же стратегии "переноса" и "распространения". Перенос заключается в том, что отдельные отрицательные аспекты этнической ситуации переносятся на всю конкретную группу представителей другого этноса, а отрицательные особенности ситуации – на ее участников. Распространение заключается в том, что негативная оценка ситуации может распространяться по всем ее участникам, их действиям и чертам.

В процессе рассказа происходит обработка информации об этнической группе, ее ценностях типичном поведении и т. д. "Рассказы о подобных историях формируют нормы и ценности, на основе которых производится оценка "отклоняющихся" форм поведения. Таким образом, обеспечивается базисное для этнического большинства знание об этнических меньшинствах, а также даются рецепты относительно того, какой должна быть реакция и какими – действия. Эти рассказы воплощают в себе нашу предубежденность, лежащую в основе оценок и реакций. В то же время они рассказываются и для того, чтобы эту предубежденность разделяли с нами и другие"[4].

Итак, модели понимаются как структурные объекты, возникающие в процессе понимания и оценки событий, происходящих в социуме. Они отражают знания, установки и мнения говорящего. Анализ рассказов позволяет понять социальную обусловленность обыденной речи, раскрыть особенности этнических предубеждений и описать когнитивные стратегии, которыми пользуются представители различных этносов. "...Анализ речи позволяет нам реконструировать интерпретацию членами группы их собственной социальной ситуации, а так же категоризацию и оценку участников той социальной ситуации, о которой идет речь"[5].

2. Методы анализа историй об этнических встречах

Существует несколько подходов к анализу и интерпретации рассказов о социальных ситуациях.

Дж. Форгас[6], оценивая рассказы о социальных ситуациях, делал основной акцент на их эмоциональной окраске. Он предложил делить ситуации на приятные, формальные и опасные. Эти же три категории могут относиться не только ко всей ситуации в целом, но и к некоторым особенностям ситуации, к отдельным людям или их поступкам.

Еще одним способом обработки текста является контент-анализ[7]. Он представляет собой технику анализа, производимого благодаря объективному и систематическому выявлению соответствующих задачам исследования характеристик документов. Контент – анализ заключается в подсчете частоты обращения субъекта к тем или иным ценностям, эмоциям и др. категориям. Чем чаще апелляция к ценности, тем выше она в иерархической системе.

Р. Аксельрод[8] разработал метод когнитивного картирования. Этот метод заключается в выделении ценностей, которыми оперирует субъект и указании между ними причинно-следственной связи. При этом контент-анализ позволяет отсекать второстепенные ценности. Важной характеристикой является так же динамика изменения ценностей. Карта позволяет учитывать в определенной мере особенности внутренней структуры субъектов. При этом выделяются их особенности восприятия ситуации, цели, оценка намерений других лиц.

Для анализа текстов, переговорных процессов используется и метод графа, основанный на структурно- морфологическом анализе.

Этот метод основан на том, что "извлекаются все упоминаемые категории и связи между ними, затем они перегруппировываются в цели данного субъекта и элементы самой ситуации, воздействующие на достижение этой цели"[9].

С помощью этой методики происходит структуризация представлений каждой из сторон о ситуации, т. е. выделение целей сторон и тех элементов ситуации, которые или воздействуют или будут воздействовать.

М. Арджил [10] с коллегами для анализа социальных ситуаций предложили компонентный анализ. Они считают, что надо использовать для анализа такие категории как участники, цели, правила, контекстные поддержки и действия.

Р. Баркер [11] делает основной акцент на особенностях поведения и окружения. Он предлагает создавать типологию поведения и ситуаций. Так, в русле экологической психологии были проведены исследования, направленные на выявление особенностей оценки среды. Например, в ходе исследований были выделены следующие эмоциональные типы ситуаций: угрожающие, согревающие, интересные, скучные, волнующие, раздражающие, ситуации отвержения и т. д. По этим характеристикам все ситуации были отнесены к 4 измерениям:

1. Дружественная – недружественая
2. Интересная – скучная

3. Спокойная – напряженная
4. Ограничивающая – свободная

В рамках экологической психологии предлагаются и другие шкалы для оценки восприятия ситуации: приятная – неприятная, свободная – ограниченная, для личного общения – для делового общения, формальная – неформальная, спокойная – возбуждающая, требовательная – тихая, угрожающая – безопасная.

Автор микросоциологического анализа, И. Гоффман[12], предлагает рассматривать ситуацию через оценку различных стратегий взаимодействия партнеров. В качестве примера стратегий взаимодействия можно привести типы разрешения конфликта, предложенные У. Томасом. И Х. Килменом. [13]Они считают, что стиль поведения в конкретном конфликте определяется той верой, в которой Вы хотите удовлетворить собственные интересы (действуя активно или пассивно) и интересы другой стороны (действуя совместно или индивидуально).

На этой основе можно выделить 5 типов разрешения конфликта.

1. Приспособление. Человек действует совместно с другими, не пытаясь отстаивать свои интересы. Он жертвует своими интересами в пользу другого человека, уступая или жалея его.
2. Сотрудничество. Человек активно участвует в разрешении конфликта и отстаивает свои интересы, но старается при этом сотрудничать с другим человеком.
3. Компромисс. Обе стороны немного уступают в своих интересах, чтобы удовлетворить их частично, поступая по принципу "ты мне – я тебе". В отличие от сотрудничества, где проводится анализ ситуации, компромисс поверхностен. Люди сходятся на частичном удовлетворении своего желания и частичном исполнении желания другого.
4. Конкуренция. Человек весьма активен и предпочитает идти к разрешению конфликта своим собственным путем. Он старается, в первую очередь, удовлетворить свои собственные желания и интересы в ущерб интересов других, вынуждая других людей принимать свое решение проблемы.
5. Уклонение. Человек не отстаивает свои права, не сотрудничает ни с кем для выработки решения проблемы или просто уклоняется от разрешения конфликта. Он уходит от проблемы, игнорируя ее, перекладывая ответственность за решение на другого, добиваясь отсрочки решения.

В рамках теории искусственного интеллекта рассказы анализируются в терминах структур действий: планов, целей, участников действий, осуществление соответствующих шагов, приводящих к успешному достижению намеченных целей или к неудачам при их выполнении.

Современная теория атрибуции текста, основанная на идеях Ф. Хайдера[14], считает, что люди могут рассматривать ситуации и запоминать их с точки зрения, как участника, так и стороннего наблюдателя. При этом они могут объяснять действия с помощью личностной атрибуции, относя их к внутренним – мотивационным или личностным характеристикам деятеля, либо с помощью ситуативной атрибуции, относя причины действий к внешним, ситуативным или контекстным – факторам. Такая атрибуция возможна, если сами участники проводят различия в своих моделях ситуации. Такое различение возможно, если участники опираются на общие теории действий, событий, участников при понимании ситуаций. Интересными являются методы анализа, основанные на лингвистических теориях.

В. Лабов [15] предложил исследовать короткие рассказы с помощью категорий типа Обстановки, Осложнения, Развязки, Оценки или Кода. Эти эпизоды носят различные функции. Резюме сообщает о наличии некоторой истории и дает краткое описание произошедших событий. В резюме выделяется наиболее интересная, яркая часть событий, чтобы завоевать внимание слушателей и начать рассказ. В описании дается характеристика места, времени, обстоятельств и главных действующих лиц. Осложнение включает характеристику основных катастрофических событий, проблемные отношения, агрессию, отклоняющееся поведение. В развязке описываются действия, направленные на разрешение ситуации, конфликта, преодоление препятствий. Оценка заключается в выражении мнения рассказчика о событиях, окружающей обстановке, других людях. В оценке

могут быть так же отражены эмоциональные отношения и чувства. С помощью кода связываются события прошлого с настоящим контекстом рассказа истории.

Т. А. ван Дейк [16] рассматривает каждый рассказ как текст, отражающий положение дел в ситуативной модели, отражающей события и действия рассказчика. Автор утверждает, что рассказы позволяют вскрыть основные характеристики моделей ситуаций. Вслед за В. Лабовым Т. А. ван Дейк делит модель ситуации на несколько частей. Такое структурное устройство моделей автор называет категориальным. Каркас модели составляет схема, в которую входит определенное число фиксированных категорий.

1. Приуроченность к ситуации. Чтобы ввести рассказ в беседу и заинтересовать слушателей люди используют выражения типа "И я испытал подобное…", "это похоже на…". Такое приурочивание связывает текущую тему беседы с предлагаемой для рассказа историей.
2. Резюме (краткое содержание). С помощью этой категории рассказчик представляет какую-нибудь важную часть рассказа. Обычно такой частью выступает, наиболее интересное событие, конфликтная или проблемная ситуация, отношение к ситуации. Резюме можно рассматривать как аналогию заголовка новостей или статьи в печати. Краткое содержание помогает заинтересовать слушателей, обратить их внимание на рассказчика.
3. Описание окружающей обстановки. Кратко описывается время, место и участники событий.
4. Ориентация. Описание текущих событий и действий, совершаемых участниками, часто – простых, обыденных действий и занятий: хождение по магазинам, езда в транспорте, завтраки и обеды и т. д. Эти характеристики являются как бы фоном для рассказа более интересных, конфликтных событий.
5. Осложнение. Оно составляет ядро рассказываемой истории. Здесь рассказывается интересное, конфликтное событие. "Осложнение более, нежели другие категории, выражает социальный конфликт, в который втягиваются представители этнического большинства, нарушение инородными этническими группами общепринятых норм и системы ценностей, противоречие нашим привычкам и обыденным занятиям, а так же и нашим ожиданиям. … Большинство осложнений негативно окрашено, и именно в данные фрагменты повествования включаются соответствующие негативно окрашенные описания качеств и действий представителей этнического меньшинства... . В рассказываемых историях об этнических меньшинствах, в качестве осложнений, как правило, используются описания краж, агрессивных актов, угроз, ограблений, шумного или антисанитарного поведения и вообще таких действий, которые причиняют беспокойство рассказчику или другим представителям этнического большинства".[17]
6. Развязка. Разрешение конфликта или затруднение, создаваемое этим осложнением. В качестве реакции на проблему могут выступать психологические или физические действия, направленные на восстановление нормального течения жизни, ценностей, разрешение конфликтной ситуации и т. д. Встречаются примеры героических поступков, смелых решений, но чаще проблемы не имеют разрешения. Развязка в этом случае заканчивается констатированием наличия проблемы, обвинения и т. д.
7. Экспликация. Она не имеет самостоятельного значения и часто включается в состав осложнения или оценки. Экспликации проявляются в обобщениях, обобщенных отношениях, характеристиках норм и правил, пояснительной информации, попытках объяснить происходящее.
8. Оценка. Оценка может выражаться и как отдельный компонент структуры и как характеристика самого повествования. В оценке рассказчик выражает свое мнение и эмоции относительно ситуации и отдельных лиц. По мнению ван Дейка, отсутствие или неразвитость развязки приводит к тому, что оценка начинает играть роль развязки. При этом она отрицательно окрашена и играет существенную роль в рассказе.
9. Заключение. Его можно назвать моралью истории, где делаются обобщенная оценка событий, действий и особенностей участников, выводы, предложения о необходимых действиях.

Иногда в заключение повторяются фразы, сказанные в начале повествования. Здесь подтверждается соответствие рассказанной истории общей теме беседы.

С помощью описанных выше методов анализа рассказа анализируются и истории о встречах и взаимодействии с этническими меньшинствами. Так в Амстердамском университете был осуществлен междисциплинарный проект, в состав которого входили разработка эксплицитной когнитивной теории этнических отношений и исследования способов ведения рассказов об этнических группах. Данные были получены путем неформальных интервью с белыми представителями жителей Амстердама. Исследование показало, что модели этнических ситуаций заключают в себе субъективный опыт рассказчиков, накопленный в процессе взаимодействия с представителями других этносов. При этом в моделях отражаются как осмысление, так и оценка этих встреч.

Описанные категории составляют иерархическую схему:

Анализ взаимосвязи этнических предубеждений и содержания рассказов об этнических меньшинствах, проведенный Т. А. ван Дейком, показал, что в разговорах об этнических меньшинствах люди стремятся выразить свое негативное отношение к ним или дать им негативную оценку, а с другой стороны, стремятся производить хорошее впечатление и не выглядеть несправедливыми и жестокими. Однако из-за негативного отношения к другому этносу, набор тем в рассказах является довольно ограниченным историями об агрессивном поведении, доставляемом беспокойстве, культурных различиях, угрозе ценностям, привычкам и убеждениям. Сами рассказчики оценивают себя как пострадавших и даже как жертву.

Для этнических рассказов характерна оппозиция "мы" (хорошие, добрые, терпимые) и "они" (агрессивные, глупые, жестокие и т. д.).

Интересно, что все рассказы описывали повседневные проблемы и конфликты, возникающие в быту между соседями. Проблемы, связанные с общепринятыми предубеждениями относительно конкуренции при найме на работу, злоупотреблении социальными благами и т. д. вообще не упоминались в историях или упоминались крайне редко. Авторы объясняют это, с одной стороны, тем, что люди просто не сталкиваются с подобными ситуациями, а с другой, тем, что эти предубеждения имеют более общую социально-экономическую природу и к ним нельзя подобрать иллюстраций с помощью прямых наблюдений, и с третьей, сами события не являются достаточно интересными, чтобы их рассказывать.

3. Исследование моделей этнических ситуаций

Мы провели исследование, направленное на выявление этнических предубеждений и отношений между славянским и крымскотатарским народами. Для этого было получено более 100 интервью с представителями этих народов, проживающими в Симферополе, Симферопольском районе, Феодосии, Бахчисарае, Алуште и Севастополе. Ниже мы приведем некоторые примеры рассказов об этнических встречах и результаты их анализа. В качестве методов анализа мы использовали так же классификацию социальных действий Бейлса и виды дифференциальных эмоций, предложенные К. Изардом[18].

Рассказы крымских татар

Рассказ 1. Ж., 19 лет.

"Когда я училась в третьем классе, произошел такой случай. Мы играли на переменке в мяч. В стороне лежали наши портфели. Я кинула мяч. Он отлетел и попал на один из портфелей. Девочка, чей портфель был, подбежала ко мне и стала кричать, что я татарча недорезанная и чтобы убиралась к своим чуркам. Я заплакала, но никто не встал на мою сторону".

Рассказ 2. Ж., 54 года.

" Как- то я ехала в электричке, проезжали дома. Среди них был очень красивый 2-х этажный особняк. Какой-то мужчина сказал, что этот дом построил татарин. Женщина, которая стояла рядом, начала возмущаться: "Вот там наворовали, теперь здесь приехали воровать. И что этим татарам там не сиделось. Житья от них нет, везде они". Я начала говорить, что она не права, она сказала, чтобы я заткнулась, и мы начали ругаться".

Рассказ 3. Ж.,45 лет.

"Как-то я в автобусе поругалась с женщиной, когда та своей подруге стала говорить, что пенсию не платят, потому что все деньги уходят на поселение татар".

Рассказ 4. Ж., 28лет.

"Я ехала в автобусе со своими двумя детьми. Дочка очень устала. Она хныкала и просилась сесть. Но ни один человек места не уступал. Я попросила уступить ей место, потому что она только после болезни и очень устала. Но женщины стали кричать, что нечего больных татарчат вообще в автобус пускать, что она, наверное, с блохами и вшами. Дети разревелись, и мне пришлось выйти из автобуса и ждать другой".

Сцена:

Время: практически не используется.

Место: транспорт (электричка, автобус, маршрутное такси)-30%, рынок-10%, школа-10%, быт- 20%.

Условия: поездка на транспорте, разговор с приятелями-славянами, покупки на рынке и т. д.

Событие:

Участники:

ОНИ – грубые, жестокие, агрессивные, несправедливые.

МЫ – обижаемые несправедливо, защищающие свою национальность, вступающие в конфликт в ответ на провокацию со стороны славян.

- *Ругаются-45%*
- *Злятся- 30%*
- *Обижаются-25%*

Негативный акт*: обвинения со стороны славян*

- *В глупости – 20%*
- *В воровстве и жизни за счет славян- 20%*
- *В агрессивности- 10%*
- *"Понаехали" -25%*
- *Грубые ругательства – 25%*
- *Прямая агрессия (желание вторичной депортации)-10%*

Последствия: *негативное отношение, озлобленность, обида.*

Виды социальных воздействий:

Соц. Воздействия	Славяне	Крымские татары
Солидарность	-	*Со своим народом*
Ослабление напряжения	-	-
Одобрение	-	-
Предложение	-	-

Мнение	*70%*	*15%*
Информация	*10%*	*15%*
Просьба об информации	-	-
Просьба о мнении	-	-
Просьба об обращении	-	-
Отклонение	*20%*	*30%*
Напряженность	*55%*	*60%*
Антагонизм	*50%*	*45%*

Виды эмоций

Эмоции	Славяне	Крымские татары
Интерес	-	-
Радость	-	-
Удивление	*5%*	*5%*
Горе	-	*15%*
Гнев	*35%*	*65%*
Отвращение	*25%*	-
Презрение	*20%*	*5%*
Страх	*5%*	-
Стыд	-	-
Вина	-	-
*Зависть**	*15%*	

В соответствии с концепцией Изарда, эмоции могут склеиваться в комплексы аффектов. Так, гнев, отвращение и презрение образуют комплекс враждебности. Этот комплекс крымские татары приписывают славянам.

У крымских татар **типичный "сценарий"** или макромодель ситуации этнического взаимодействия состоит в следующем:

- Славяне обвиняют или проявляют открытую вербальную агрессию по отношению к крымским татарам.
- Крымские татары в ответ вступают в конфликт или испытывают крайне негативные эмоции.

Не описана ни одна ситуация, связанная с условиями совместного проживания, отдыха, работы или учебы. Отсутствуют оценки взаимоотношения в семье, отношений к работе и т. д.

Наиболее обострено из всех ситуаций взаимодействия крымские татары воспринимают ущемление собственного достоинства, оскорбление, вербальную агрессию. Другие ситуации взаимодействия в быту, на работе не воспринимаются как значимые, оцениваются как обычные взаимоотношения в процессе общения и совместной деятельности. С другой стороны, крымские татары самоустраняются из процессов социального взаимодействия со славянами и не готовы вспоминать (т. е. не имеют моделей) о случаях общения в быту.

В общем, крымские татары ощущают напряженность, негативное отношение к себе представителей славянского населения Крыма, проявляющееся в ситуациях тесного социального контакта с незнакомыми людьми (транспорт, рынок). Славянам приписывается комплекс враждебности. Если учесть тесное внутригрупповое общение крымских татар, можно сделать вывод о формировании типичного сценария и обобщенной установки к славянам, носящих характер дистанцирования и восприятия себя как обиженных, гонимых и отвергаемых. Дальнейших анализ рассказов славян покажет неадекватность такой установки.

Рассказы славян

Примечание: Для целей анализа предубеждений было выбрано большинство негативных рассказов. В общем, соотношение рассказов, в которых отражены положительные и отрицательные отношения равно 3 к 7 соответственно.

Рассказ 1. Ж.,45 лет, сред.

"Да ничего и не вспомню, ну работаем вместе, разговариваем. Ну, жалуются они вечно, что приехали. А! Ну, вот недавно Соня приходила. Слезами заливается. А я говорю: "Так чего же вы приехали, и оставались бы там: квартира, работа, деньги; это молодые еще ладно, пусть едут, а вы что?"…

-А на что жаловалась Соня?

Что люди тут плохие, что денег нет, что никогда на огороде не работала, а тут приходится… Да вообще, сидели бы там. Так плохо стало с ними: воровство появилось, разрушают тут все, бараны их все сады съели, яблокам дозреть не дают – зеленые выносят… Целый переворот тут свершили. Без них лучше жили".

Рассказ 2. Ж., 63 года, ср. -тех.

Соседка моя, пока я работала, постоянно бегала ко мне, просила выписать то или это. И всегда в обеденный перерыв, я однажды даже отчитала ее за это. Мне же надо домой прибежать, много сделать дел, а она придет, и я трачу на нее минут двадцать. А потом, как ушла на пенсию, не нужна стала, даже не здоровается сейчас, как будто меня нет. Ну, наверное, все люди так – пока нужна для чего-то – уважают, а нет, так и не замечают.

Или вот мальчишки-то их. Тут вот морковное поле было, они ходили туда морковку таскали. Так их с одного конца выгонят, они обойдут и с другого края зайдут – ничего не боятся. Нашему-то скажи – нельзя, он и уйдет, разве станет добиваться, с другого конца лезть? Да что можно про них сказать… Они просто ограниченные люди, вот и все".

Рассказ 3. Ж.,30 лет, сред-техн.

"Я вообще не провожу черты между нациями. У меня такого нет. Вот даже ученики у меня есть, родители приходят на собрание, так я не общаюсь с ними как-то иначе. Но что у них есть, так это навязчивое уважение. В душе, они, может, тебя и ненавидят, но раз ты учительница, они будут тебя уважать. Если ты учишь их ребенка, к тебе обязательно особое отношение".

Рассказ 4. Ж.,19 лет, сред. -техн.

"Летом, когда мы с мужем были на море, он продавал фрукты, а я беременная была. И рядом с нами были татары – целая семья. Тоже торговали. У них там много всего было – спиртные напитки, воды, мороженное. Они жили в палатке, где-то 2 месяца, сами бахчисарайские. И меня поразило их гостеприимство. Они всегда делились, когда у них был арбуз или там…воду открывали – всегда нас звали почему-то. Вот…

Больше ничего не могу вспомнить. А вообще мы к татарам привыкли, такое уже обыденное все стало".

Сцена:

Время: обычное

Место:

- Взаимоотношения с соседями – 30%
- Работа, учеба – 20%
- Улица, транспорт – 25%
- Рынок, магазины – 10%
- Семья, друзья – 15%

Социальный контекст: обычно связан с бытом или работой.

Событие:
Участники:
ОНИ:

- Жалуются- 10%
- Воруют – 30%
- Разрушают – 15%
- Хитрят- 20%
- Пристают – 10%
- Неискренние- 20%
- Ограниченные – 10%
- Грубые – 10%
- Жестокие – 20%
- Понимающие – 10%
- Гостеприимные – 20%

МЫ: жертвы, хорошие, справедливые, страдающие.
Акт взаимодействия:

- Обман 20%
- Приставание – 10%
- Грубое обращение, жестокость – 25%
- Покушение на чужое имущество, кражи – 15%
- Помощь – 10%
- Дружба – 20%

Последствия: нежелание общаться, изменение оценок и установок.

Виды социальных воздействий:

Соц. Воздействия	Славяне	Крымские татары
Солидарность	*20%*	*20%*
Ослабление напряжения	*5%*	-
Одобрение	*10%*	-
Предложение	-	*15%*
Мнение	*10%*	-
Информация	-	*5%*
Просьба об информации	-	*10%*
Просьба о мнении	-	*5%*
Просьба об обращении	-	-
Отклонение	*30%*	*5%*
Напряженность	*15%*	*50%*
Антагонизм	*35%*	*35%*

Виды эмоций

Эмоции	Славяне	Крымские татары
Интерес	*15%*	*5%*
Радость	*10%*	-
Удивление	*15%*	-
Горе	*5%*	*5%*
Гнев	*25%*	*15%*

Отвращение	*10%*	-
Презрение	*40%*	-
Страх	*10%*	-
Стыд	-	-
Вина	-	-

В общем, рассказы славян касаются множества ситуаций, связанных с повседневным общением с крымскими татарами. Славян раздражают такие акты поведения татар, как обманы, воровство, грубость. Однако в некоторых рассказах встречается оправдательное предположение типа "наверное, все люди такие" и "среди наших тоже такое встречается", однако крымских татар более предвзято обвиняют в подобном поведении. Часто на татар перекладывается вина за сложное экономическое положение. Возвращение крымских татар совпало с понижением уровня жизни в связи со становлением новых экономических отношений. Многие рассказы носят обобщающий характер, где примеры взаимодействия приводятся как подтверждения или иллюстрация к высказанному негативному мнению.

Встречаются рассказы о положительных актах взаимодействия, где крымские татары описаны как добрые, сердечные, готовые на помощь люди.

При сравнении рассказов крымских татар и славян можно сделать следующие выводы:

1. Рассказы крымских татар более однотипны и касаются практически только ситуаций взаимодействия с незнакомыми людьми в общественных местах. Рассказы славян более разнообразны и связанны с ситуациями повседневного общения с соседями, в быту и на работе.
2. Все рассказы крымских татар носят негативный характер, когда как в 30% рассказов славян татары оцениваются положительно.
3. Крымские татары болезненно оценивают ситуации оскорбления в общественных местах и спокойно относятся к бытовым неурядицам (они практически не встречаются в рассказах). Славяне остро реагируют на негативные акты взаимодействия в бытовых условиях.
4. Рассказы крымских татар касаются только случаев личного взаимодействия; в рассказах славян в качестве действующего лица в 25% случаев выступает родственник или знакомый.
5. В рассказах крымских татар практически не встречается обобщений (несколько случаев носит эмоциональный характер: "я всегда злюсь…", "меня злит, когда…"). В рассказах славян обобщения встречаются довольно часто: в 45 % случаев встречаются высказывания типа: "все татары…", "я теперь всех татар…" и т. д.
6. Для сравнения социальных действий, описанных в рассказах, приведем сводную таблицу:

Социальные	В рассказах	Славян	В рассказах	кр. татар
действия	славяне	кр. татары	славяне	кр. татары
Солидарность	*20%*	*20%*	-	*Со своим народом*
Ослабление напряжения	*5%*	-	-	-
Одобрение	*10%*	-	-	-
Предложение	-	*15%*	-	-
Мнение	*10%*	-	*70%*	*15%*
Информация	-	*5%*	*10%*	*15%*
Просьба об информации	-	*10%*	-	-
Просьба о мнении	-	*5%*	-	-
Просьба об обращении	-	-	-	-
Отклонение	*30%*	*5%*	*20%*	*30%*
Напряженность	*15%*	*50%*	*55%*	*60%*
Антагонизм	*35%*	*35%*	*60%*	*45%*

В рассказах крымских татар в основном используются социальные действия, связанные с отрицательными эмоциональными состояниями: отклонение, напряженность, антагонизм. В отличие от славян, крымские татары не называли положительных эмоционально – окрашенных действий. Причем, крымские татары описывают себя более негативно настроенными, чем их видят славяне. Поведение славян оценивается крымскими татарами как более агрессивное и антагонистическое, по сравнению с самооценкой славян. Вообще, ситуация взаимоотношений оценивается крымскими татарами как более наряженная, а славяне – как носители негативных мнений и информации. Отношение славян к крымским татарам более полимодально, они проявляют и ожидают от татар не только отрицательные, но и положительные действия. В ситуациях, описываемых славянами, крымские татары нередко выступают как инициаторы взаимодействия, обращающиеся с просьбами, предложениями и т. д., однако эти действия, по мнению славян, носят негативный характер. Крымские татары ни в одном из рассказов не описывают себя как инициаторов, приписывая ответственность за конфликт славянам.

1. Для сравнения эмоциональных проявлений также приведем сводную таблицу.

Виды эмоций	По рассказам славян		По рассказам Крымских. татар	
	славяне	кр. татары	Славяне	Кр. татары
Интерес	*15%*	*5%*	-	-
Радость	*10%*	-	-	-
Удивление	*15%*	-	*5%*	*5%*
Горе	*5%*	*5%*	-	*15%*
Гнев	*25%*	*15%*	*35%*	*65%*
Отвращение	*10%*	-	*25%*	-
Презрение	*40%*	-	*20%*	*5%*
Страх	*10%*	-	*5%*	-
Стыд	-	-	-	-
Вина	-	-	-	-
Зависть			*15%*	

Славяне, в отличие от крымских татар, в своих рассказах и в рассказах представителей другой стороны выступают как очень эмоциональные, проявляющие разнообразные эмоции. Но крымские татары приписывают славянам только негативные эмоции, с преобладанием гнева и отвращения. Славяне описывают свои эмоции как более разнообразные, они испытывают по отношению к крымским татарам интерес, радость, приятное удивление. Крымские татары чаще всего отмечают такое свое эмоциональное состояние как гнев. Славяне в своих рассказах практически не уделяют внимания эмоциям крымских татар, однако, как и сами татары, среди эмоций наиболее выделяют гнев. Отсутствие интереса к эмоциональным состояниям другой стороны часто является причиной затяжной напряженности.

1. В общем, крымские татары воспринимают себя и славян как абсолютно чужие, различающиеся группы с минимальным взаимодействием. Славяне относятся к крымским татарам, как к соседям по социуму, причем это отношение является полимодальным с некоторым оттенком негативизма.

Примечания:

1. Т. А. ван Дейк Когнитивные модели этнических ситуаций. В кн.: Т. А. ван Дейк Язык. Познание. Коммуникация.– М., 1989, с. 164
2. Там же, с. 177

3. Duncan B. L. Differential social perception and attribution of intergroup violence: Testing the lower limits of stereotyping of blacks. "Journal of Personality and Social Psychology", 34, 1976, p. 560-598
4. Т. А. ван Дейк Предубеждение в дискурсе. Рассказы об этнических меньшинствах. В кн.: Язык. Познание. Коммуникация.– М.,1989, с. 192
5. Т. А. ван Дейк Когнитивные и речевые стратегии выражения этнических предубеждений. В кн.: Язык. Познание. Коммуникация.– М.,1989, с. 272
6. Forgas J. P. Social Episodes.– London, 1981
7. Jeorge A. Trends in Content – analysis. In: Cognitive maps of political elite.– N. Y., 1976, p. 7-22
8. Axelrod R. Argumentation in Foreing Policy Setting. In: The Negotiation Process N. Y., 1983, p. 67-89
9. Луков В. Б., Сергеев В. М. Опыт построения индикаторов конфликта и сотрудничества в международных отношениях. В кн.: Аналитические методы и методики в исследовании международных отношений. Под ред. И. Г. Тюлина.– М.,1982, с. 74-84
10. Argyle M., Furnham A., Graham J. A. Social Situations. -London, 1981
11. Barker R. G. Ecological Psychology.– Stanford, 1968
12. Goffman E. Interaction Ritual.– N. Y., 1967.
13. Скотт Дж. Конфликты и пути их преодоления.– Киев, 1991
14. Heider F. The Psychology of International Ralation. N. Y., 1958
15. Labov W. The Transformation of Experience in Narrative syntax. In: Labov W. Language in the Inner City. Philadelphia, 1972, p. 354-396.
16. Т. А. ван Дейк Язык. Познание. Коммуникация.– М.,1989
17. Т. А. ван Дейк Предубеждение в дискурсе. Рассказы об этнических меньшинствах. В: Язык. Познание. Коммуникация. М.,1989,с. 204.
18. Изард К. "Эмоции человека".– М.,1980

Исследования выполнены в рамках конкурса Индивидуальных Исследовательских Проектов Программы по Глобальной Безопасности и Устойчивому Развитию Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ

Л. С. Бекирова, ассистент кафедры философии СГУ

На рубеже двух тысячелетий современный мир оказался в трагической ситуации, которую многие западные и отечественные философы называют "антропологической катастрофой". Эта катастрофа, связанная с кризисом личности, разрушением многовековых духовных ориентаций, засилием "массовой культуры" (которую обоснованно можно назвать "массовой халтурой") – оказывается при анализе куда более глубинной и трагичной, чем те экологические катаклизмы, видениями которых ошеломило мир движение "зеленых" в шестидесятые годы. Более того, становится очевидным, что ситуация с окружающей природой – лишь симптомы болезни, в конечном итоге способной завершиться не только деструкцией природы, окружающей человечество, но и экспоненционально возрастающей по интенсивности деструкцией самого человека как уникального биологического вида.

Размышляя об этом, академик С. Б. Крымский пишет: "Нарушение равновесия между природой и развитием общества, разрыв между социально значимым и социально сущим, трансформация бытия из высшего дара в средство, в технический мир инструментальной активности – предельно драматизировали проблему места человека в Универсуме, его способности быть причиной изменений в предметном мире ...

...Под ударами тоталитаризма оказались в XX веке не только человеческая жизнь, но и смерть. Последняя была выведена за пределы смысла, ценностного испытания и превращена в орудие геноцида, массового террора, стихию обезличенного уничтожения ойкумены жизни и культуры" [1, с. 23].

Человек готов покаяться перед природой за невольно и необдуманно сотворенные зло, но природа не реагирует на покаяния. Остается прибегнуть к разуму – инструменту, который хотя и является одним из поводырей, не раз приводивших человечество к тупику, но и одновременно – мощнейшим (наряду с духовностью и аксиологической ориентацией) – полководцем, способным из этого тупика вывести.

Вопросы, которые стали актуальными для человечества перед реальной возможностью "антропологической катастрофы" можно сгруппировать вокруг двух стержневых проблем:

- почему это произошло?
- почему это не произошло раньше?

На мой взгляд, особенно интересен второй вопрос. Со времен изгнания Адама и Евы из рая люди оказывались в ситуации, когда казалось, что все потеряно. Мифологические и реальные потопы, мировые эпидемии (вспомним хотя бы чуму в Европе 14 века, когда умер каждый третий житель), бесконечные войны... Но что-то уберегло в прошлом человечество от последнего шага. Какой инструмент сохранения позитивного начала, противостояния деструктивным процессам действовал прежде и перестает действовать сейчас?

Не претендуя на полноту ответа на этот чрезвычайно серьезный и требующий специального исследования вопрос, я бы хотела обратить внимание на одну из непременных граней человеческого общежития в прошлом – на традиции.

История цивилизации свидетельствует в пользу устойчивых архетипов бытия, которые закрепляются волей и усилием наиболее разумной части рода, нации, народа и непременно содержат в сердцевине некую духовную эстафету, нравственные принципы и общечеловеческую (т. е. видовую!) мудрость.

Роль традиций в жизни современного (начиная с XVIII века) общества сводится "на нет". В итоге не только прерывается естественная связь поколений, но и становится произвольным (зависящим от очень богатых людей, средств массовой информации и т. п.) выбор той информации, тех сведений и знаний, которые передаются следующей популяции. В результате возрастает вероятность того, что биологи назвали бы "воспроизведением наследственного

генетического порока": человек, воспитанный на псевдоценностях и псевдокультуре и получивший, в силу тех или иных случайных обстоятельств, доступ на СМИ – дублирует себя во вкусах молодых фанатов, своих духовных наследников.

Между, тем традиции на протяжении длительного исторического времени – это не только способ передачи, но и проверки жизненно важной информации, фильтрации ее от всего случайного, поверхностного, сиюминутного или вредного.

Национальные традиции оказываются, по моему убеждению, просто необходимыми именно в эпоху ускорения научно-технического прогресса и темпа жизни вообще. Приходится согласиться, что "... часто современные контексты прочтения постулатов ментальности актуализируют старые истинные образы, делают их более адекватными современной истории" [1, с. 23].

– Но ведь традиция традиции рознь, – воскликнет искушенный читатель, – например, на островах Новой Гвинеи до сих пор кое-где сохраняется традиция каннибализма, причем корнями она уходит в глубину столетий.

Да, действительно, целый ряд традиций, служа укреплению мощи или агрессивности данного сообщества, отнюдь не служили во благо другим сообществам, и тем более не содержали в своей сердцевине некую "общечеловеческую значимость". Кстати, очень многие из них либо уже исчезли, либо исчезают постепенно. Больше того, нередко можно столкнуться (и в литературе, и в общественной жизни) с мнением, что обряды, ритуальное поведение, строгие общинные правила – характерная черта неразвитых, первобытных социальных объединений. Я же убеждена, что, рассуждая так, мы "вместе с водой выплескиваем из ванночки и ребенка" и в XXI веке роль тех традиций, которые имеют духовное, гуманистическое содержание, либо заново откроют, либо возродят. А то, что можно назвать "традиционным образом жизни", заявило о своем значении уже сегодня.

Так, во второй половине XX века Япония, Сингапур, Южная Корея и некоторые другие страны пережили резкий скачок в развитии экономики и промышленности, получивший название "экономического чуда".

Многочисленные исследователи различных сторон "экономического чуда" говорят о личности руководителя, о тирании и демократии, трудолюбии или активности, но все это, видимо, частности. Представляется, что главный стержень "экономического чуда", его внутренний двигатель – соединение достижений современной науки и патриархальных нравственных установок, образа жизни, связанного с сохранением лучших человеческих качеств, т. е. всего того, что принято называть народными традициями.

Парадоксально, но, тем не менее, факт, что "экономическое чудо" прежде всего переживают страны, где обыденные взаимоотношения людей носят устойчивый характер.

Оказывается, в XX веке экономический скачок к технократическому обществу легче совершить – в определенном интервале рассмотрения – из патриархального, по существу феодального комплекса социальных отношений.

Марксизм утверждал, исходя из теории общественно-экономической формации, что "скачок" через ступеньку невозможен или, по крайней мере, чрезвычайно сложен.

Но, как же тогда объяснить, что за два десятилетия Южная Корея, например (а не какая-либо экономически мощная страна) трансформирует свое хозяйство в современное высокоразвитое, индустриальное, технологически емкое производство (при том, что еще в середине нашего столетия это была аграрная страна с крайне примитивной системой земледелия).

Возникает соблазн понять данную ситуацию, пользуясь идеей Л. Гумилева о пассионарном взрыве: дело в том, что народ, на протяжении тысячелетий копивший свою жизненную энергию, оказался способен, при необходимости, реализовать ее в технократическом скачке.

Но тогда естественен вопрос: почему же не происходит подобное в странах "черной Африки"?

В поисках объяснения истоков "чуда" остановимся более подробно на истории скачка в экономике Южной Кореи.

В 1960 году валовой национальный доход на душу населения здесь составлял 81 доллар США, в то время как в СССР – 800, а в США 2000 долларов [2].

Но вот происходит то, что склонные к образному мышлению корейцы называют "пробуждением дракона".

В 1991 году Южная Корея стала третьим, после Японии и Тайваня, поставщиком продукции электроники в США. Валовой доход на душу населения составил уже около 5000 долларов США.

Аграрное традиционное общество превращается в городское индустриальное за считанные десятилетия, в отличие от Европы, где процесс растянулся на века. При этом, как отмечает А. Ланьков, вестернизация и стремительное экономическое развитие последних десятилетий не изменило сознание корейского горожанина, его системы ценностей и представлений о мире.

Следовательно, никакого радикального изменения в менталитете народа, в его мироощущении, осознании своего исторического предназначения, всего того, что Л. Гумилев связывает со "скачком пассионарности", не произошло. Народ, за два десятилетия перешедший от феодального производства к суперсовременному, в своей сути, в своей самости остался прежним. Где же искать иной вариант ответа? [3].

Этот вариант очень популярен: причина "экономического чуда" в конфуцианстве.

Действительно, страны, совершившие резкие изменения в своей экономике в последние десятилетия или осуществляющие его сейчас – Китай, Япония, Южная Корея, Сингапур, Гонконг, Южный Вьетнам – все эти страны конфуцианской ориентации.

Конфуцианство, как этическое направление, выстраивает достаточно непривычную для европейцев систему жизненных ценностей, отдавая предпочтение социальному признанию, почету, а не материальным благам; интеллигентности как важнейшей характеристики личности.

Для конфуцианского сознания характерен культ высшего образования, а наличие университетского диплома является, практически, необходимым условием карьеры мужчин и удачного брака для женщин.

Идеалом конфуцианства была и остается меритократия – "власть лучших". Проявлением этого идеала является экзаменационная система (просуществовавшая в Корее около тысячелетия, а в Китае вдвое дольше). Каждый может сделать карьеру, пройдя благополучно на пути к ней множество экзаменационных испытаний.

В старину в честь тех, кому удавалось удачно сдать экзамены, на их родине устанавливались стелы. Теперь по окончании экзаменов вывешиваются огромные плакаты с именами успешно их сдавших.

Еще одной чертой конфуцианского мировосприятия является престиж труда, культ трудолюбия. И сегодня в Южной Корее самая продолжительная в мире рабочая неделя – 54,4 часа в среднем. На большинстве предприятий в Сеуле 11 часовой рабочий день при двух выходных в месяц.

И, наконец, конфуцианство поддерживает устойчивость социальной структуры, представление о том, что семья, общество, государство образуют строго иерархизированную пирамиду, в которой практически не может быть двух равных по своему социальному статусу индивидов. Отсюда обязательное уважение к старшим, вышестоящим по должности и руководителям.

Совместимость вышеуказанных конфуцианских установок с требованиями современной НТР очевидна.

Значит, секрет "экономического чуда" разгадан? Конфуцианская этика, оказывается, необходима для быстрого прогресса конца XX века?

Но вот что пишет Макс Вебер о совершенно другом религиозном направлении. В известнейшей работе "Протестантская этика и дух капитализма", изданной в Германии 1905 году, он отмечает, что один из конституционных компонентов современного капиталистического духа, и не только его, но и всей современной культуры, – рациональное жизненное поведение на основе идеи профессионального призвания – возникло из духа христианской аскезы. Религиозная аксеза

представляла в распоряжение буржуазного предпринимателя "... трезвых, добросовестных, чрезвычайно трудолюбивых рабочих, рассматривающих свою деятельность как угодную Богу цель жизни" [4, с. 202].

Вспомним, что речь идет о периоде бурного становления капитализма в Германии и некоторых других европейских странах в XVII-XVIII в. в. Техника и экономические отношения в них развивались столь стремительно, что вполне можно было бы и эти процессы назвать тоже своеобразным "чудом". Но, по мере развития капитализма, по мнению Вебера, мирские блага все сильнее подчиняют себе людей и завоевывают, наконец, такую власть, которой не знала вся предшествующая история человечества. В результате протестантская опора капитализма исчезает, вместе с ней уходят в прошлое и розовые мечты эпохи Просвещения, этой смеющейся наследницы аскезы. И лишь представление о "профессиональном долге" бродит по миру, как признак прежних религиозных идей. Стремление к наживе, лишенное своего религиозного подтекста, принимает характер безудержной страсти, порой близкой к спортивной. В результате наступил век механического окостенения "преисполненный судорожных попыток людей поверить в свою значимость" [4, с. 207].

Итак, в Европе утверждение капитализма носит прогрессивный характер до тех пор, пока подпитывается протестантской этикой, протестантским мировоззрением, сыгравшим здесь роль, сходную с той, которую выполняет конфуцианство в Южной Корее, Сингапуре и других странах во второй половине XX века. Напрашивается заманчивый обобщающий вывод: "экономическое чудо" происходит там и тогда, где и когда капиталистические экономические отношения соединяются с господствующей в обществе определенной религиозной моралью. Но ведь в одном случае речь идет о конфуцианской, а в другом – о протестантской этике.

При углубленном рассмотрении проблемы выясняется, что конфуцианство и протестантство, как религиозные этические системы, представляют народы, сохранившие свою национальную самобытность, не растратившие своей духовности.

В процессе становления и распространения религиозная идея, приспосабливающаяся к национальным условиям и особенностям, ассимилирует многие черты быта, традиций, культуры этносов, ее принявших. Поэтому в сознании некоторой части людей не всегда национальное сознание, национальные традиции четко отделяются от религиозных верований и обрядов.

Параллельно в обществе появляются традиции свободомыслия, критического отношения к религиозной догме и культу.

XX век, как известно, очень остро поставил вопрос о том, "кто мы и куда мы идем... ". Этот вопрос осмысливается в различных плоскостях: экология окружающей среды, сущность человека и т. д. Ключевой проблемой в этом огромном круге вопросов, на мой взгляд, является проблема духовности. Перед философией встает задача поиска таких элементов культуры, которые смогут способствовать сохранению духовного начала социума. Необходимо осознать, что наряду с религией носителями духовности выступают и традиции.

Традиции представляют собой некий механизм, аккумулирующий и трансформирующий столетиями отшлифованный опыт народа, который является их носителем. Национальные традиции, вплетенные в общественную жизнь, нередко оказываются более стойкими носителями высшего, духовного начала, чем зафиксированные в религиозных установках идеи и принципы.

Поэтому религия, в какой-то мере, выполняет вторичную роль по отношению к ранее существовавшим социальным институтам такого же плана.

Традиции выступают важнейшим элементом духовности, определенным материализованным в поведении элементом национального самосознания.

Исторический опыт выживания, например, крымских татар, который я сама имела возможность наблюдать, показывает, что благодаря внедренным в повседневность устойчивым правилам общественного поведения, устойчивой иерархии жизненных ценностей народ сохранил свою национальную культуру, национальное самосознание, не растворился в иной культуре и

ином социуме. Соблюдение национальных традиций помогает сохранить национальное достоинство, а, следовательно, и личное достоинство человека как представителя нации.

Личность, в свою очередь, не может противиться в одиночку социальному прессингу, выжимающему из него остатки индивидуальной неповторимости, автономности. Выжить, сохранив свой гуманистический потенциал, может только национальное общество. В нем духовное начало защищается целым рядом наработанных веками традиций, обрядов, правил, которые на протяжении многих веков позволили народу сохранить себя в чужеродной среде, противостоять размыванию национального своеобразия, ассимиляции и уничтожению.

Именно традиции, идущие из сокровенных исторических глубин национального самосознания, оказываются фундаментальным капиталом народа, успешно овладевающего современной стадией научно-технического прогресса. Этические нормы, заложенные в них (честность, самоконтроль, дисциплинированность, уважение к старшим, трудолюбие, стремление к овладению новым знанием, осуждением индивидуализма и т. д.), были призваны обеспечить этносу выживание в сложных условиях, устоять перед размывающими фундамент национального самоуважения влияниями и тенденциями. Сегодня, в конце XX века, сложная компьютерная техника, многотысячные трудовые коллективы, необходимость постоянного обновления навыков в условиях экспоненциального роста знаний потребовали тех же качеств.

Община, группа, народность, которой удалось сберечь свои национальные традиции, сохраняет те исходные, гуманистические, гомеостазисные природные корни, подлинная роль и ценность которых начинает осознаваться лишь сейчас, на стадии биологического и антропологического кризиса.

Дело в том, что большинство национальных традиций как раз несет в своей сердцевине (вне зависимости от разнообразной фольклорной окраски) идею гармонии с природой и гармоничные (рассчитанные даже на отдаленные последствия) отношения людей друг с другом внутри указанной социальной общности.

Например, взглянем, с этой точки зрения на давнюю традицию крымских татар поддерживать теплые отношения даже с отдаленными родственниками.

Известно, что в некоторых скандинавских племенах было правилом помнить свою родословную в седьмом, десятом колене и даже в более глубоких корнях.

Крымские татары отслеживают своих родственников не столько по временной вертикали, а, так сказать, по горизонтали. На свадьбы, дни рождения, похороны обязательно приглашаются до ста и более близких людей. С ними же поддерживаются и периодические дружеские контакты.

В результате образуется общность, которую разумно назвать "большой семьей" (в отличие от "малой семьи", где, кстати, у крымских татар бывает до 30-40 человек). Большая же семья – это может быть 300 и более дальних родственников.

Существование большой семьи играет буквально роль спасательного круга, как в случаях чрезвычайных ситуаций, так и в ряде затруднительных положений, которые нередки в обычной жизни.

Типичным для крымских татар является пример из послевоенных лет, когда вернувшийся с войны герой-солдат разыскивает всех своих родственников, которых разбросала судьба, и становится надеждой и опорой для племянников-сирот и сестры-вдовы.

Большая семья, таким образом, играет несколько социальных ролей:

1) роль "референтной группы" для молодых людей и подростков;

Общеизвестно, что в 13-14 лет молодые люди переживают возрастной кризис, когда мать и отец перестают быть авторитетами. Детям кажется, что они уже умные и опытные. Отец и мать безнадежно отстали и т. д. Малая семья перестает играть роль референтной группы и в поисках их замены подросток ищет авторитеты среди ровесников. Нередко это приводит к трагическим последствиям.

2) роль "вече" или "мушавере" в поворотных моментах жизни;

Когда нужно решить, достойна ли молодая девушка войти женой в семью, стоит ли переселяться в другую местность, как реагировать на нанесенную кровную обиду, "большая семья" играет роль коллективного разума. Чаще всего решающее слово принадлежит умудренным жизненным опытом людям.

В результате, во-первых, человек не оказывается один на один со своими проблемами.

А, во-вторых, в результате обсуждения, т. е. мушавере, находится, как правило, самое разумное решение.

Некоторые другие функции "большой семьи" я только перечислю:

- материальная поддержка, играющая существенную роль для молодых семей, не имеющих богатых родителей;
- нравственная поддержка в нередко трагических обстоятельствах;
- воспитание детей, оставшихся без родителей;
- поддержка престарелых, а в результате – отсутствие "бездомной старости, брошенных стариков" и т. д.

Уже указанное позволяет сделать вывод о том, что "традиция большой семьи", во-первых, заслуживает сохранения там, где она существовала, а, во-вторых, социологам и психологам стоит подумать, как возродить эту традицию там, где она разрушена.

Второй пример традиции крымских татар, имеющий также общечеловеческий смысл, является традиция добрососедства.

В нашей культуре отношениям с соседями придается очень большое значение. "Не покупай дом, а покупай соседа" – говорят старики. Кстати, не только крымские татары, но и многие национальные сообщества придерживаются этого мнения.

Традиция добрососедства, т. е. добрых, надежных и бережных отношений с живущими рядом людьми, своими корнями уходит в глубину веков. Доброжелательные отношения обеспечивали народам, живущим на территории Крыма, мирное сосуществование.

Крымские татары принадлежат к тем народам, которые и сегодня бережно относятся к традиции добрососедства, хотя имеются уже случаи нарушения нормы. В этом случае приходится либо приносить свои извинения, либо менять место жительства, т. к. семья, нарушившая правила общежития, оказывается изолированной. Ей отказывают в общении и поддержке.

Необходимо отметить, что добрососедские отношения выходят за рамки данного этноса. Где бы ни пришлось жить крымскому татарину, в Средней Азии или же на новых самостроях Крыма, везде, по обычаю предков, он старается, как правило, установить отношения, в основе которых лежат добрые чувства, обеспечивающие мирное сосуществование с соседями, независимо от того, какую нацию они представляют.

Традиция добрососедства, являясь важным социальным механизмом, поддерживающим целостность народа, выполняет также другие важные функции:

- регуляция отношений живущих рядом людей;
- взаимопомощь и взаимовыручка;
- воспитание доброжелательности и общительности у детей, включенных в повседневную систему отношений с другими людьми.

Обратим внимание, что "традиция добрососедства" продолжает и развивает идею "большой семьи", но уже преодолевая и родовые, и национальные барьеры.

Еще об одном. Издревле в местах компактного проживания крымских татар функционировал социальный институт – джемаатчылыкъ (общественный совет). Среди соседей выбираются несколько уважаемых людей, которые отличаются своей высокой нравственностью и эрудицией. Они приглашаются для разрешения возможных конфликтов (ссора между соседями, избиение жены, поступок сына, не соответствующий правилам общежития, и т. д.). "Джемаат" выносит свое решение путем мушавере (согласования), и нарушитель нормы обязан его выполнить во что бы то ни стало.

Например, совсем недавно у уважаемого всеми человека сын с компанией совершил плохой поступок. Можно было его наказать дома, или даже вызвать милиционера. Но отец поступил по-другому. Он обратился к джемаату, и те решили так: семнадцатилетних мальчишек поставили к столбу в центре поселка, и в течение целого дня все жители видели и обсуждали их. Я уверена, что такое наказание окажет воздействие на молодых людей гораздо более глубокое, чем порка или даже тюрьма.

Влияние уважаемых, почтенных людей на социальную жизнь группы вообще специально поддерживается традиционным обществом. Не случайно И. Гаспринский [5, 33] пишет: "Было время, когда отношения человеческих индивидуумов не знало иного регулятора, кроме грубой силы, но ныне, слава Богу, немалую роль в этом отношении играют правда и совесть. Мы надеемся на таковой же прогресс в области государственной, общественной жизни, когда так сказать, общественная совесть подымается до уровня развития отдельных индивидуумов" (подч. мной- Л. Б.)

К сожалению, надежды Гаспринского пока не сбылись. Безукоризненные в духовном и нравственном отношении люди и поныне редко определяют социальную атмосферу государства. А средства массовой информации (теле, радио, аудио и пр.) все больше размывают представления о человеческом идеале, образце для подражания, утверждая в качестве героев разбойников, убийц, воров и проституток.

Традиции, о которых мы говорили, тоже не везде соблюдаются сегодня. Этому, конечно, есть объяснение: "... прервалась связь времен".

Значит, современный человек обречен на разрыв с прежними традициями, в том числе и национальными? Многие социологи говорят о размывании границ как государственных, так и родовых, о "человеке Земли" как будущем жителе XXI века. Возражая им, Г. Гачев пишет: "Современный человек более национально своеобразен, чем его предок" [6, с. 49], он является живым носителем идей, интересов и ценностей нации.

Данная точка зрения мне представляется значительно более глубокой и перспективной, чем предшествующая.

Гуманизм и естественную природу человека нельзя сберечь, не сохраняя его историческую память. Учитывая и изучая основополагающие национальные традиции, мы лучше понимаем не только прошлое, но и настоящее и будущее. Управление современным научно-техническим прогрессом требует такой дистанции между мастером и его творением, которое делает невозможным подчинение личности вещью.

Сегодняшняя ситуация, между тем, напоминает описанные Фрэзером древнеримские Сатурнали [7], когда господа менялись местами со своими рабами и прислуживали им за столом.

Молох индустриализации не способен поглотить человека тогда, когда он связан прочной духовной нитью со своим народом, со всем человеческим сообществом и, согласно глубинной сущности фундаментальных традиционных представлений, со всем живым на Земле.

Примечания:

1. Крымский С. Б. Контуры духовности: новые контексты идентификации // Вопросы философии.– 1992.– № 12.– С. 21 – 28.
2. Ким Ю. Южная Корея: чудо без чудес // Звезда Востока.– 1990.– № 10.– С. 39 – 43.
3. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли.– М.: Гидрометиздат, 1990.– 221 с.
4. Вебер М. Избранные произведения.– М.: Прогресс, 1990.– 586 с.
5. Гаспринский И. Из наследия.– Симферополь: Таврия, 1991.– 64 с.
6. Гачев Г. Национальные образы мира.– М., 1988.
7. Фрэзер Д. Золотая ветвь.– М.: Из-во полит. лит-ры, 1986.

ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КРЫМСКИХ ТАТАР В 1994-98 ГГ. (ПОЛИТИКО-РЕГИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА). ИСТОРИЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ

Е. А. Хан, аспирант СГУ

Первого марта 1988 года ЦК Компартии Украины принял постановление "О приеме семей из числа крымских татар", а 14 и 28 ноября 1989 года Верховный Совет СССР принял декларацию "О признании незаконными репрессионных актов ... " и постановление "... по проблеме советских немцев и крымскотатарского народа". Эти решения были судьбоносными для крымских татар, которые получили реальную возможность вернуться в Крым, имея за плечами авторитет государства и широкую материальную поддержку.

К 1987 г. на территории полуострова уже проживало около 40 тыс. крымских татар, до 1991 г. приехали еще примерно 100 тыс. чел. После распада СССР в 1991 г. количество въезжающих неуклонно снижалось: в 1992 году – 28 тыс. чел., в 1993 – 19 тыс., в 1994 – 11 тыс. чел. И хотя в 1995-м на полуостров еще прибыли около 9 тыс. крымских татар, общий миграционный прирост населения Крыма, первый раз за многие годы, стал отрицательной величиной.

Если в конце 80-х возвращение крымских татар в Крым еще было стихийным процессом, то с начала 90-х годов оно становилось все более организованным. Регуляцию процесса взял на себя Меджлис, избранный на первом Курултае крымскотатарского народа в 1991 г. Заинтересованный в максимально возможной численности своих соотечественников на полуострове, он приложил немало усилий для того, чтобы крымские татары продолжали приезжать сюда и после развала СССР. И цель – переселение как минимум двухсот тысяч крымских татар на историческую родину – была достигнута.

География расселения

Распад СССР не позволил в полной мере воплотить в жизнь программу расселения крымских татар. Но поскольку они предпочитали селиться компактно, то заложенные в 1989-1991 годах территориальные параметры расселения во многом определили его современное состояние.

Существовало три серьезных проекта размешения крымскотатарского населения: Московского центра независимой экспертизы, украинской Академии наук и проекта, составленного по предложениям крымских горрайисполкомов. Московская программа предусматривала расселение 320 тыс. чел., киевская – 350 тыс., крымская – 200 тыс. чел. Московские аналитики предлагали активное расселение крымских татар по городам полуострова, специалисты Академии наук размещали основное население в сельской местности. Крымская программа была ближе к украинскому проекту, который и был избран в качестве практического руководства для организованного расселения возвращающихся депортированных граждан.

В результате, в 1994 г. численность избирателей крымских татар, проживающих в городах, была невелика: от менее чем 1 тыс. чел. в Красноперекопске, Саках, Ялте, Керчи до 9 тыс. в Симферополе. Доля крымских татар в избирательном корпусе городов практически повсеместно (за исключением Судакского горсовета) составляла менее 5%. И, соответственно, возможности крымскотатарского электората влиять на результаты выборов в городах, были крайне малы.

Несравненно больше они были в административных районах полуострова. Здесь доля крымскотатарского электората везде превышала 10%. В том числе в Первомайском, Джанкойском, Советском и Бахчисарайском районах она колебалась на уровне 15 – 20%, а в Белогорском и Кировском – 20 – 25%. Всего в административных районах проживали 81% крымскотатарских избирателей, и именно здесь они могли оказывать реальное влияние на результаты выборов.

По-видимому, особых изменений в 1998 г. по сравнению с 1994г. не произошло. Анализ общей картины их современного размещения (по состоянию на первое июня с. г.) показывает, что

по-прежнему наибольший "вес" крымские татары имеют в сельских районах, особенно в Предгорном Крыму – здесь проживает около 40% всего населения.

Начало электоральной истории

Фактически проигнорировав многочисленные выборы и референдумы 1990-1992 гг., крымскотатарский электорат впервые голосовал в 1994 г. Только к этому времени сформировалась властная элита народа, которая могла четко решать практические задачи, стоящие перед ней на пути к власти на полуострове.

Для достижения поставленной цели осенью 1993 г., когда шло обсуждение закона о выборах нового Верховного Совета Крыма, был проведен ряд политических акций, целью которых являлось желание показать, что ситуация на полуострове уже не контролируется его руководством, но порядок легко восстановить, если пойти на политические уступки.

После долгих дебатов к закону о выборах все же были приняты дополнения о выделении квотированных мест для крымских татар. Большую роль в принятии этого решения сыграл спикер парламента Н. Багров. В результате принятых дополнений депутат, избранный по крымскотатарскому национальному многомандатному округу, представлял интересы только 9598 чел., а депутат, избранный обычным порядком по территориальному одномандатному округу – в три раза больше (в среднем 28342 чел.).

После принятия поправок акции были прекращены, а на сессии Второго Курултая (27-29 ноября 1994 г.) было принято решение о подготовке к парламентским выборам. Однако, вопрос об участии в выборах Президента Крыма оставался открытым. В отдельном постановлении были оговорены условия, при которых Меджлис может принять окончательное решение об участии крымских татар в выборах Президента Крыма.

Таким образом, конец 1993 г. можно считать началом электоральной истории крымских татар на полуострове. В это время крымские татары проявили большую предвыборную активность и впереди у них были выборы, на результаты которых они уже могли повлиять.

Электоральное поведение крымских татар в 1994г.
Выборы президента Крыма (16 и 30 января 1994 г.)

До последнего момента Меджлис не мог решить вопрос об участии крымских татар в выборах Президента Крыма. За две недели до выборов (2 января) большинство участников заседания Меджлиса высказались за их бойкот, мотивируя это тем, что условия, определенные Курултаем, не выполнены. Однако, после встреч с Н. Багровым, Р. Чубаров и др. (преодолевая значительное сопротивление М. Джемилева) настояли на том, чтобы 8 января было проведено внеочередное заседание, на котором отменили решение о бойкоте и объявили о своей поддержке Н. Багрова.

Согласно данным Меджлиса 16 января 1994 г. голосовали 119 тыс. избирателей (около 90%), и из них 90-95% голосовали за Н. Багрова [1]. Это значит, что электорат кандидата в первом туре выборов более чем на 40% состоял из крымских татар. Наиболее вероятно, что приводимые данные несколько завышены. Например, в Бахчисарайском районе численность "багровских" избирателей была лишь немногим выше численности крымскотатарских избирателей. Но масштаб фигуры Н. Багрова был таков, что его электорат ни в одном из регионов не мог состоять на 80-90% из избирателей одного социального, этнического кластера. А, следовательно, здесь (как вероятно и во многих других регионах) значительное количество крымских татар голосовали совсем не за указанную Меджлисом кандидатуру. Тем не менее, высокие коэффициенты корреляции между расселением крымскотатарских избирателей и территориальной структурой поддержки Н. Багрова (0.76 в первом туре и 0.73 во втором; с Ю. Мешковым – 0.50 и 0.60, соответственно) подтверждают факт голосования большинства крымских татар за этого кандидата.

В Белогорском районе мы даже наблюдаем своего рода бескровное национальное противостояние. Здесь, как нигде в Крыму, была высока доля крымскотатарского электората в избирательном корпусе района (24%) и как нигде высока доля голосов, полученных лидером Русской партии Крыма С. Шувайниковым. Разница в количестве голосов, собранных Н. Багровым и С. Шувайниковым, составила всего 0. 05% (24 голоса).

Выборы Верховного Совета Крыма (27 марта и 10 апреля 1994 г.)

Выборы Верховного Совета 1994 г. ввели крымских татар во власть – 14 депутатов были избраны по крымскотатарскому национальному многомандатному округу по правилам пропорциональной системы представительства. Крымскотатарские избиратели имели право голосовать либо по общекрымским партийным спискам, либо по своим национальным, но практически все предпочли избирать по "своим".

В выборах приняли участие 4 политических объединения [2]. Основными соперниками выступали Курултай крымскотатарского народа и Национальное движение крымских татар. Победу на выборах одержал Курултай, собрав 89% голосов, что давало право на все квотированные места в парламенте. НДКТ получил поддержку только 5,5% избирателей. Доля голосов Курултая была несколько выше в районах, НДКТ – в городах. Наименьшую поддержку Курултаю и наибольшую НДКТ оказали избиратели Ялты, Джанкоя, Евпатории, Советского и Черноморского районов. Ялта – это единственный город, где доля голосов НДКТ превысила 20%, а Курултая – упала ниже 70%; но явка была здесь минимальной (59% проголосовавших), а численность избирателей – невелика (605 чел.). В то же время Курултай собрал более 80% голосов почти во всех административных районах, где проголосовало более 75% избирателей, а численность крымских татар колебалась от трех до пятнадцати тыс. чел. в единице административно-территориального деления (АТД).

Крымскотатарские кандидаты баллотировались и в одномандатных избирательных округах – 35 чел., преимущественно лидеры местных организаций Меджлиса (33 чел.). Большинство из них шло в сельских районах, где они могли рассчитывать на широкую поддержку этнически "своих" избирателей.

В городах полуострова крымскотатарские кандидаты выдвигались только в Симферополе, Евпатории, Ялте и Судаке. В столице Крыма выборы прошли для них крайне неудачно – при 9 тыс. избирателей за крымскотатарских кандидатов было отдано менее 700 голосов. Намного лучше удалась мобилизация электората в Евпатории и Судаке. Большинство избирателей явились на выборы и поддержали своих "выдвиженцев". В Ялте крымские татары собрали незначительное количество голосов в силу своей немногочисленности (450 голосов и 600 избирателей). Однако, здесь многие избиратели поддержали кандидата казанского татарина – в своем округе он был безусловным лидером (более 3 тыс. голосов) [3].

В большинстве административных районов крымские татары активно приняли участие в выборах по одномандатным округам и поддержали "своих" кандидатов. В Джанкойском, Красноперекопском, Первомайском, Сакском, Кировском и Советском районах доля голосов, собранных кандидатами, составляет более чем 70% от численности избирателей в этих единицах АТД. В Симферопольском, Бахчисарайском, Раздольненском и Нижнегорском районах – от 50% до 70%; а в Ленинском и Белогорском районах – меньше половины голосов.

Так как крымские татары были в меньшинстве во всех избирательных округах Крыма, то ни один их баллотирующихся не был избран депутатом, хотя в сумме они собрали в первом туре – 78860 голосов, а во втором – 54538 голосов (по многомандатному округу проголосовало 101808 чел.). Вышедшие во второй тур десять кандидатов проходили по избирательным округам Бахчисарайского, Белогорского, Джанкойского, Кировского, Первомайского, Красногвардейского и Сакского районов. Восемь из них однозначно проигрывали уже 27 марта, и только в округах Белогорского района разрыв лидирующих кандидатов был минимален – 1-4%. Впрочем, 10 апреля и

здесь разница в количестве голосов возросла до нескольких тысяч. А ведь в первом туре на территории Белогорского района за "своих" кандидатов голосовали меньше 30% избирателей крымских татар, а значит резервы для роста поддержки во втором туре у баллотирующихся были. Однако уже сам факт выхода во второй тур крымскотатарских кандидатов свидетельствует о том, чего может добиться политически организованный электорат.

Выборы президента Украины (26 июня и 10 июля 1994 г.)

Свое участие в выборах президента Украины крымские татары под сомнение уже не ставили. И в первом туре по возможности широко поддержали Л. Кравчука (решение об этом было принято Меджлисом 10 июня). Высокие коэффициенты корреляции подтверждают это: 0.75 – крымские татары и Л. Кравчук, и (0.59) – крымские татары и Л. Кучма. Однако поддержка последнего в Крыму была настолько всеобщей (83% голосов уже в первом туре выборов), что большинство крымских татар, осознав тщетность своих усилий, по-видимому, предпочло проигнорировать второй тур голосования (значимая положительная корреляция с Л. Кравчуком отсутствует, а коэффициент корреляции с Л. Кучмой вырос до 0.70). Такое электоральное поведение было свойственно в первую очередь сельскому населению, составляющему основную массу крымскотатарского электората. В городах же поддержка Л. Кравчука во втором туре выборов осталась высокой (0,78). Среди тех крымских татар, которые поддержали Л. Кучму, одни голосовали по "мешковской" инерции, а вторые следовали синдрому голосования за победителя.

Мотивы электорального поведения

Таким образом, выборы-94 крымскотатарский электорат в целом провел организовано. Большинство избирателей послушно явились на участки и голосовали за указанных руководством кандидатов: Н. Багрова, Л. Кравчука, список Курултая; в одномандатных округах – за своих крымскотатарских кандидатов.

Мотивы электорального поведения крымских татар определялись двумя доминирующими в национальном самосознании идеями: "исключительности" и "отверженности". Корни этих идей лежат в 1944 г., но господствующими они стали только в ходе возвращения крымских татар на полуостров.

Так идея исключительности приобрела свой "вес" после провозглашения программы возвращения депортированных народов как одной из важнейших в СССР. Программа получила большое финансирование (переезд только одного человека стоил 25 тыс. рублей [4]). В Крым крымские татары возвращались с однозначным желанием обустроиться здесь, а потому решали все вопросы своего проживания довольно агрессивно. И если в 1944 г. власти не считались с интересами крымских татар, то в конце 80-х-90-х годах сами крымские татары не считали нужным учитывать интересы местного населения.

Но в 1991 г. СССР распался, интерес украинских властей к программе возвращения и обустройства крымских татар был невелик, объемы финансирования резко сократились. В том же 1991 г. произошло воссоздание крымской автономии, но в основу был положен территориальный, а не национальный принцип. В результате этого "исторического перехвата" надежда на создание в Крыму автономии с национальным содержанием практически исчезла. И с 1991 г. идея "отверженности" становится одной из доминант национального самосознания крымских татар.

В результате, в 1994 г. крымскотатарские избиратели предпочитали голосовать за тех, кто уже у власти, за тех, в лице кого они находили хоть какую-то поддержку и защиту, а не за новых людей, чье отношение к программе их возвращения было еще более безразличным или открыто враждебным. Поражение на выборах поддерживаемых кандидатов только усилило значение доминирующих в национальном самосознании крымских татар идей "исключительности" и "отверженности".

Электоральное поведение крымских татар в 1995-96 г.
Выборы местных Советов в 1995 г.

Меджлису удалось добиться принятия в Верховном Совете Крыма дополнений к закону о предстоящих в 1995 г. выборах местных Советов. Согласно принятым дополнениям, крымским татарам гарантировалось пропорциональное представительство в органах местного самоуправления (около 600 депутатов).

Но в ходе наведения конституционного порядка в Крыму в марте 1995 г., дополнения были отменены наряду с рядом других нормативных актов. Вместо них Верховной Радой Украины 6 апреля был принят закон "Об особенностях участия граждан Украины из числа депортированных из Крыма в выборах депутатов местных советов", согласно которому право участия в выборах имели только граждане государства. В этих обстоятельствах Меджлис решил бойкотировать выборы. Как заявлял М. Джемилев: "В надежде, что руководство Украины обратит на это внимание, исправит допущенную ошибку" [5].

Однако, если при большом желании крымскотатарское руководство могло навязать свою позицию региональной власти, то никаких рычагов давления на общегосударственную власть не было. Мартовское "решение" крымской проблемы привело к игнорированию в Киеве интересов всего населения полуострова – как "русских шовинистов", так и крымских татар.

В результате "бойкотирующих" предвыборных действий Меджлиса в местные советы было выбрано только 174 крымских татарина – 4,1% от общего числа депутатов всех уровней [6]. В 1998г. в равной предвыборной борьбе, по тем же выборным законам было избрано вдвое больше крымских татар – 9,1% [7]. Это свидетельствует об очевидной ошибочности предвыборной стратегии Меджлиса в 1995 г.

Выборы депутатов Курултая в 1996 г.
Особенности национальной выборной системы

В 1996 г. прошли очередные выборы Курултая крымскотатарского народа. Анализ этих выборов показывает, что декларируемый лозунг "один депутат Курултая представляет одну тысячу крымских татар" имеет прямое практическое воплощение – почти в каждом городе, районе численность проголосовавших избирателей была кратна тысяче (см. табл. 1). Случайность такого повсеместного совпадения исключена, а это значит, что результаты этих выборов были заранее спланированы. Развивая эту мысль далее, можно допустить, что "подгонялась" не только численность избирателей, но и подбирались кандидатуры депутатов.

Кристаллизация оппозиции. Выборы 1994 г. зафиксировали наличие у Меджлиса оппозиции в лице НДКТ. Эти же выборы четко очертили степень поддержки этих организаций в народе. Список Курултая получил 90959 голосов, а НДКТ – только 5566 (и это в условиях противостояния Меджлису, когда за НДКТ голосовал практически весь оппозиционно настроенный электорат).

Выборы 1995 г. показали, что популярность Меджлиса, его политико-организующее влияние в крымскотатарском народе снижается. На местном уровне появилось значительное количество крымских татар, которые пошли в разрез с "генеральной линией", баллотировались и победили на прошедших выборах.

В 1996 г., ко времени проведения Третьего Курултая, трудноразрешимые противоречия назрели уже внутри самого Меджлиса и его ближайших политических союзников. Власть, стремление к которой объединяло самых разных людей в жестких рамках одной организации в 1991-93 гг., теперь была завоевана. Наконец, была получена возможность действовать. В этих условиях стали очевиднее и различия в подходах к решению существующих вопросов. И поскольку ярких личностей среди руководства Меджлиса было много, то их позиции и интересы не всегда совпадали. Это повлекло закономерное политическое группирование. Среди крымскотатарского руководства произошел довольно стандартный вариант группировки – разделение на соратников руко-

водителя и оппозиционную ему группировку, связанную с определенными структурами. Получился своего рода аналог "парламентско-президентской оппозиции".

Как сегодня уже известно, только с большим трудом накануне Курултая удалось "замять" существующие разногласия (во имя единства народа) и "дружно" провести сессию. Но наличие значительных противоречий между региональными отделениями Меджлиса и Центром, скрыть все же не удалось (например, в "оппозиционной" Евпатории была очень низкой явка избирателей, здесь так и не избрали одного депутата от тысячи избирателей).

Кризис доверия. В целом по Крыму официальная явка на выборы составила только 55%, в то время как в 1994 г. по национальному многомандатному округу проголосовало 76,2% крымских татар, из которых 89% поддержали Курултай крымскотатарского народа.

Причина падения популярности "руководящих органов" в народе – резкое социальное расслоение населения на очень богатых и очень бедных людей. Пожалуй, можно говорить и о том, что современная крымскотатарская элита не всегда своевременно и грамотно решала жилищно-бытовые проблемы своего народа. Это закономерно вело к усилению недовольства своими руководителями самого населения, и поднимало вопрос о том, насколько интересы, которые выражает Меджлис, совпадают с интересами большинства крымских татар. В свою очередь, это повлекло за собой снижение политической активности народа и подготовило электоральную базу для оппозиции.

Электоральное поведение крымских татар в 1998 г.

В 1994 г. крымскотатарские представители появились на самом верху политической пирамиды региона. Они имели реальный вес в крымском парламенте, занимали ответственные посты в Правительстве автономии. Поэтому результаты выборов 1998 г. имели для крымскотатарского руководства принципиальное значение: необходимо было хотя бы сохранить сферу своего влияния.

Так как введение квот в крымском парламенте для депортированных народов было временным и распространялось только на голосование в 1994 г., то к 1998 г. перед крымскотатарским руководством встала задача добиться учета своих интересов в новом законе о выборах.

Однако, если в 1993 г. крымский парламент сам решал вопрос о выборах и давление на него крымских татар могло что-то решить, то в 1997 г.– это уже входило в полномочия Верховной Рады Украины, возможности давления крымских татар на которую были очень невелики. И если в 1993 г. власть не могла сама навести порядок, то в 1998 г. это было вполне в ее компетенции (справедливости ради отметим, что и возможности крымскотатарского руководства поубавились).

В результате, крымские татары выбыли "из игры" в чрезвычайно важный для себя предвыборный период. Почти все пришлось начинать сначала, и ставки в предстоящей борьбе за власть были даже выше, чем в 1993-м, ибо уже познан был ее вкус. А народу в это время предложили старый рецепт объединения – рецепт исключительности и отверженности.

Меджлис – оппозиция: конфликт накануне выборов

Исторической стала внеочередная (предвыборная) сессия Курултая, проходившая в декабре 1997 г. К этому времени разногласия в Меджлисе стали настолько велики, что "группа 16-ти" опубликовала заявление об этом. Впрочем, камнем преткновения интересов "высших национальных функционеров" был предмет вполне материальный – финансы.

Конфликт зрел давно, и действия "на уничтожение" обе стороны к этому времени уже начали. Эффективнее действовал М. Джемилев со своими сторонниками. Уже за месяц до сессии Курултая он отрепетировал "сценарий разгрома" на партии "Адалет". На съезде партии были переизбраны ее руководитель С. Керимов, обвинивший ряд руководителей Меджлиса и партии в разворовывании денег, выделяемых на обустройство крымских татар, и ревизионная комиссия – теперь в

руководстве организации были только "послушные Мустафе люди". По итогам съезда была принята резолюция в поддержку М. Джемилева, которая осуждала любых несогласных с его линией.

Возможно, успехи М. Джемилева стали главным толчком, побудившим оппозицию выступить перед народом еще до начала Курултая. Но, поставив остро проблему (по сути – выбора между ними и Джемилевым – харизматическим лидером), они способствовали сплочению народа и депутатов в этот период вокруг лидера Меджлиса.

Сам М. Джемилев обратился за поддержкой напрямую к депутатам Курултая (вспомним, как их выбирали, и добавим, что попасть на сессию могли только лица, имеющие пропуск лично подписанный М. Джемилевым), и в духе худших советских антидиссидентских традиций изгнал из организации оппозиционеров.

На очередь стала работа с ОКНД, из которой "были родом" многие оппозиционеры. Затем стали наводить порядок в региональных отделениях Меджлиса. Контуры региональной политики Меджлиса накануне выборов достаточно ясны – обеспечение контроля над основными крымскотатарскими регионами. Так новым Председателем "Адалета" стал руководитель Белогорского отделения партии, под И. Умерова "освободилось" место Председателя Бахчисарайского меджлиса. Так как контроль над Симферопольским регионом Меджлисом, по-видимому, не упускался, становится ясно, кто на выборах в Предгорном Крыму "играл основную партию".

В результате предпринятых действий к парламентским выборам 1998 г. крымские татары вновь имели слаженное руководство, способное решать электоральные задачи. В том числе, задачу мобилизации не только своих сторонников, но и маргинальных, неопределившихся слоев электората.

Этому руководству противостояла Оппозиция, которую составляли все недовольные Меджлисом. Но если последний был един и вел осмысленную и спланированную предвыборную политику, то оппозиция была представлена широким политическим спектром, каждый из сегментов которого боролся за себя. Но только такая раздробленная Оппозиция и могла мобилизовать весь несогласный с Меджлисом электорат.

История одного политического союза

Стремление крымскотатарского руководства попасть в высший законодательный орган Украины закономерно проистекало из электоральных "провалов" 1995 г., из понимания того, что на местном крымском уровне уже нельзя решить основные вопросы (особенно в условиях выхолащивания реального содержания автономии).

Поскольку эта цель не могла быть достигнута в одиночку, был заключен политический союз между Меджлисом и Народным Рухом Украины. На момент официального заключения этого союза между Меджлисом и Народным Рухом предполагалось, что выборы Верховного Совета Крыма[7] будут проходить по смешанной избирательной системе. Тогда на выборах депутатов Верховной Рады Украины Рух, малопопулярный на юге и востоке государства, получил бы значительное количество голосов в Крыму, а крымские татары – партийный список, под которым можно пойти на выборы в крымский парламент по многомандатному округу (это бы гарантировало представительство там крымских татар). Кроме того, два крымских татарина вошли в избирательный список Руха и могли стать депутатами Верховной Рады Украины (М. Джемилев занимал в списке гарантирующее победу девятое место, а Н. Бекиров – 49-е [8]).

В поддержку Руха предполагалось собрать около 50 тыс. подписей и, вероятно, столько же рассчитывалось собрать и на выборах. Однако, по состоянию на 22 ноября, совместными усилиями региональной организации Руха и Меджлиса было собрано только 26 тысяч подписей (а также 3 тыс. подписей не прописанных крымских татар).

Правда, оговаривая свою электоральную стратегию, ни Рух, ни Меджлис не учли "настроения на местах". Затея включить в список Руха большое количество крымских татар встретила ожесточенное сопротивление как внутри самого Меджлиса, так и в крымской организации Руха. В про-

тивовес Центру региональные отделения Меджлиса в Севастополе и Алуште приняли решение поддержать Партию мусульман Украины (ПМУ) на предстоящих выборах. А среди приверженцев Руха в Севастополе произошло настоящее противостояние отцов и детей: старшее поколение, приученное к партийной дисциплине, стояло за проведение "линии сверху", а молодежь отказалась повиноваться и выступила против включения кандидатов Меджлиса в списки Руха. Противостоянию был положен конец только тогда, когда стало ясно, что выборы Верховного Совета Крыма не будут проходить по смешанной системе.

Однако "напряженность" в отношениях между Рухом и Меджлисом постоянно давала о себе знать и далее. Так, на выборах Верховной Рады Украины по ряду округов одновременно шли кандидаты НРУ и члены Меджлиса, в том числе, крымские татары от НРУ и от Меджлиса.

Общие итоги выборов. Роль крымскотатарского электората

В ходе выборов в 1998 г. крымские татары впервые попали в Верховную Раду Украины, но "вчистую" проиграли выборы в Верховный Совет Крыма (ранее фракция крымских татар в нем составляла 14 человек, а теперь там работает только один крымский татарин, представляющий Коммунистическую партию).

В послевыборной риторике лидеров крымских татар звучит две основных причины произошедшего. Во-первых, отсутствие гражданства у примерно 44% потенциальных избирателей (а с учетом непрописанных – 51%). А, во-вторых, раздробление национального электората среди нескольких кандидатов различной политической ориентации.

В этих аргументах есть определенный смысл. Так, если в 1994 г. в избирательных списках было зарегистировано 129 тыс. крымских татар (без Севастополя), то в 1998 г.– только 94 тыс. (будем исходить из этой, распространенной накануне выборов, цифры). На выборах Верховного Совета Крыма крымскотатарские кандидаты имели серьезную поддержку во многих округах. Значит, если бы неграждане Украины участвовали в выборах, то шансы у крымских татар быть представленными в парламенте автономии были бы намного выше.

Значительно меньшее значение в проигрыше на выборах имела борьба крымскотатарских кандидатов между собой. Как показывает анализ, сумма голосов крымских татар была выше, чем количество голосов победителя выборов только в трех округах (не считая округа, где победил коммунист Л. Безазиев). Менее 5% составило совместное отставание крымскотатарских кандидатов еще в трех округах.

Исходя из этого, можно предположить, что в случае единства всех крымских татар, в парламенте автономии гарантировано могли бы быть представлены три депутата крымских татарина и еще три имели реальные шансы, если бы электорат для них "постарался". Возможно, но не будем забывать о том, что высокая электоральная активность крымскотатарского населения была связана с широкой представленностью Оппозиции. Так что если бы даже своих кандидатов выставил один Меджлис, то вряд ли бы они собрали больше, чем собрали (тем более, что они и так лидировали в подавляющем большинстве округов).

Скорее проигрыш крымскотатарских кандидатов на выборах связан не с политической раздробленностью их народа или непредоставлением гражданства, а с тем, что за крымскотатарских кандидатов голосовали исключительно избиратели той же национальности. Будучи везде меньшинством, они могли выигрывать только за счет своей организованности, каковой и среди них становится все меньше.

Есть, правда, редкие исключения. Самым ярким из них является победа Чубарова Р. в Красногвардейском одномандатном округе на выборах Верховной Рады Украины. Численность крымских татар, проживавших в Красногвардейском и Белогорском районах на 1.01.97, составляла 40,3 тыс. чел. Из расчета 37,5% избирателей от численности населения (именно столько составляет 94 из 251 тыс.), только 15,1 тыс. чел. из них являются избирателями. В то же время, согласно официально подтвержденным результатам выборов, Р. Чубаров собрал 18,5 тыс. голосов, что значитель-

но больше, чем 100% голосующих граждан крымскотатарской национальности. Учитывая, что не все избиратели проголосовали, а из тех, кто голосовал, 1,8 тыс. чел. поддержали других крымскотатарских кандидатов в округе, можно уверенно говорить о том, что большая часть избирателей Р. Чубарова были не крымскими татарами.

Впрочем, как показывают результаты выборов местных советов, количество крымских татар, избранных местными депутатами, намного больше их доли в избирательном корпусе. Это лучше всего свидетельствует об отсутствии шовинизма среди крымчан, и о том, что своим политическим проигрышем крымские татары обязаны своим руководителям.

Электоральная активность крымскотатарского населения

Крымскотатарские кандидаты приняли активное участие в выборах 1998 г. На выборах депутатов Верховной Рады Украины за них проголосовали 67,8 тыс. чел., а на выборах Верховного Совета Крыма – 58,5 тыс. чел. [9].

Разница между этими величинами составляет 9,3 тыс. чел. По-видимому, нет оснований полагать, что голосуя одновременно по нескольким бюллетеням, 9,3 тыс. крымских татар поддержали кандидатов в Верховную Раду Украины и не голосовали за кандидатов в депутаты Верховного Совета. Поэтому будем исходить из того, что 58,5 тыс. чел.– это явка избирателей крымских татар на выборы. В этом случае она составляет 62,2% и близка к среднекрымской (62,7% правильно заполненных бюллетеней в многомандатном округе).

Тогда кто же эти 9,3 тыс. человек? Преимущественно это славяне, поддержавшие на выборах Р. Чубарова. На выборах Верховного Совета Крыма в Красногвардейском и Белогорском районах за крымскотатарских кандидатов проголосовали 12 тыс. человек. Полагаем, что столько же голосовали и на выборах Верховной Рады Украины. Затем вычитаем из числа голосовавших тех, кто поддержал других крымскотатарских кандидатов (1,8 тыс. чел.). Таким образом, определяем, что за Р. Чубарова голосовали 10,2 тыс. крымских татар (на выборах Верховного Совета Крыма в Красногвардейском и Белогорском районах за кандидатов связанных с Меджлисом проголосовало 10,8 тыс. чел.). Это значит, что 8,3 тыс. его голосов – не крымскотатарские. Еще 1 тыс. чел. (9,3 = 8,3 + 1) – это скорее всего голоса избирателей, которые поддержали крымскотатарских кандидатов, шедших от НРУ (к сожалению, сопоставить результаты голосования на выборах Верховного Совета Крыма и Верховной Рады Украины для отработки этой гипотезы нельзя, так как на выборах Верховного Совета не во всех округах были представлены крымскотатарские кандидаты).

По сравнению с 1994 г. явка крымских татар осталась примерно на прежнем уровне (анализируется голосование в одномандатных округах). Это определялось мобилизацией, проведенной Меджлисом, общей высокой электоральной активностью населения Крыма (на повторных выборах она уменьшилась в 2-3 раза) и широкой представленностью Оппозиции. Последние причины обуславливают и качественные отличия электоральной активности крымскотатарского населения: если в 1994 г. на выборы шли сторонники Курултая-Меджлиса, то в 1998 г. явка осталась на прежнем уровне, во многом благодаря представленности Оппозиции.

Политические предпочтения крымских татар

Пока будем говорить только о двух основных силах в крымскотатарском обществе: Меджлисе (это все кандидаты, так или иначе с ним позитивно связанные) и Оппозиции, объединяющей всех альтернативных Меджлису кандидатов (НДКТ, ПМУ и др.). Определение того, "кто есть кто", мы провели в ходе анализа крымскотатарской прессы (официальные списки поддерживаемых кандидатов), программ кандидатов и экспертного опроса (применялось при распознавании кандидатов, не имевших официально заявленной поддержки).

Итак, на избирательные участки пришло около 58,5 тыс. крымских татар. На выборах Верховного Совета Крыма, когда было наиболее велико разнообразие представленных политических

течений, Оппозиция имела максимальную поддержку избирателей – 18,9 тыс. голосов (33%). Соответственно, электорат Меджлиса был минимален и составлял 39,6 тыс. чел. (67%).

При голосовании по партийным спискам Оппозиция, представленная только Партией мусульман, все же смогла собрать значительное количество голосов, именно как представитель "идейного противостояния с Меджлисом". Ее поддержали 14,9 тыс. избирателей, что составило 25% проголосовавшего крымскотатарского электората (на выборах Верховного Совета Крыма ее кандидаты собрали только 5,9 тыс. голосов). Соответственно, электорат Меджлиса составил 43,6 тыс. чел., которые проголосовали за партийный список Народного Руха. Последний собрал в Крыму 66,0 тыс. голосов, из которых, соответственно, 34% – это не крымские татары, а 66% – крымские татары, контролируемые Меджлисом.

Наименьшим влияние Оппозиции было в одномандатных округах на выборах украинских депутатов. В этом случае, когда речь шла уже о конкретных людях, ярких представителях своего народа, однообразие оппозиционного политического спектра (в основном ПМУ) сильно снизило число избирателей, поддержавших оппозиционных кандидатов – до 12,5 тыс. чел. (21% проголосовавших крымских татар). Соответственно, поддержка кандидатов Меджлиса (без "не крымских татар" Р. Чубарова и др.), возросла до 46,0 тыс. чел. (79%) (см. табл. 2).

Таким образом, соотношение сил между Меджлисом и Оппозицией сильно зависело от статуса выборов. Но даже при самом худшем раскладе Меджлисом контролировалось две трети голосующего электората. Так что он по-прежнему остается наиболее мощной политико-организующей силой среди крымских татар.

В то же время растет и влияние Оппозиции. В случае максимальной представленности она собирает до трети голосующих крымских татар (при 6-8% в 1994 г.). Она сильно политически раздроблена (настолько, что ее объединение вряд ли когда-либо возможно) и потому не может сколько-нибудь на равных противостоять Меджлису, но именно благодаря этому объединяет всех, кто не доволен Меджлисом.

Таковы самые общие черты электорального поведения крымских татар в 1994-98 гг. Поскольку работа является первой в изучаемой области, то логичным было бы ее активное обсуждение. По-видимому, чем шире будут представлены различные точки зрения (при условии, что они аргументированы), тем будет больше возможность изучения электоральной истории крымскотатарского народа.

Таблица 1

Сводная ведомость выборов депутатов Курултая крымско-татарского народа третьего созыва

Единицы административно-территориального деления и их объединения	Численность избирателей	Количество избранных депутатов	Явка избирателей	Количество избирателей, представляемое одним депутатом Курултая
Алушта	2347	1	42,6	1000
Евпатория	9546	3	21,0	668
Керчь	1540	1	65,0	1001
Симферопольский район (включая г. Симферополь)	40430	27	66,8	1000
Феодосия	4907	2	40,8	1001
Бахчисарайский район	19777	10	50,6	1001
Белогорский, Джанкойский районы (включая г. Джанкой)	42928	22	51,3	1001
Кировский район	15964	11	67,0	1001
Красногвардейский район	16142	10	62,0	1001
Красноперекопский район (включая г. Красноперекопск)	6600	4	60,7	1002

Ленинский район	14203	6	42,3	1001
Нижнегорский район	8510	5	44,4	756
Первомайский район	10739	6	55,9	967
Сакский район (включая г. Саки)	14212	9	63,4	1001
Советский район	8471	5	59,1	1001
Черноморский район	4784	3	62,8	1002

Примечания:

Первые четыре колонки – это данные из сводной ведомости, распространяемой на первой сессии третьего Курултая, а последняя – результаты авторских расчетов, произведенных на основе представленных данных.

Таблица 2

Электорат Меджлиса и Оппозиции на выборах 29 марта 1998 г.

	Численность поддерживающих избирателей, тыс. чел.		В процентах к общей численности крымско-татарского электората	
	Меджлис	Оппозиция	Меджлис	Оппозиция
Верховная Рада Украины (одномандатные округа)	46,0	12,5	79%	21%
Верховная Рада Украины (многомандатный округ)	43,6	14,9	75%	25%
Верховный Совет Крыма (одномандатные округа)	39,6	18,9	67%	33%

Примечания:

1. Wilson Andrew. The Election in Crimea // RFE / RL Research Report Vol. 3 №25, 24 june 1994
2. Курултай крымскотатарского народа, Национальное движение крымских татар (НДКТ), Крымскотатарский фонд культуры, Республиканский культурный центр крымских татар.
3. Выборы были признаны несостоявшимися из-за низкой явки избирателей.
4. Багров Н. В. Крым: время надежд и тревог.– 1996.– 380 с.
5. Спектр. № 5(13),1996. Часть 1.– 48 с.
6. Спектр. № 3, 1996.– 44 с.
7. Здесь и далее мы продолжим употреблять термин "Верховный Совет Крыма" вместо "Верховной Рады", употребляя последний только по отношению к высшему законодательному органу Украины.
8. Фракция Руха в Верховной Раде Украины насчитывает 47 чел.
9. Списки крымскотатарских кандидатов публиковались в национальной прессе.

К ВОПРОСУ О МИГРАЦИОННОМ ПОТЕНЦИАЛЕ КРЫМСКИХ ТАТАР И ПЕРСПЕКТИВАХ РЕПАТРИАЦИИ

В. П. Петров, кандидат исторических наук,
первый заместитель Председателя Республиканского Комитета
Автономной Республики Крым по делам национальностей и депортированных граждан

По данным переписи 1939 года в Крыму проживало 218179 крымских татар, составлявших 19,4 % населения полуострова [1]. В годы войны депортации по национальному признаку подверглось более 300 тысяч крымчан, в том числе 191045 крымских татар [2]. Большинство из них (151529 чел.) было перемещено в Узбекистан, остальные в Казахстан, Таджикистан, восточные районы РСФСР [3]. Кроме того, на спецпоселение высылалось около 9 тысяч военнослужащих из действующей армии и тыловых учреждений, а также большинство эвакуированных с территории полуострова в 1941-1942 г. г. гражданских лиц из числа крымских татар (до 2000 чел.)[4]. В результате общее число подвергшихся депортации крымских татар превысило 200 тысяч человек [5].

Из-за высокой смертности в первые годы депортации численность спецпоселенцев значительно снизилась. По официальным данным только с мая 1944 по октябрь 1948 года в местах высылки от голода и болезней умерло 44887 перемещенных лиц[6]. К началу 1953 года количество находившихся на спецпоселении крымских татар уменьшилось до 165259 человек [7].

Впоследствии численность этноса возросла и по итогам переписи 1989 года достигла 268739 человек, из которых 38365 уже возвратились в Крым и проживали на исторической родине. В ходе последующей стихийной репатриации в Крым переселилось еще около 200 тысяч крымских татар (табл. 1).

Таблица 1

Динамика репатриации крымских татар в 1989- 1998 годах (тыс. чел.)

1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
32,4	38,8	41,4	27,6	19,3	10,8	9,2	8,0	5,4	3,5

К началу 1999 года численность крымских татар, постоянно проживающих и прописанных в АРК, достигла 253076 человек [8]. К этому количеству необходимо добавить не менее 5 тысяч репатриантов, не успевших или не сумевших по различным причинам оформить прописку. Кроме того, около 5 тысяч крымских татар вернулись в Севастополь.

Основная масса репатриантов прибыла в Крым из Узбекистана (80%), остальные из России (13%), Таджикистана (2,5 %), других областей Украины и стран СНГ. Каждый четвертый из их числа был непосредственной жертвой депортации 1944 года, однако, большинство вернувшихся относится ко второму и третьему поколению.

Если принимать во внимание результаты переписи 1989 года, напрашивается вывод о фактическом завершении процесса репатриации, что подтверждается неуклонным сокращением числа переселенцев, начиная с 1992 года. Однако, учитывая имевшие место в прошлом попытки помешать самоидентификации крымских татар, в том числе путем искажения статистической отчетности, когда они определялись в документах как "татары", следует согласиться с тем, что иммиграционный потенциал бывших спецпоселенцев еще не исчерпан.

Вместе с тем, вопрос о численности крымских татар, остающихся за пределами Крыма на постсоветском пространстве, носит дискуссионный характер. Так, представители НДКТ полагают, что их насчитывается около полумиллиона[9]. По мнению лидеров меджлиса в Узбекистане и других среднеазиатских государствах до сих пор проживает не менее 250 тысяч крымских татар[10]. В различных изданиях фигурируют цифры порядка 200-250 тысяч депортированных лиц в целом[11].

Достоверность этих данных, как и утверждений о том, что все депортированные намерены возвратиться в Крым в ближайшее время, вызывает известные сомнения.

По материалам переписи 1989 года популяция крымских татар в Узбекистане составляла 188772 человека. Исследования, проведенные центром "Эксперт – Фикри" под руководством А. Жолдасова (Ташкент) и профессором Национального Университета "Киево-могилянская академия" И. Прибытковой (Киев) по заказу международных организаций, показали, что с учетом разнородных официальных данных количество крымских татар, остававшихся в Узбекистане к началу 1996 г., колебалось в пределах 78-118 тыс. человек[12]. Учитывая, что в 1996-1998 г. г. в Крым из Узбекистана переселилось не менее 12 тыс. человек и его покинула наиболее дееспособная часть крымских татар, сегодня в Узбекистане преобладает старая и малодетная часть этноса, что ведет к депопуляции. Таким образом, вполне вероятно, что к началу 1999 года средняя численность крымских татар в Узбекистане не превышала 85-90 тыс. человек.

По оценочно-расчетным данным количество крымских татар в других государствах СНГ на эту же дату составляло 22-25 тысяч человек, причем большинство их них приходилось на Российскую Федерацию (80%). Более 10 тысяч крымских татар, в разные годы переехавших в Украину, проживают в основном в Херсонской, Николаевской и Запорожской областях. Исходя из этого, общую численность крымских татар за пределами Крыма можно определить цифрами порядка 120-125 тыс. человек.

Однако рассматривать их всех в качестве потенциальных репатриантов не представляется возможным. По данным И. Прибытковой только три четверти крымских татар, живущих сегодня в Узбекистане, планируют возвращение в Крым. К аналогичным выводам приходит А. Жолдасов (73% – собираются переехать в Крым, 24%- не хотят покидать Узбекистан, 3%- еще не решили, что делать). Кроме того, из числа вероятных переселенцев каждый третий не смог назвать время предполагаемого возвращения.

С учетом проблем и трудностей репатриации, главными из которых выступают отсутствие жилья и безработица в Крыму, исследователи приходят к выводу, что в ближнесрочной перспективе (до 3-х лет) следует ожидать переезда в Крым из Узбекистана 15 тыс. крымских татар, а всего в течение 10 лет не более 50-60 тыс. человек. Реальные объемы репатриации в 1997-1998 г. г. показали завышенность этих прогнозов. Исходя из кризисной социально-экономической ситуации на всем постсоветском пространстве и трудностей обустройства в Крыму, представляется наиболее вероятным ежегодное возвращение в течение ближайших трех-пяти лет 2,5-4 тысяч крымских татар с последующим сокращением этого количества до 1,5-2 тысяч человек. Увеличить темпы миграции могут либо наращивание объемов государственного финансирования программы обустройства репатриантов, либо масштабные конфликты этнического характера в Узбекистане.

Примечания:

1. Крым многонациональный – Выпуск 1 – Симферополь: "Таврия", – 1988, – с. 70-72;
2. Коммунист.– 1991.– № 3 (эта цифра сложилась из 181014 чел., вывезенных из Крыма 18-20 мая 1944 г., 6000 призывников, мобилизованных в апреле-мае 1944 г. и 5000 татар, преимущественно мужчин, этапированных в распоряжение треста "Московуголь" для работы на шахтах и торфоразработках)
3. Земсков В. Н. Спецпоселенцы из Крыма (1944-1945 г. г.)// Крымский музей.– 1994-№1-с. 73
4. Там же, с. 77
5. Утверждения лидеров НДКТ о том, что весной 1944 г. из Крыма было депортировано более 400 тысяч крымских татар не подкрепляются архивными источниками и статистическими данными.
6. Земсков В. Н. Спецпоселенцы из Крыма (1944-1945 г. г.)// Крымский музей.– 1994-№1-с. 75.
7. Габриелян О. А. и др. Крымские репатрианты: депортация, возвращение и обустройство.– Симферополь – 1998-с. 73

8. По данным ГУ МВД Украины в Автономной Республике Крым
9. Габой Э. Фактор стабильности//"Остров Крым".– 1999 – № 3 – с. 19
10. Эти цифры приводятся, в частности, в обращении крымско-татарского народа к Президенту Украины, принятом на митинге в Симферополе 18 мая 1996 года (см: "Спектр" – №3(13)_Симферополь.– 1996- с. 46)
11. См. например: Етнічний довідник. Етнічни меншини в Україні. -Київ.– 1996.– с. 131
12. Жолдасов А. Структура и миграционные намерения крымских татар в Узбекистане // Материалы научно-практической конференции.– Судак – 1997; Прибыткова И. Эмиграционный потенциал ранее депортированных крымских татар в Республике Узбекистан // там же.

ДИНАМИКА МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ЗАКАРПАТЬЯ 1995 – 1998 ГОДОВ

Пелин А. В., кандидат философских наук,
вице-президент Ассоциации социологов Закарпатья

Динамика межэтнических отношений Закарпатья в 1995-1998 гг. может быть рассмотрена на трех уровнях:

1. Через изменение общественного мнения этнических групп.
2. Как трансформация межэтнического пространства.
3. В контексте глобальных этнополитических и геополитических процессов.

I. ИЗМЕРЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП.

Первый уровень связан с фактическими данными, полученными социологическими методами за три последних года. Количественные отличия между показателями 1995 года и аналогичными показателями 1998 года легли в основу построения аналитических моделей этнического и этнополитического пространств Закарпатья. Принципиальное сходство между глобальными геополитическими и региональными межэтническими трансформациями позволяют рассматривать последние в качестве реальной модели глобальных геополитических процессов Евразии. Поэтому результаты исследования динамики межэтнических отношений Закарпатья могут иметь не только прикладное значения для решения локальных проблем региона, но и методологическое значение для адекватного понимания проблем глобальной геополитики.

Межэтнические отношения Закарпатья отличаются традиционной толерантностью. Это предоставляет шанс для глубоких и объективных исследований. Главной ценностью подобных исследований является возможность осуществления здесь того. что крайне затруднительно в аналогичных Закарпатью регионах. Это касается, прежде всего, сложных регионов бывшей Югославии, Северного Кавказа или Ближнего Востока. Общая черта этих регионов состоит в том, что все они не просто крупнейшие полиэтнические центры, но и узлы на стыке различных цивилизаций Запада и Востока. Не исключено. поэтому, что ключ к пониманию мировой архитектоники и глобальных геополитических процессов легче всего найти в Закарпатье.

Первый опыт конкретных социологических исследований межэтнических отношений был предпринят в Закарпатье в 1994-96 г.г. Небольшим коллективом отдела социальных проблем Карпатского региона Института социологии Национальной Академии Наук Украины при активной поддержке областной администрации и национально-культурных обществ Закарпатья было опрошено 811 респондентов из 8 этнических групп. Помимо официально кодифицированных этнических групп были обнаружены и научно идентифицированы еще две достаточно крупные группы респондентов. Одна из этих групп самоидентифицировала себя с историческим термином «русины», вторая с географическим термином «закарпатцы». Большая часть русинов и закарпатцев официально (по паспортным данным) идентифицируется как «украинцы». Значительные расхождения между официальной идентификацией и самоидентификацией обнаружено и среди других этнических групп.

Повторные (панельные) социологические исследования межэтнических отношений были проведены в марте-апреле 1998 года. Творческий коллектив Ужгородского лингвистического Центра ЛИК осуществил опрос 601 респондента в рамках программы Совета Европы «Способы для укрепления доверия». Вновь, как и три года назад, помимо 8 основных этнических групп обнаружены респонденты, идентифицирующие себя русинами и закарпатцами. Количество респондентов, идентифицирующих себя русинами, в 1998 году возросло с 4,5% до 11,17%, а количество закарпатцев с 1,9% до 6,47%. Одновременно с этим, отмечено дальнейшее «падение престижа» титульной нации. Если в 1995 году 70,97% опрошенных «украинцев по паспорту» подтвердили свою принадлежность к этой национальности, то в 1998 только 56,36%.

Возрастание различий между официальными данными и этнической самоидентификацией населения Закарпатья лежат не только исторические корни, но и современные события. Отмена в новом украинском паспорте графы «национальность» позволило 7,5% опрошенных в 1998 году утверждать об отсутствии у них национальности как таковой. Количество затрудняющихся назвать свою национальность возросло с 0,38% в 1995 году до 3% в 1998. В графе «другая национальность» в 1998 году обнаружена и оригинальная идентификация политического характера - «советская». Несмотря на кажущуюся незначительность этих фактов, именно они приоткрывают полную картину трансформации этнического пространства Закарпатья.

Межэтнические отношения в Закарпатье традиционно отличаются высоким уровнем толерантности. Терпимость к другим этническим группам у автохтонного населения Закарпатья связана с большим значением своей этнической идентификации, а у мигрантов с пониженным значением своей национальной принадлежности. Эта парадигма определяет основное правило игры и устойчивости межэтнических отношений Закарпатья. В целом, за последние три года значение национальной принадлежности заметно снизилось. Особенно это заметно в этнических группах евреев, немцев и венгров. Несколько повысилось роль национального фактора у словаков и русинов, совершенно не изменилось в группе «закарпатцы».

Оценка межэтнических отношений Закарпатья за три последних года в целом не изменилась. Если в 1995 году 52,2% опрошенных считали их традиционно хорошими, то и в 1998 году 52,58% продолжали их оценивать такими же. Нейтральными межэтнические отношения три года назад считали 41,15% респондентов, а в этом году 35,9%. Плохими считали межэтнические отношения в 1995 году только 6,64%, а через три года 7,49%. Некоторое ухудшение оценки межэтнических отношений произошло за счет их низкой оценки в цыганской этнической группе (около 30%). Альтернативную сторону представили евреи, оценившие нынешнее состояние межэтнических отношений гораздо выше общего показателя .

Общественное мнение за 3 последних года не зафиксировало значительных изменений в межэтнических отношениях. Значительное улучшение межэтнических отношений отметили только русины, а отсутствие их ухудшения в группе «закарпатцы».

Динамика межэтнических отношений видна только с помощью специальных социологических методов. Нами был применен наиболее известный из этих методов - шкала Багардуса, позволяющая более точно измерить изменение этнических дистанций. Измерения показали, что наиболее дистанцированными этническими группами остаются уроженцы Кавказа, цыгане и евреи. В самые тесные отношения с кавказцами готовы вступить только 8,99% опрошенных, с цыганами 12,5%, а с евреями 16,31%. Максимально толерантными к кавказцам проявили себя евреи (42%). Высокая толерантность евреев по отношению ко многим этническим группам часто не отвечает взаимностью. Это хорошо заметно, например, на этнических дистанциях между евреями и румынами. Максимально высокая толерантность евреев по отношению к румынам наталкивается на максимально длинные дистанции с противоположной стороны.

Сравнение межэтнических дистанций в Закарпатье за последние три года показывает общую тенденцию, направленную на их стабилизацию или небольшое сокращение. Наиболее значительные трансформации видны в отношении этнических меньшинств к титульной нации - украинцам. Все без исключения этнические меньшинства стали значительно более толерантны к ней. Кратчайшая этническая дистанция с украинцами в 1998 году стала возможна для 51,41 % опрошенных представителей национальных меньшинств, что почти в 2 раза превышает аналогичный показатель 1995 года.

Из других этнических групп выделяются немцы. Позитивное сокращение этнических дистанций с этим национальным меньшинством оценивается в 7,59 %, при среднем сокращении межэтнических дистанций на уровне 3-4 %*. Этнические же дистанции самих немцев с другими

---

* См.: Таблицу № 1.

этническими группами заметно уменьшились. Среди «немцев по паспорту», проживающих дисперсно в Тячевском районе, обнаружена группа, не желающая идентифицировать себя согласно с официальными данными. Эти и другие факты позволяют нам утверждать об этнической самоизоляции немцев.

На таблице № 1 хорошо видно, что на фоне общего сокращения этнических дистанций за 3 года, а следовательно и укрепления этнической толерантности, увеличились межэтнические дистанции с русинами и венграми (-2,25 % и -2,41 % соответственно).

Таблица № 1.

Динамика межэтнических дистанций 1995-98 г.г.

Этнические группы	Кратчайшие межэтнические дистанции (%)		Динамика дистанций (%)
	1995	1998	
Кавказцы	4,95	8,99	4,04
Цыгане	7,76	12,15	4,39
Евреи	12,77	16,31	3,54
Румыны	14,67	19,8	5,13
Поляки	15,16	Нет данных	Нет данных
Немцы	19,7	27,29	7,59
Русские	26,75	30,28	3,53
Словаки	28,32	28,45	0,13
Украинцы	28,34	51,41	23,07
Русины	34,03	31,78	-2,25
Венгры	34,86	32,45	-2,41

Незначительное увеличение межэтнических дистанций с русинами и венграми можно было бы считать несущественным, если бы эти этнические группы не занимали лидирующие позиции в рейтинге этнического престижа. Кроме того, более глубокая аналитика, осуществленная в 1995 году показывает особую, буферную роль этих этнических групп в системе взаимодействия межэтнических блоков.

Рассмотрев межэтнические взаимоотношения, понизившие престиж венгерской этнической группы, нетрудно обнаружить, что «локомотивом» этого процесса являются русины и закарпатцы. Из таблицы № 2 видно, что внутренний раскол произошел и в самой этнической группе венгров. От самопонижения этнического престижа не спасает венгров ни нейтральная позиция титульной нации, ни резкое возрастание престижности венгров среди этнических изолянтов (цыган и евреев), ни значительный рост толерантности по отношению к ним русского населения Закарпатья.

Понижение этнического престижа русинов (См.: Таблицу № 3) явно связано с самоизоляцией немецкой этнической группы, возникшей, возможно, в связи с массовой эмиграцией немцев. Не менее сильными факторами понижения престижа русинов является их внутренний раскол и увеличение дистанций с малыми этническими группами. Не способствует укреплению престижа русинов их отношения с титульной нацией. Явно не на стороне русинов и симпатии цыган.

Из таблицы № 3 видно то движение, которые венгры делают навстречу русинам, но, увы, пока не встречают взаимопонимания. Достаточно явно симпатизирует русинам славянский блок из закарпатцев, словаков и русских. Однако сравнение таблиц № 2 и № 3 показывает, что не так все просто в отношениях русинов с русскими и евреями.

Анализ сводных таблиц динамики межэтнических дистанций позволяет построить вектор венгеро-русинских отношений (См.: Таблицу № 4). Из направления вектора и распределения на нем этнических групп хорошо просматривается формирующееся образование из славянских групп (закарпатцев, словаков и русинов), противостоящих венграм. Хорошо видна и альтернативная им

группа неславянских этносов (цыгане, немцы, евреи). Из всего сказанного вытекает необходимость более глубокой аналитики между суперэтническими блоками.

Таблица № 2.

Динамика этнических дистанций с венграми.

Этнические группы	Кратчайшие межэтнические дистанции (%)		Динамика дистанций (%)
	1995	**1998**	
Русины	37,5	15	-22,5
Закарпатцы	45,5	27,3	-18,2
Немцы	17,5	4	-13,5
Словаки	36,54	24	-12,54
Венгры	86,03	82	-4,03
Другие национальности	34,86	32,45	-2,41
Украинцы	21,25	21,69	0,44
Румыны	14,67	19,8	5,13
Русские	24,53	54	29,47
Цыгане	14,29	56	41,71
Евреи	0	48	48

Таблица № 3.

Динамика этнических дистанций с русинами.

Этнические группы	Кратчайшие межэтнические дистанции (%)		Динамика дистанций (%)
	1995	**1998**	
Немцы	36,84	4	-32,84
Другие национальности	50	44,4	-5,6
Русины	60	55	-5
Украинцы	28,46	26,46	-2
Цыгане	16	14	-2
Румыны	10	12	2
Венгры	36,4	40	3,6
Закарпатцы	60	72,7	12,7
Словаки	24	38	14
Русские	29,63	54	24,37
Евреи	16,67	46	29,33

Таблица № 4.

Вектор венгеро-русинских отношений.

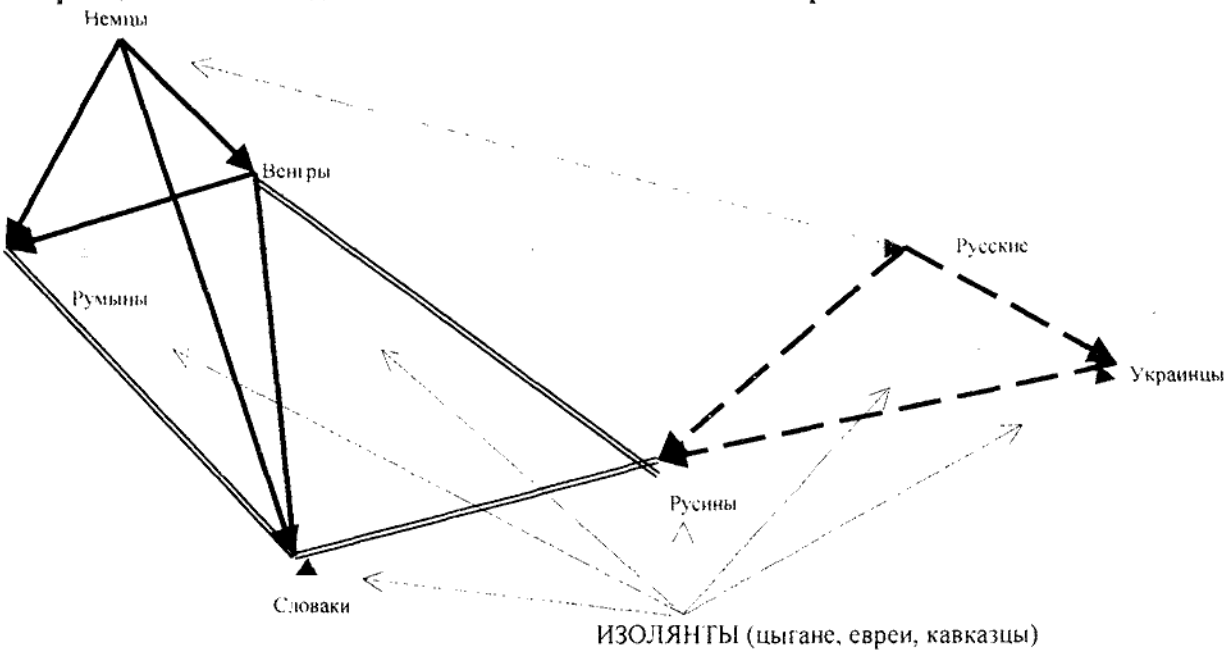
	Динамика дистанций с венграми	Динамика дистанций с русинами	Направление и величина вектора
Закарпатцы	-18,2	12,7	-30,9
Словаки	-12,54	14	-26,54
Русины	-22,5	-5	-17,5
Венгры	-4,03	3,6	-7,63
Украинцы	0,44	-2	2,44
Румыны	5,13	2	3,13
Другие национальности	-2,41	-5,6	3,19
Русские	29,47	24,37	5,1
Евреи	48	29,33	18,67
Немцы	-13,5	-32,84	19,34
Цыгане	41,71	-2	43,71

II. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА.

Впервые архитектоника отношений между западным и восточнославянским блоком была изучена в 1996 году. В принципиальной модели межэтнических отношений Закарпатья явно угадывалась ее геополитическая аналогия. На мой взгляд, особое геополитическое положение Закарпатья сыграло над социологами злую шутку, точно отразив в структуре межэтнических отношений геополитические.

Схема № 1.

Принципиальная модель межэтнических отношений Закарпатья 1995 года:



Где:

-отношения этнического доминирования;

-отношения этнического паритета;

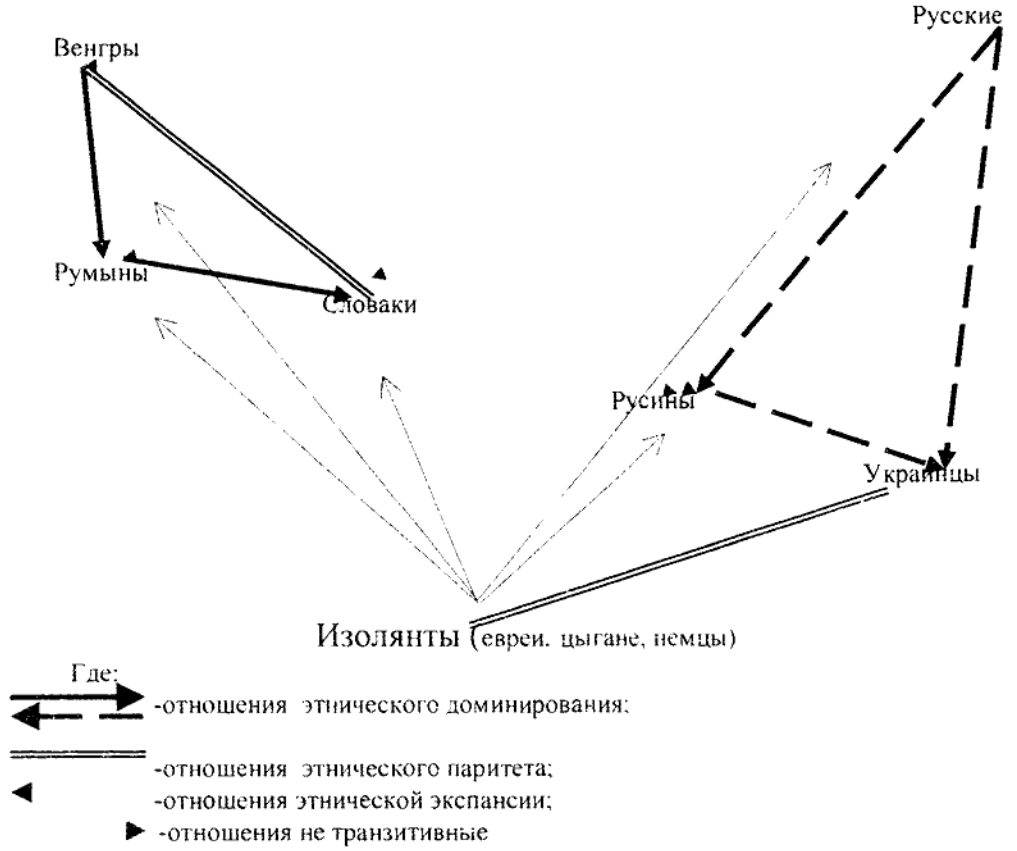
-отношения этнической экспансии;

-отношения не транзитивные.

Трансформация этнических отношений, произошедшая в Закарпатье за последние три года, существенно изменила всю их архитектонику. Имеет ли эта трансформация какую-либо связь с геополитическими трансформациями в Евразии, косвенно отражает их или является прямым следствием ? Установить это можно при помощи специальных исследований или же реально почувствовать через некоторое время. Фактом остается лишь то, и принципиальная модель 1998 года построена в строгом соответствии с результатами социологического исследования межэтнических отношений в Закарпатье.

Схема № 2.

Принципиальная модель межэтнических отношений Закарпатья 1998 года



На схеме №2 хорошо видно, что лидер межэтнических отношений 1995 года - немецкая этническая группа, несмотря на актуализацию лидерских тенденций, установленных в ходе психологического тестирования, выбрала иррациональный способ их достижения - самоизоляцию. Вместо былой толерантности и открытости в ходе опроса 1998 года немцы проявили необъяснимую зажатость. Их поведение с точностью до противоположности отличалось от того, что было зафиксировано в 1995 году. Особенно это было заметно в районах, где уже не существует мест их компактного проживания (в Тячевском районе).

Неожиданная самоизоляция немцев привела к перестройке всей системы отношений в западном блоке. Прежде всего, это сказалось на выравнивании этнических отношений венгров и словаков. Вместо традиционного этнического доминирования венгров по отношению к словакам между ними формируются этнические паритеты. Их окончательное оформление задерживается несбалансированностью румыно-словацких отношений. Общее состояние в западном этническом блоке приняло противоречивый (не транзитивный) вид.

Неустойчивость положения, скорее всего, происходит не только из-за потери явного лидера. Эмоционально-динамическое состояние потенциального лидера - венгров, во многом повторяет состояние бывших лидеров - немцев. При явной актуализации лидерских тенденций у них проявляются неадекватные способы их достижения, смешанные с чувством изолированности.

Отношения в восточнославянском блоке характерны инерциальным, постепенно ослабевающим доминированием русских и слабо мотивированными надеждами украинцев, настойчиво сокращающих этнические дистанции с немцами. Однако, какие-то процессы, происходящие вокруг титульной нации, постоянно понижают ее социальный статус. Слабая позиция титульной нации в динамике этнического пространства естественным образом повышает активность этнических русинов. Отсюда объяснима и высокая оценка русинами перспектив развития межэтнических отношений Закарпатья, установленная при изучении общественного мнения.

Совершенно неверно было бы видеть самую большую опасность в сложившейся ситуации в активизации русинов. **Истинная опасность заключается в разрушении привычной системы сдерживающих межэтнических паритетов и структуры закарпатского буфера**. На схеме № 2 видно отсутствие привычных для Закарпатья паритетов между венграми и русинами, русинами и словаками. Разлом буфера между двумя этническими блоками на региональном уровне означает повышение риска межэтнической конфликтности. Однако, в связи с особым геополитическим положением Закарпатья этот факт может означать приближение глобальных последствий.

Ш. ДИНАМИКА МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ЗАКАРПАТЬЯ В ГЛОБОЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ.

Неустойчивость межэтнических отношений, видимая пока только на латентном уровне, способна превратиться в реальные проблемы. Для предотвращения проблем необходимо ясное понимание их природы. Понимание невозможно без видения процессов, которым подчиняется все множество реальных (ощущаемых) фактов нашей жизни. Для видения процессов недостаточно простого зрения. В этом нам должен помочь небольшой аналитический аппарат.

Суть аналитического аппарата для понимания этнических, этнополитических и геополитических процессов выведена из результатов конкретных социологических исследований, о которых мне удалось уже немного рассказать. Согласно результатам исследований, основные различия между этническими группами, проживающими практически в одинаковых условиях, сводимы к уровню динамизма и эмоциональности. Максимальные этнические дистанции возникают между крайне динамичными и статичными, эмоциональными и неэмоциональными этническими группами.

Графически оформленные принципы представляют собой систему координат, в которой на оси абсцисс отражается уровень эмоциональности, а на оси ординат уровень динамизма каждой этнической группы. Четыре квадранта системы координат отражают четыре состояния, по которым можно классифицировать все изученные этнические группы Закарпатья. В первом квадранте находятся эмоционально-динамичные этнические группы, во втором эмоционально-статичные, в третьем - рационально-статичные, а в четвертом - рационально-динамичные этнические группы.

Статика

Межэтническое пространство Закарпатья содержит в себе все это многообразие. Оно удачно географически расположено, максимально сбалансировано и, поэтому, способно адекватно отражать в себе глобальные процессы. Каждая этническая группа занимает строго детерминированное место не только в пространстве, но и во времени. Некоторые виды динамики могут разрушительно действовать как на сами этнические группы, так и на межэтническое пространство.

Если этнические отношения могут быть испорчены либо политиками, либо невеждами, то повлиять на этнические процессы не возможно. С объективными процессами необходимо считаться, учитывать их в своих решениях. Кроме того, на уровне восприятия этнических процессов исчезает представление о добре и зле, о хороших и плохих этносах. Становиться ясно,

что даже самый маленький народ, занимает свое законное место, отобрать которое невозможно без глобального ущерба для всех. Все этнические группы Карпатского региона выполняют в социальных процессах строго определенные им роли (См.: схему № 4).

Схема № 3.

Система координат этнического пространства

Схема № 4.

Схематическое распределение этнических групп в этническом пространстве

Статика

В этой схеме нет ничего обидного ни для одной из этнических групп. Процессы, в которых участвуют этнические группы Закарпатья, происходят столетиями и слабо зависят от воли отдельных людей. Исторически так сложилось, что рациональная динамика (или прогрессирующая рациональность по Веберу) западной цивилизации навсегда разделила ее с эмоциональным и статичным Великим Востоком. Эмоции и разум дополняют друг друга, но не

способны объединиться. Крупные аналитики, например директор Института стратегических исследований Гарвардского университета Самуэль Хадингтон, причину глобальной катастрофы видят в конфронтации Запада и Востока.

Процессы, всегда уберегающие этнические группы от столкновения, состоят в обязательном опосредовании рациональной динамики от эмоциональной статики при помощи этносов - носителей эмоциональной динамики. Таким опосредующим звеном (буфером) между двумя крайними полюсами этнического пространства выступают восточные славяне (русские, украинцы) и народы Средней Европы (словаки, венгры, румыны). Эмоциональная окраска этнических групп этого буфера различается. Сентиментально-героическая природа восточных славян контрастирует с прагматизмом среднеевропейцев.

Закономерным продуктом напряжения эмоционально-динамического пространства стали русины. Их рациональная статика стала надежным гарантом традиционной толерантности межэтнических отношений в регионе. Таким образом, полная системная завершенность социальных процессов является ключом для стабильности. С точки зрения необходимости данных процессов в этническом пространстве Закарпатья надо рассматривать любую динамику межэтнических отношений.

Публикуя результаты исследования, я надеюсь, что интересы этнических групп региона предстанут для руководителей государственного и регионального уровней в ином свете. Прежде всего, уменьшится недоверие к этническим русинам, которых нельзя путать с группой так называемых "политических русинов", связывающих этническую специфику с политической автономией Закарпатья.

От позиции этнических русинов зависит не только стабильность в регионе, но и возможность более глобальных трансформаций. Например, в случае разрушения этнического буфера в Закарпатье, он способен переместиться либо Словакию, либо в глубь Украины. Оба этих процесса для Украины нежелательны, так как в первом случае она дистанцируется от Европы, а во втором серьезная статика грозит всей западной части украинского этноса.

Результаты исследований показали высокую мобильность структуры межэтнических отношений. За небольшой период времени место большинства этнических групп значительно изменилось. Уменьшилось культурное пространство, разделяющие западный и восточный этнические блоки. Структура же культурного пространства остается постоянной и представляет собой результат опосредования глобального взаимодействий цивилизаций.

Главной особенностью социальных процессов в регионе является ослабление динамики, возрастание этнической и социальной статики. Особенно благоприятно в этой ситуации чувствует себя автохтонное славянское население - русины. Заметно возрастает их роль и влияние на все аспекты жизни региона. Однако в силу высокой статики русинов существуют трудности их самоидентификации. В связи с этим, например, технически нелегко установить их реальное количество, отделив от этнических украинцев.

Процесс возрастание статики в межэтническом пространстве Закарпатья сопровождается аннигиляцией динамичных этнических групп (немцев) и наиболее динамичных представителей других этнических групп (венгров и русских). Этот процесс осуществляется при помощи возрастающих миграционных потоков. В результате, среди оставшихся в Закарпатье немцев, венгров и русских наблюдается общая для них тенденция увеличения эмоциональной статики.

Надеюсь, что видение всей сложности процессов в регионах и позволит оценить их истинное значение для страны. Развитие эффективного законодательства и принятие управленческих решений в Украине обязано опираться на более серьезную информационную базу. Закарпатье в состоянии предоставлять центральным органам управления Украины самостоятельную и объективную информацию, а региональным исследовательским центрам методологию и методы ее получения.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА ПОСРЕДНИЧЕСТВА ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ЭТНИЧЕСКИХ СПОРОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

А. В. Черепухин, аспирант Национальной юридической академии Украины им. Ярослава Мудрого, г. Харьков

Стабильность этнических отношений в государстве – важный фактор, обуславливающий деятельность государства в двух взаимосвязанных направлениях: поддержка внутренней безопасности и соответствие международным нормам. В этом проявляется функция государства как гаранта конституционной стабильности в легитимном управлении обществом. В государстве могут быть представлены народы с широким спектром рассовых, этнических, религиозных и культурных различий. Как следствие, следует принимать во внимание тот факт, что в одном и том же обществе могут быть интересы не только сходные, но и полностью противоположные друг другу. Они являются объективным основанием возможных противоречий. Наличие подобных противоречий, несомненно, может порождать конфликты. Основной мотив эскалации социальной напряженности вытекает из того, какие из целей спорящих сторон являются главными, и какие противоречия повлекли нарушение устоявшихся отношений. Тогда можно условно конструировать представление о позитивных, сближающих показателях конфликтных отношений субъектов спора. Именно на данном этапе механизм независимого урегулирования – посредничества – является важным фактором в разрешении конфликта.

Его задача, учитывая социально-правовые гарантии этнических групп, находящихся в состоянии спора, противостояния, – использовать данную процедуру и привести стороны к достижению взаимоприемлемого соглашения или позитивной договоренности.

В международной практике применение независимого посредничества при разрешении этнических конфликтов получило широкое распространение. Мотивация к использованию посредничества при разрешении этнических конфликтов необходима как основной фактор признания процесса сторонами.

Несовместимость интересов национальных групп, находящихся в пределах единого государства, порождает дестабилизацию общественной жизни, и, следовательно, создает непосредственную угрозу конституционному порядку. Таким образом, гражданско-правовой мотив посредничества может заключаться в поддержании законности и защите интересов сторон, сохраняя при этом нейтральность по отношению к субъектам спора. Социально-правовая миссия посредничества состоит в урегулировании конфликта нейтральной стороной несиловыми методами с использованием процесса переговоров как основного механизма достижения соглашения. В таком случае учитываются интересы всех сторон.

При рассмотрении установившихся отношений между субъектами противостояния очень важно проследить интерес данных этнических групп к разрешению конфликта. Вышеупомянутый этап очень важен, т. к. определяет стадию конфликта, являясь определенным лакмусовым показателем готовности групп к примирению. Это значит, что у групп должна присутствовать заинтересованность друг в друге как членах сообщества, которых объединяет общее территориальное пространство, законодательство, гражданство и т. п. .

После определения социальной мотивации в разрешении этнических конфликтов и рассмотрения вопроса о гарантиях субъектов спора, будет уместным отметить роль социальных норм государства.

Социальные нормы – это способ выражения общественных отношений государства через установленные нормы писаного и неписаного права, которые служат регулятором в гражданско-правовом обществе.

Противоречия между социальными нормами отдельных этнических групп, проживающих в пределах единого государства, неизбежно порождают конфликтную среду, обусловленную, прежде всего, отсутствием конкретных гражданско-правовых норм, регулирующих данные отношения.

Как следствие, возникает полная неспособность государственного механизма к разрешению подобных конфликтных ситуаций. В данном случае, уместно провести грань между четкой позицией законодателя и социальными нормами этнических групп, интересы которых не учитываются в принятии законодательно-нормативных актов государства.

К социальным нормам следует отнести нормы права, морали, традиции, обычаи, обряды и др., имеющие, безусловно, определенно выраженный национальный характер.

Разрешение этнических конфликтов путем посредничества подразумевает, как мы уже отметили, что в выработке конечного результата принимают участие обе стороны. Если достигнут хотя бы незначительный позитивный результат, то он оказывается удовлетворительным для всех вовлеченных в конфликт сторон. Эти последние согласны придерживаться соглашений или их части, а также склонны использовать выработанную процедуру в процессе разрешения других споров. Одним из немаловажных факторов посредничества является то, что, при достижении договоренности, стороны конфликта воспринимают это как результат собственного труда, который осуществлен на основе определенных принципов, имеющих социально-правовой характер и вписывающихся в социальные нормы общества вообще и нормы этнических групп в частности. Их всесторонний учет процессе проведения посредничества позволяет обеспечить максимальную эффективность выполнения договоренностей, соглашений, выработанных сторонами.

Однако, разрешение конфликта – это желательный результат выхода из конфликта. Достижение его может быть крайне сложным и долгим процессом. В промежутке находится широкий спектр возможностей, которые могут быть крайне эффективными. Одна из основных состоит в управлении конфликтом. Это очень перспективная часть посредничества в современных условиях.

Специфика украинского общества такова, что, будучи многонациональным по своему составу, оно имеет дело с проблемами этнического характера. На данном этапе они не создают угрозы целостности государства. Главным средством противодействия этой опасности может быть лишь активное использование общепринятых правовых норм и указанных процедур. Объективно влиять на конфликт при проведении процедуры примирения должен не столько посредник, сколько действующие социальные нормы, которые, независимо от сущности конфликта, являются основным регулятором общественных отношений демократического общества.

В период перехода от одной общественно-экономической формации к другой меняются, соответственно, и механизмы государственного управления. На смену принципам демократического централизма, пролетарского интернационализма, социалистической законности, при которых существование независимого посредничества сводилось на "нет" как фактор, противоречащий основам социализма и коммунистической доктрине партийного руководства КПСС, приходят институты, провозглашающие общечеловеческие ценности. С кардинальными изменениями в экономической, политической и других сферах общественной жизни Украины сфера Альтернативного Разрешения Споров (АРК), куда относится и посредничество, является незаменимым фактором регулирования общественной жизни, поскольку учитывает реальные гарантии социальных, экономических, политических прав граждан, удовлетворение интересов как отдельно взятой личности, так и интересов отдельных этнических групп. В государстве, где существует разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную, где общество живет в соответствии с принципами открытости, законности, демократии, где каждый отдельно взятый индивид, независимо от своей этнической принадлежности и сама этническая группа в целом, находят отражение своих интересов в Конституции, есть все необходимые условия для применения посредничества при разрешении конфликтов в обществе.

Для использования посредничества в разрешении этнических конфликтов следует изучить его уровни, интенсивность, типы, цели и способы управления им. Социологические исследования различных уровней показывают, что конфликт – в высшей степени структурированное явление. Это означает, что в конфликте присутствует упорядоченность, хотя при отсутствии альтернативных миротворческих процессов он может превратиться в хаотический процесс. Вот почему, под-

черкивая общесоциальную важность независимого посредничества как метода АРК, важно найти такую форму воздействия на конфликт, которая позволяла бы управлять им и вести к разрешению.

Резюмируя типологический аспект миротворческого процесса, будет логично выделить стадии взаимоотношений субъектов посредничества, исходя из этнических категорий спора. Таким образом, создается сущностная предпосылка для определения социальных критериев посредничества в этнических конфликтах.

Посредничество – несиловое вмешательство в конфликт субъекта нейтрального по отношению к спорящим сторонам, призванного содействовать процессу переговоров. Используя процедуру посредничества, он помогает в урегулировании конфликта.

Посредник – лицо независимое, соблюдающее нейтральность к субъектам спора, принятого к его рассмотрению. Он не устанавливает степень виновности, не выносит решения, обязательного для исполнения. Альтернатива посредника сводится к поиску между сторонами общих подходов, способствующих заключению мирного соглашения. Выражать мнение должны сами стороны, принимать решения, выдвигать встречные предложения. Основными критериями переговорного процесса в данном случае выступают принципы непосредственного, личного участия сторон или выборных полномочных представителей, ориентация на компромисс, взаимоуступки, попытка прийти к соглашению до нежелательной стадии X. Важным является то, что процесс посредничества является строго конфиденциальным. Конфиденциальность определяют сами стороны конфликта. Процесс посредничества должен являться добровольным для всех сторон. Изначально ходатайство о выборе и назначении посредника является субъективным правом одной из сторон. Для другой стороны посредничество может рассматриваться как некий сложившийся факт, с которым нормы права связывают возникновение, изменения или прекращение взаимоотношений. А это означает, что возник некий прецедент, порождающий новый вид отношений между сторонами на основе сформировавшихся законодательных отношений. Проще говоря, в данном случае посредничество может выступать как особенность переговорных отношений, разновидностью диалога между субъектами спора и носить факультативный характер. Следовательно, логичным будет разделить типологические характеристики указанных действий на две группы: события и действия.

Событиями, в данном случае, могут являться юридические факты, не зависящие от воли людей, находящихся в этническом конфликте, например, национальная или территориальная принадлежность.

Действиями являются юридические факты, которые находятся в прямой зависимости от волеизъявления и желания субъектов спора (создание автономий по культурному или территориальному признаку и др.).

Таким образом, проследив причинно-предметную связь между событиями и действиями, можно определить предпосылки правоотношений по субъективным и объективным признакам, а также вспомнить те условия, которые порождают этнические конфликты и стимулируют модель посредничества как необходимого инструмента разрешения спора. В таком случае, юридический факт может быть использован как основа для законодателя при принятии соответствующих правовых норм, отражающих интересы социальных норм.

Говоря о социально-правовом статусе посредничества, будет логичным провести конструктивно обоснованную линию на его правовое закрепление. Это, например, создание пропорционального представительства этнических групп в государстве на основе равенства и выборности; идея, которая может конструировать различные модели посредничества и преподносить их как определенный гарант выражения интересов и механизм разрешения конфликта силами общества. В данном случае, будет уместным привести теорию общественного договора как некую первичную попытку закрепления социальных норм в государственно-правовом развитии. Идея подразумевает процесс, когда в интересах государственной стабильности и защиты собственных интересов этнические группы заключают между собой свободный общественный договор. Договорная теория получила обоснование в трудах Руссо, где личность, народ, общество отдается под "верховное руководство общей воли" [1]. Историческую параллель теории общественного договора

можно провести как в условиях государственного развития, например, США, которые в своей Конституции закрепили договор между народами, так и в международных организациях, например, ООН, созданной на основании договора между нациями.

Итак, можно считать, что создание представительного органа этнических меньшинств может выступать посредником в разрешении конфликтов. Это может быть общественное образование, представляющее интересы этнических групп также в государственных органах. Данная модель изначально видится необходимой как государству, так и национальным меньшинствам. Во-первых, государство не всегда может предоставить равные права всем этническим группам, что напрямую связано с несовершенством законодательной базы. Во-вторых, появится функционально новый механизм разрешения конфликтов, способный учитывать конституционные запросы этнических групп, не имеющих своего представительства в органах государственной власти. Будет вполне обоснована аккредитация данного общественного формирования в ООН и ряде других международных общественных организациях, создастся прецедент для полномасштабного перехода контроля над этнической политикой в руки самих национальных групп. Предполагается негосударственный характер данного образования, ориентированного на принцип конституционности. Гарантируя содействие, а также развитие "этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности всех коренных народов и национальных меньшинств Украины" (ст. 11 Конституции Украины) [2], государство тем самым предоставит более полную свободу для реализации прав и свобод граждан, включая национальный аспект на основе "политического, экономического и идеологического многообразия". (ст. 15, ст. 24 (ч. 1, 2) Конституции Украины) [3]. Представительство этнических групп в пределах унитарного государства может быть выражено в создании общественной структуры, существующей на основе свободного вхождения, открытости, доступа к органам власти и наличием собственных общественно-политических возможностей и ресурсов. Таким образом, будут созданы предпосылки для формирования органа не менее авторитетного, чем государственные институты. Учитывая многообразие общественных норм и несовершенство законодательства в этнических вопросах, данный институт общественного взаимодействия может являться выразителем права государственной политики, суверенности и в объективном смысле охватывать не только конституционные нормы единого государства, международное право, но и опираться на многообразие этнических интересов. Отсюда следует объективное правовое предложение о необходимости внесения поправки в законодательство Украины – введения посредничества как механизма формирования стабильности этнических отношений в обществе. Этнические интересы должны быть воспроизведены и услышаны, и в этом может проявляться право национальных меньшинств как некий "защищенный государством интерес" [4]. В данном случае, предпосылками для внесения поправки являются нормы права, социальные нормы (нормы общественных организаций), юридические факты, правосубъектность и наличие у государства возможности активно участвовать в выработке стратегии урегулирования этнических противоречий.

Эволюционная способность к самообновлению при разрешении традиционно сложных этнических вопросов предполагает вывод о процессе независимого посредничества при разрешении подобных конфликтов как действенном конституционном методе разрешения противоречий демократическим путем. Посредничество само по себе – процесс эволюционный, вытекающий из самой сути современных отношений в обществе.

Примечания:

1. Руссо Ж. -Ж. Об общественном договоре.– М., 1938, с. . 13
2. Конституция Украины. Ст. 11
3. Там же. Ст. 15, 24
4. Иеринг Р. Борьба за право.– СПб., 1904.

ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ЗНАНИЯ

Буряк В. В., преподаватель кафедры философии

§ 1. *Alma mater*: рождение европейского университета

Существование и всестороннее внедрение знания рационального дискурса, присущего европейской культуре, во многом определялись благодаря существованию и развитию такой научно-педагогической всеевропейской институции как университет.

"Средневековый университет был основой того университета, какой нам известен сегодня, многие из наиболее известных современных университетов - в Болонье, Оксфорде, Праге - несут на себе остаток непрерывной, или почти непрерывной традиции, имеющей своим истоком Средние века..." [8, 45].

Учреждения, подобные средневековому университету, уже существовали ранее, в античную эпоху. Можно в этой связи упомянуть Пифагорейский союз, Александрийский Мусейон (*Museion*) при Птолемеях, Афинскую академию, существовавшую в течение почти что тысячи лет и сформировавшиеся по ее образцу научные школы в римско-эллинистическую эпоху в Риме, Лионе, Ниме, именовавшиеся "афинеями" (*atheneum*). Джон Ньюман, например, считает, что древняя библиотека в Александрии была основополагающим прецедентом происхождения университета [8, 110].

Однако эти античные формы образования и научной деятельности отличались от университетов целым рядом признаков, которые не позволяют установить непосредственную преемственность их. Во-первых, античные учебные заведения являлись достаточно локальными и аристократическими учреждениями в отличие от университетов с присущими им достаточно унифицированными программами обучения и неотъемлемым принципом демократизма как для преподавателей, так и для учащихся. Во-вторых, античные формы передачи знания от учителя к ученику весьма часто зависели от степени личной привязанности и преданности, а также определенной степени эзотеричности, царивших в этих заведениях, что было совершенно необязательно в университетах. В-третьих, фигура учителя, "схоларха", представляла патриархальную традицию, непосредственно связанную с этико-ритуальным комплексом отношений, где принцип личного доверия и патерналистской опеки иногда доминировал над научными результатами. Ректор же средневекового университета, особенно на первом этапе его развития, выбирался в основном из студентов (правда были ограничения социального, имущественного и возрастного порядка: аристократическое происхождение, возраст 22-25 лет).

Самым главным отличием средневекового университета от античной академии было то, что университет пользовался полной автономией, под покровительством папы и императора существуя как государство в государстве, с массой льгот и привилегий для членов университетской корпорации. В 1158 году император Фридрих Барбаросса издал указ о том, что все те, «кто из-за научных интересов покинули свою родину, оказывались под его особым покровительством» [3, 753]. Указ императора Священной Римской Империи был, по существу, охранной грамотой для всех студентов, где бы они ни учились, при том что они могли менять место учебы много раз по своему усмотрению, свободно перемещаясь по странам Европы.

Высшие научные школы, претендующие на историческое первенство, существовали также в раннесредневековой Византии. Однако их по той же причине, что и античные заведения, нельзя приравнивать к независимым, автономным, демократическим, интернациональным, динамично развивающимся университетам Западной Европы. Их теологическая однонаправленность и жесткий церковно-государственный контроль способствовали усиленному догматизму и они утратили постепенно светский характер.

Первым в Западной Европе был основан университет в г. Болонья. Возникшая еще в XI веке высшая правовая городская (т.е. отделенная от церкви) школа в 1155 г. получила статус унив-

ерситета. «Один из наиболее древних университетов - Болонский - имел полное основание считать первым годом своего существования 1155 г., когда в скромной обстановке на берегах Рено от имени императора Фридриха Барбароссы была объявлена его организация» [7, 48]. За ней следует высшая медицинская школа в Салерно, Парижский университет (1215), Кэмбриджский (1209), Пражский (1349), Венский (1365), Гейдельбергский (1385) и многие другие. Итальянские и французские (особенно Парижский) университеты были образцами для подражания и формирования университетов в других странах.

Сам термин *universitas* означал первоначально «целостность», «совокупность». Например: *universitas rerum* - совокупность всех вещей; *universitas* - вселенная. Термин *universitas litterarum* означал «все отрасли наук», буквально, «совокупность всех книжных знаний», в отличие от практических знаний (ремесла, военное дело, торговля).

В то же время слово *universitas* означало также «товарищество», «купеческая гильдия», «цех», «коммуна» (*universitas civium* - «городская коммуна»). Поэтому союз, «цех» преподавателей и учеников представлял своего рода «научный цех», «гильдию ученых и учеников», *universitas magistrirum et scholarium* или *universitas studentium* («товарищество преподавателей и учащихся») или же одним словом *studentes* (учителя, учащиеся). Впрочем встречаются и такие словосочетания *как magistri et discipuli* («учителя и ученики»), означавшие собственно корпорацию с особыми выборными органами самоуправления и большими привилегиями. В конце XII в. - начале XIII в. товарищества, корпорации учителей и студентов стали именоваться просто *universitas*, т.е. «университетами». Но вначале, формальная, легитимная и организационная структура университетов была калькой цеховой организации.

«По средневековым понятиям только в корпорации, гильдии, цехе горожанин получал законное существование, а папская или императорская грамота давала ему защиту во всем христианском мире» [3, 753].

Первые университеты все же в большой степени еще были зависимы от власти католической церкви, поэтому все члены корпорации еще долго именовались «клириками» (*clerici*), т.е. теми, кто непосредственно, организационно входит в церковную организацию.

Зависимость от церковной организации университетских учреждений имела все же и положительное влияние на их развитие. Папа не только давал разрешение и «грамоту», своего рода «лицензию» на открытие университета, но он всячески поощрял самостоятельную хозяйственную деятельность учебных заведений. В конфликтах университетов и местных властей Римский папа почти всегда был на стороне университетов, что способствовало все большей их экономической и административной автономии. Уже на раннем этапе создания университетов это проявлялось достаточно определенно в юридическом аспекте их деятельности. «При основании или преобразовании *studii generalis* городская община заключает договор с корпорацией иностранных схолархов [школяров] как государство с государством [освобождение от налогов, освобождение от военной обязанности и др.]» [3, 753].

К тому же, именно папа санкционировал единообразную систему организации университетов и выдачи ученых степеней, что способствовало их высокому авторитету, благодаря чему эти степени пользовались общеевропейским значением. Кроме того, преподавание и методология знания во всех университетах были единообразны, чему способствовала единая латинская терминология, ведь предметы преподавались на едином языке римско-католической церкви - латыни. Именно латынь, единая структура преподавания и были тем полем знания, которое обеспечило единообразие и формальную строгость схоластического дискурса с его системой аргументации, терминологической базой, аристотелевской силлогистикой, рациональной структурой римского права.

Правда, нужно отметить, что университеты были не единственно формой высшего образования. Существовали и развивались также частные городские школы с компетентными преподавателями, ничем не уступавшими университетским профессорам. Однако, благодаря

Несмотря на географические особенности и различия социально-экономического порядка, в XII веке духовно-религиозная и интеллектуальная жизнь Западной Европы образует одно целое (вплоть до конца XV века). В плане развития научной и образовательной системы в этом интеллектуальном движении лидировали несомненно Италия и Франция. Например, в Германии *studia generalis* возникает лишь в XIV веке по образцу итальянских и французских университетов, да и то под явным давлением извне.

Университеты на севере Европы появились гораздо позже. Копенгагенский университет был основан в 1478 г. Первоначально Копегагенский университет планировалось создать по образцу Болонского, но поскольку преподавателей пригласили из Кельнского университета, то и структура именно этого университета стала основополагающей. В отличие от большинства католических университетов в Копенгагенском с самого начала его основания было предусмотрено равенство всех четырех факультетов.

Почти сто лет спустя после своего основания Копенгагенский университет становится достаточно известным и уважаемым учебным заведением. Однако с постепенным падением престижа теологического факультета и неясностью перспектив экономически выгодного трудоустройства, количество студентов и преподавателей из аристократической среды резко уменьшается. Этому во многом способствовала Реформация, усилившая кризис пореформационного образования, в том числе и в университетах. В этом отношении характерна сентенция лундского каноника К. Педерсена: «Зачем отдавать детей в Университет? Теперь они все равно не станут прелатами или канониками. Лучше уж покупать им поместья, учить торговле или любому делу, которое сможет их прокормить» [Danmarks historie, bd6, s. 153, цит. по 2. 166]. Такая ситуация подтверждается и статистическими данными. «В Копенгагенском университете в 1539 - 1565 гг. из 53 профессоров 18 были иностранцами, 12 - выходцами из села, 16 - из провинциальных городков, 2 - из пасторских семей. Согласно новейшим исследованиям, доля дворян среди студентов стала ничтожно малой» [2., 168]. Несмотря на то, что в Европе Нового времени повсеместно растет удельный вес естествознания, в датских университетах в XVII веке наряду с естественными науками повышается роль таких дисциплин, как право, история, иностранные языки, особенно французский. На философском факультете вводят этику, историю, географию.

Но все эти нововведения будут гораздо позже, когда Ренессанс и Реформация «пробьют брешь» в рацио-теологическом дискурсе, являвшемся интеллектуальной осью всей средневековой культуры, о чем весьма метко сказал Иоанн Солсберийский (1115-1180), выдающийся представитель Шартрской школы: *Littera sordescit, logica sola placet* (Словесность унижена, лишь логика в почете). Апофеоз рационализма, о котором говорил Иоанн, сменился в поздней схоластике расцветом мистицизма (Мейстер Эккхард, Ян Рюисброк, Иоганн Таулер, Генрих Сеузе). «Схоластический колосс», *sacra theologia* не выдерживает собственной «тяжести». Терминологическая масса начинает превышать все разумные пределы системы рационального знания. «Завершенная трудами Фомы Аквинского система теологии подверглась всевозрастающей критике уже в первой половине XIV в. со стороны приверженцев номинализма (Оккам), с одной стороны, и теологов-мистиков, отрицавших возможность постижения бога рациональным путем и отводивших всю эту проблематику в русло мистики (Эккхард), с другой» [1, с.209]. Рафинированный рационализм схоластов привел также к тому, что литературный стиль (метафоры, риторические фигуры и проч.) стал деградировать, поскольку единственной целью ученых, теологов и философов становилось извлечение «рационального зерна», причем последствия этого гиперрационализма сказывались и на последующей стадии развития гуманитарного знания. «Поэтическо-риторическая литература древних была в загоне, ценились лишь философские, научные труды. Это одностороннее господство рационалистических наук влекло за собой ... полное равнодушие к стилистической и словесной форме ... то же явление мы наблюдаем позже в школьном языке Кантовской или Гегелевской философии: все дело в сути, в мысли, а форма безразлична» [5, 39].

классического канонического текста тем или иным преподавателем. Текст книги раздавался предварительно студентам перед данной лекцией.

Второй составной частью процесса образования в стенах университета был диспут (*disputatio*). Собственно говоря, *disputatio* - это не только и не столько спор о тезисах и отдельных понятиях, сколько способ исследования определенной проблемы, а *disputator* - это не только тот, кто спорит, рассуждает, но это еще и «исследователь» [4, 177].

Если лекции были основаны на пассивном восприятии знаний и активизировали главным образом память, то диспуты должны были способствовать актуализации воспринятого и усвоенного на лекциях и носили часто творческий характер, где формально признавался закон интеллектуального равенства всей аудитории, несмотря на «ранги». В магистерских диспутах, независимо от того, на каких факультетах они проходили, принимал корпоративное участие весь факультет. Дело обстояло следующим образом. «Кто-либо из магистров выставлял тезы; присутствующие опровергали их (*arguere*, отсюда «аргументация») по порядку построенными аргументами; задача же диспутатора состояла в том, чтобы разбить эти аргументы, доказав или их внутреннюю логическую несостоятельность, или противоречие их с общепризнанными принципами. На диспутах учебного характера студенты упражнялись в этих же двух вещах - в защите и опровержении положений, что представлялось, конечно, очень целесообразным приемом для развития активности мысли и давало привычку держать всегда знания наготове» [5, 27].

И содержательно, и формально процесс получения знаний был достаточно жестко регламентирован. «Учащийся проходил курс избранного им факультета в строго установленном порядке: чтобы иметь право по истечении положенного срока представиться к экзамену, он должен был прослушать в указанной последовательности указанное число определенных лекций и быть участником определенного числа диспутов» [5, 27]. После того, как испытуемый сдавал этот экзамен, он становился обладателем первой ученой степени - звания бакалавра (*baccalaurius*). Далее цикл лекций, диспутов и сдача очередного экзамена повторялись, но по усложненной программе, и присваивалась новая ученая степень «магистра» (*magister*) или доктора (*doctor*), причем обычно «магистр» работал на более «низких» факультетах, а «доктор» - на высших.

Формальная поступенчатая система была на первый взгляд весьма эффективной. Однако все без исключения знания, усваиваемые на лекциях и диспутах и демонстрировавшиеся затем на экзаменах, были чисто академическими, никоим образом не связанные с реальными профессиональными навыками. Если мы возьмем два типа знаний, имеющих место в философии Аристотеля, «теоретическое» (*theoreia*) и «практическое» (*praxis*), то первое было гипертрофированно, а второе игнорировалось. В результате, покидая *alma mater*, выпускник оказывался «книжным человеком» *(homo literatus*), часто не способным решать какие-либо практические задачи. Стоит отметить, что вплоть до XVII в. выпускники медицинского факультета не занимались лечением. Относительно Копенгагенского университета XV - XVII вв. достоверно известно следующее. «Знания давались исключительно теоретические, даже бывшие студенты-медики практикой не занимались: больных в Дании лечили исключительно цирюльники, костоправы, знахари, повивальные бабки, как в средние века» [2, 168]. Большая масса средневековых студентов довольствовалась лишь философским факультетом (*facultas artium*) и получением степени *baccalaurius artium*.

Содержание, форма и методы формирования знаний в различных университетах Европы были отличными друг от друга, иногда весьма.

Одной из главных интеллектуальных ценностей, неотъемлемых от факта существования университета, является культивирование принципа рационального мышления [8, 50]. Это предполагает свободу интеллектуального исследования и независимость от какой бы то ни было идеологии. Можно с уверенностью утверждать, что знание рационального дискурса своим существованием во многом обязано системе университетской науки, сложившейся в Средние века.

Средневековый университет в отличие от церковных или даже городских школ обладал большой самостоятельностью, выборы ректора могли завершиться избранием на этот пост даже

какого-нибудь студента [5, 25]. Особенно развиты были демократические принципы в XII-XIII вв. в Италии. Неудивительно поэтому, что именно там, где повсеместно присутствовал культурно-политический полицентризм, и возникли первые формы светского знания. «Понятие «полицентризм» включает в себя не просто множество реально самостоятельных центров, но предполагает их разнообразие и высокий уровень развития культуры» [6, 62]. Своеобразие итальянских университетов заключалось в том, что формирующаяся модель университетского знания опиралась в равной мере как на старое, античное культурное наследие, так и на «новый рационализм» аристотелевского образца, причем в создании университетов огромную роль играли коммуны, а вовсе не институты католической церкви.

Особенно славилась своими университетами Италия, куда съезжались студенты даже из славянских стран. Наиболее известными были университеты Винченцы (1260), Ареццо (1335), Падуи (1301), Сиены (1246), Реджио (1276), Перуджи (1301), Рима (1303), Тревизо (1318), Флоренции (1348), Пизы (1338). Этим список итальянских университетов не исчерпывался.

Одним из старейших университетов Италии и Европы был университет в городе Сиена. «Сиенский университет как и многие другие итальянские высшие школы фактически был организован властями коммуны. 12 июля 1275 г. Общий совет Сиенской коммуны постановил открыть в городе Высшую школу для обучения гуманитарным наукам (ит. *Studio generale per le lettere*) [7, 44]. Здесь следует отметить, что публичная школа коммуны, открытая для всех (*studio generale*), отличалась во многом от частной школы (*studio particolare*). В университет записывались учащиеся (*scolari* и *studenti*). На конкурсной основе и за приличную плату приглашали лекторов (*dottori*, *maestri*).

Как известно, образование в средневековых городских школах и университетах имело по преимуществу гуманитарный характер, и особенно это относится к Италии. Но никакое серьезное образование никак не возможно без «текстов», без первоисточников и учебников. Впервые в истории Европы тотальная сеть книгопользования для учебных целей, своего рода библиотечная инфраструктура была основана именно в итальянских городах. «Специфическим видом хозяйственной и культурной жизни университетского города было создание «станций» (*stationes*), где во многих экземплярах хранились пособия для университетских школяров. Владельцы этих своеобразных лавок-библиотек (*stationarii*) предоставляли студентам на время или продавали такие пособия» [7, 46]. Безусловно, что «станции» имели не только культурную, но и коммерческую функцию в бурно развивающейся социально-экономической жизни Италии эпохи Ренессанса.

§ 3. *Literce divinitas и literce humaniores*: противостояние дискурсов

В это время намечается и «специализация» университетов, их деление на светские и богословские. Разделение предметов на «светские» (*literce humaniores*) и «божественные» (*literce divinitas*) имело место уже издавна в средневековой культуре.

Это было связано с тем, что естествознание в XIV-XV в.в. еще находилось в тени схоластики, эмансипация от теологической догматики началась именно благодаря «возрождению» интеллектуального климата античности в его гуманитарном измерении. Это проявлялось в скрупулезном исследовании *literce humaniores* «светских текстов». Сами термины *literce humaniores* и *literce divinitas* уже использовались в зрелой схоластике, чтобы отделить «подлинные» авторитетные тексты (*divinitas*) от комментариев и прочей литературы, созданной человеком (*humaniores*) вне непосредственного влияния «божественного вдохновения». В схоластике *divinitas* и *humaniores* это две противоположные в онтологическом плане сферы.

«Считается, что университеты светского направления ... выросли из муниципальных школ, а университеты богословского направления из школ монастырей и капитулов» [7, 44]. Но, скорее всего, нужно говорить о влиянии школ определенного типа, нежели о простом перерастании школ в университеты.

Несмотря на географические особенности и различия социально-экономического порядка, в XII веке духовно-религиозная и интеллектуальная жизнь Западной Европы образует одно целое (вплоть до конца XV века). В плане развития научной и образовательной системы в этом интеллектуальном движении лидировали несомненно Италия и Франция. Например, в Германии *studia generalis* возникает лишь в XIV веке по образцу итальянских и французских университетов, да и то под явным давлением извне.

Университеты на севере Европы появились гораздо позже. Копенгагенский университет был основан в 1478 г. Первоначально Копегагенский университет планировалось создать по образцу Болонского, но поскольку преподавателей пригласили из Кельнского университета, то и структура именно этого университета стала основополагающей. В отличие от большинства католических университетов в Копенгагенском с самого начала его основания было предусмотрено равенство всех четырех факультетов.

Почти сто лет спустя после своего основания Копенгагенский университет становится достаточно известным и уважаемым учебным заведением. Однако с постепенным падением престижа теологического факультета и неясностью перспектив экономически выгодного трудоустройства, количество студентов и преподавателей из аристократической среды резко уменьшается. Этому во многом способствовала Реформация, усилившая кризис пореформационного образования, в том числе и в университетах. В этом отношении характерна сентенция лундского каноника К. Педерсена: «Зачем отдавать детей в Университет? Теперь они все равно не станут прелатами или канониками. Лучше уж покупать им поместья, учить торговле или любому делу, которое сможет их прокормить» [Danmarks historie, bd6, s. 153, цит. по 2. 166]. Такая ситуация подтверждается и статистическими данными. «В Копенгагенском университете в 1539 - 1565 гг. из 53 профессоров 18 были иностранцами, 12 - выходцами из села, 16 - из провинциальных городков, 2 - из пасторских семей. Согласно новейшим исследованиям, доля дворян среди студентов стала ничтожно малой» [2., 168]. Несмотря на то, что в Европе Нового времени повсеместно растет удельный вес естествознания, в датских университетах в XVII веке наряду с естественными науками повышается роль таких дисциплин, как право, история, иностранные языки, особенно французский. На философском факультете вводят этику, историю, географию.

Но все эти нововведения будут гораздо позже, когда Ренессанс и Реформация «пробьют брешь» в рацио-теологическом дискурсе, являвшемся интеллектуальной осью всей средневековой культуры, о чем весьма метко сказал Иоанн Солсберийский (1115-1180), выдающийся представитель Шартрской школы: *Littera sordescit, logica sola placet* (Словесность унижена, лишь логика в почете). Апофеоз рационализма, о котором говорил Иоанн, сменился в поздней схоластике расцветом мистицизма (Мейстер Эккхард, Ян Рюисброк, Иоганн Таулер, Генрих Сеузе). «Схоластический колосс», *sacra theologia* не выдерживает собственной «тяжести». Терминологическая масса начинает превышать все разумные пределы системы рационального знания. «Завершенная трудами Фомы Аквинского система теологии подверглась всевозрастающей критике уже в первой половине XIV в. со стороны приверженцев номинализма (Оккам), с одной стороны, и теологов-мистиков, отрицавших возможность постижения бога рациональным путем и отводивших всю эту проблематику в русло мистики (Эккхард), с другой» [1, с.209]. Рафинированный рационализм схоластов привел также к тому, что литературный стиль (метафоры, риторические фигуры и проч.) стал деградировать, поскольку единственной целью ученых, теологов и философов становилось извлечение «рационального зерна», причем последствия этого гиперрационализма сказывались и на последующей стадии развития гуманитарного знания. «Поэтическо-риторическая литература древних была в загоне, ценились лишь философские, научные труды. Это одностороннее господство рационалистических наук влекло за собой ... полное равнодушие к стилистической и словесной форме ... то же явление мы наблюдаем позже в школьном языке Кантовской или Гегелевской философии: все дело в сути, в мысли, а форма безразлична» [5, 39].

Но этот же рациональный схоластический дискурс не позволял средневековому типу знания «растаять» окончательно в аллегориях, символах и метафорах экзальтированной мистики, которая все больше активизировалась в конце средних веков. К тому же, стиль аргументированного рационального по форме доказательства способствовал выработке абстракций все большего порядка (несмотря на то, что многие из них были пустыми понятиями). А такие категории, разработанные в схоластике, как «субстанция», «материя», «атрибут» и многие другие, достаточно долго (вплоть до XIX века) были весьма операциональны в рамках европейской метафизики. Здесь же можно упомянуть и о предпосылках математической логики и феноменологической философии XX века.

Примечания

1. Барг М.А. Эпохи и идеи. – М.: Наука, 1987. – 348 с.
2. Возгрин В.Е. Копенгагенский университет и духовная культура Дании (XV - XVII в.в.) // Городская культура. Средневековья и начало нового времени. Сб. статей под ред. В.И. Рутенбурга. – Л.: Наука, 1986. – С. 152-181.
3. Готлиб А. Университеты [В Западной Европе] // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. – СПб, 1902. – Т.68.- с. 751-788.
4. Латинско-русский словарь. Сост. Г. Шульц. – 4-е изд. – СПб, 1877, - 606 с.
5. Паульсен Ф. Исторический очерк развития образования в Германии. - М., 1908. – 333 с.
6. Петров М.Т. Итальянский полицентризм и культура XIII-XVI в.в. // Городская культура. Средневековья и начало нового времени. Сб. статей под ред. В.И. Рутенбурга. – Л.: Наука, 1986. – С. 52-74.
7. Рутенбург В.И. Университеты итальянских коммун // Городская культура. Средневековья и начало нового времени. Сб. статей под ред. В.И. Рутенбурга. – Л.: Наука, 1986. – С. 43-51.
8. Pelican J. The Idea of the University. A Reexamination. – New Haven and London. Yale University Press. 1992. – 238 p.

К ПРОБЛЕМЕ АНАЛИТИКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА КАК ФЕНОМЕНА КУЛЬТУРЫ

Швецова А. В., доцент кафедры украинской и зарубежной культуры

Проблема национального характера – это, по сути, проблема, связанная с определением нации (народа) как самобытного, уникального, целостного субъекта истории, который обладает определенными, индивидуальными психологическими особенностями (в данном случае нация понимается в широком смысле этого слова). Важнейшей методологической установкой для анализа феномена национального характера является понимание того, что народ является историческим образованием, содержание которого не существует вне исторического процесса. Только конкретное исследование этого процесса предоставляет возможность определить исторические народы и очертить содержательные границы их бытия. Народ нельзя определить при помощи абстрактной совокупности признаков. Лишь анализ исторической судьбы, конкретного единства исторической жизни дает основания для его определения. Чисто "этнический принцип (в котором определяющую роль имеют природно-генеалогические факторы) в этом определении имеет подчиненное значение.

Экстраполируя этот вывод на национальный характер, мы получаем возможность определить его прежде всего как продукт культурно-исторического развития народа, в котором не столько выявляют себя врожденные витальные особенности этничных индивидов, сколько пройденный ими исторический путь. Национальный характер нельзя понимать как натуральное свойство людей, составляющих определенный этнос. Его (национальный характер) нельзя также понимать как свойственное непосредственно этническим индивидам общее качество психологии.

Кто же в таком случае является носителем национального характера? В известной школе "психологии народов" сформировалась мысль, что таковым является "средний представитель" этноса. Выражение и обоснование этого взгляда мы находим в частности у известного исследователя проблематики характерологии народов Г.Лебона. Но эта точка зрения не учитывает совершенной условности этого "среднего человека". Носитель национального характера - вполне четко определенный субъект. На его формирование работают весомые культурные механизмы, он является "точкой приложения" существенных социальных и культурных сил. Он – не статистически усредненная, обобщенная этническая особа, а *желаемая для национальной культуры личность.* Сама культурная структурированность человеческого бытия требует ее и создает. Поэтому носителем национального характера выступает не "средний представитель" этноса, а *"человек культуры"* – тот идеальный, "желанный" человеческий тип, который формируется национальной культурой и воспроизводится ею как безусловная, единственно приемлемая форма человеческого существования.

Если стать на эту точку зрения, то возникает вопрос: что является экспликацией национального характера? Через анализ каких именно феноменов культурного бытия мы можем составить достаточно содержательное представление о том или ином национальном характере? Ответом на этот вопрос должно стать выявление социально-культурных проекций национального характера, через непосредственный анализ которых появляется возможность дать его реальную картину.

Как уже отмечалось, культурологический принцип понимания национального характера рассматривает его как *требование культуры* по отношению к человеческим индивидам. Ведь культура не является абстрактной сущностью: в основе своей она имеет определенную, четко очерченную модель человеческого бытия. Все культурные процессы и механизмы сосредоточены, в конце концов, на воспроизведении этой модели, которая в границах конкретной культуры имеет универсальное значение, представляя феномен человеческого как такового. Именно на решение этой задачи "работает" свойственная национальной культуре картина мира, ценностные

ориентации человеческой деятельности, система воспитания и образования, социальные институты, формы духовной жизни и т.п.

В своем источнике национальный характер не является непосредственным приобретением человеческой психики, он выступает прежде всего требованием культуры к личности – то есть той спецификацией человека, который необходим культуре для воспроизведения свойственной ей модели человеческого бытия. В национальном характере содержится не столько сущее, сколько выражает себя *надлежащее.* Он – формообразующий фактор индивидуальной психики, определенный и влиятельный культурный регулятив, при помощи которого национальная культура формирует конкретные личности этнических индивидов.

Понятно, что последствия этой "работы" культуры запечатлеваются в человеческих личностях и в специфике их психологического содержания (характерах). Таким образом, действительно можно наблюдать определенное сходство реакций, представлений, поведения представителей одного этноса сравнительно с представителями другого. Но это сходство психологических черт является вторичным, производным от культурного порядка бытия и требований культуры к личности. Персонификация (олицетворение) этих требований приобретает вид особенного человеческого типа, который производится культурой как *желательный человек.* Этот тип фиксируется понятием "человек культуры". Соответственно, национальный характер является свойством "человека культуры", то есть *носителем национального характера выступает идеальный человеческий тип, который создается культурой и выполняет регулятивную роль в формировании конкретных человеческих личностей в данном культурном поле.* Схожесть психологических черт у представителей отдельного народа (этноса) является производной от этого процесса и в качестве такового вторичного результата отображает успех или неудачу культурного воздействия на формирование личностей этнических индивидов.

Из сказанного следует принципиальный в теоретическом и методологическом отношении вывод: национальный характер не является непосредственным свойством "усредненного" индивида определенного этноса. Он есть особенным культурным эйдосом – требованием культуры к психологическому складу индивидов, выполняющим регулятивную функцию в процессе формирования особенностей людей определенной культуры, носителем которого выступает человек этой культуры – идеальный человеческий тип, представляющий условие возможности существования модели человеческого бытия, воплощенной в этой культуре.

Исходя из вышесказанного, можно сформировать принцип: национальный характер как определенная психологическая целостность свойственен не каждому из представителей того или иного народа. Единственная особа, которой он действительно свойственен – это "человек культуры". Поэтому вопрос соотношения национального характера с качествами психологического склада той или другой личности является вопросом о соотношении и взаимосвязи "человека культуры" с конкретной человеческой особой, которая принадлежит к этой культуре.

Прежде всего следует отметить, что "человек культуры" не столько "натуральное" явление, сколько "проект человеческой личности", который вырабатывается определенной культурой как наиболее приемлемое и желаемое для нее воплощение человека, как определенная "норма человечности". Относительно реальной человеческой личности этот проект выступает в двух главных измерениях: как требование и как предложение. Первое измерение – это то, что культура делает с человеческой личностью, формируя ее психологические черты, поведение, реакции, представления, ценности и т.п. при помощи соответственных культурных механизмов и прежде всего посредством общения человека с окружающими его людьми, которые уже сформировались как носители определенных культурных образцов и форм.

Второе измерение – это то, что культура предлагает человеческой личности, которая уже приобрела зрелость и таким образом определенную автономию бытия, как способы ее самореализации, перспективы ее судьбы и возможности достижений. Культура постоянно выполняет роль "соблазнителя" относительно каждой особы, стремясь втянуть ее жизнь в

размеренность и последовательность бытия культурных форм. Если представить личность как полностью удовлетворяющую культуру в этих двух измерениях – то есть в тех требованиях и предложениях, которые содержатся в культурной жизни – мы будем иметь воплощение "человека культуры". Но, взирая на то, что такая тождественность особы с культурой является идеальным случаем, следует видеть в "человеке культуры" не столько наличествующую особу, сколько механизм подчинения человеческого бытия и самоопределения личностей потребностям, стремлениям и ценностям культуры.

Именно такое понимание соотношения психологии человеческих индивидов и феномена национального характера позволяет объяснить факт различной "четкости" и очерченности характерологических черт представителей одного этноса сравнительно с представителями другого. Это объяснение невозможно найти в чисто антропологических факторах, витально-физиологической конституции тех или других этнических индивидов. Действительным объяснением является успех культурного требования к личностям, в одном случае, и менее четкая реализация и неудача этого требования – в другом, когда имеем случай почти неощутимого национального своеобразия.

Вместе с тем в феномене человека культуры есть сложность, которая обусловливает сложность национального характера. Ведь если согласиться с тем, что культура содержит, производит и воспроизводит определенную модель человеческого бытия, то следует учитывать то, что человеческое бытие имеет сложную интерсубъективную природу. То есть в самом себе, в своем внутреннем содержании оно является весьма дифференцированным. Эта дифференциация функций, форм, направлений человеческого бытия приводит к тому, что последнее становится неоднородным и не может быть осуществлено во всех своих проявлениях и требованиях человеческим индивидом единого типа. Даже весьма примитивная культурная модель человеческого существования предусматривает несколько главных культурных персонажей для его осуществления, а поэтому в целом *человек культуры является интерсубъективным* идеальным человеческим типом, который конституируется в единстве, синтезе и общении главных культурных персонажей.

Можно сказать, что культура как модель бытия есть определенный сценарий человеческого существования, для реализации которого нужен не один, а несколько участников. При этом каждый из них имеет свои, индивидуальные черты, которые отличают его среди других, а человек культуры – это интерсубъективное, коммуникативное единство действующих лиц.

Эта особенность культуры тесно связана с феноменом неоднородности этнической определенности – то есть, признавая связь человеческой особы с сообществом (народом), невозможно обойтись лишь пониманием этой принадлежности и взаимосвязи, а следует в каждом случае учитывать то место, которое особа занимает в сообществе, а, следовательно, ее ролевые и функциональные нагрузки. Эта особенность "принадлежности" человека к сообществу обусловлена сложным характером последнего, спецификой его самоорганизации, внутренне дифференцирующей любое сообщество – от малой группы до нации или класса. Так точно и этничность не является простым, постоянным, всегда самотождественным предикатом, которым характеризуется этнос.

Все это имеет непосредственное значение для понимания национального характера. Ведь если национальная культура внутренне дифференцирована и человек культуры представляет собой не одну особу, а комплекс взаимосвязанных культурных персонажей, действующих в определенной модели человеческого бытия и создающих ее своими действиями, то соответственно и национальный характер приобретает ту же дифференциацию. Он превращается в комплекс психологических типов.

Реконструкция национального характера должна предусматривать мультиличностную, интерсубъективную сущность человека культуры, а также воссоздавать и отражать ее в формах организации национальной психологии. Единый национальный характер распадается на различные типичные человеческие характеры, свойственные данной культуре как особенной

модели человеческого бытия. Те человеческие качества, которые иногда фиксируют и описывают как черты национального характера, в действительности образованы взаимодополняющими культурными персоналиями. То есть черты национального характера в своей сущности являются психологической диспозицией отношений различных человеческих типов. Например, констатируемая агрессивность может быть не общим качеством представителей этноса, в равной степени им свойственным, а следствием существования в этносе человеческого типажа, который своей угнетенностью или, наоборот, потенциальной непокорностью провоцирует агрессивность, которую и проявляет, скажем, этническая элита.

Если исходить из культурной определенности национального характера и его существования как качеств человека культуры, то возникает следующий вопрос: обращение к каким именно формам культурного бытия позволяет осуществить реконструкцию национального характера? Исходя из каких собственно социально-культурных феноменов возможно реконструировать национальный характер и осуществить его аналитику? Ведь проявления культурной жизни безгранично разнообразны. И понятно, что в любых проявлениях человеческого бытия выказывают себя психологические особенности человека.

В целом эта констатация не может быть предметом для споров, но она мало что значит в теоретико-познавательном плане. Ведь проблема состоит именно в том, чтобы выявить те социально-культурные феномены, которые непосредственно представляют национальный характер, составляют его наиболее близкие проекции. Ибо просто войти в разнообразие культурных явлений без четкого, методологически обоснованного ориентира – обозначает придти к весьма своевольным, поверхностным выводам, в которых непременно будет большая вероятность ошибки. Чтобы избежать этого необходимо выделить конкретные социально-культурные проекции национального характера, обращаясь к которым мы получим возможность реконструировать содержание и особенности последнего.

Понятие проекций национального характера фиксирует не только определенное поле презентаций этноспецифических психологических черт. Эти проекции выступают также определенными формообразованиями самого национального характера. Какие же главные социокультурные проекции национального характера можно выделить?

Прежде всего – это образ самих себя, который составляет основу национальной идентификации представителей определенного этноса. *Национальная идентификация* является одной из наиболее важных проекций национального характера, поскольку она содержит образ человека и человеческого существования, с которым участники конкретного этноса себя отождествляют.

Второй проекцией национального характера является *национальная идея* - комплекс целенаправленных представлений, которые играют роль интенций, духовных движущих сил, а также основ осмысления национальной судьбы и ее перспектив в жизни конкретного этноса.

Национальная идея направляет историческую жизнь этноса, но еще большую роль в организации его непосредственной жизни играет *национальный этос*, содержащий комплекс культурно-моральных наставлений человеческого поведения, которым подчиняются действия этнических индивидов в разнообразных формах жизни. Как таковой национальный этос представляет еще одну проекцию национального характера и определенным образом воплощает последний.

Народы не существуют в изоляции. Их историческая жизнь осуществляется в широком контексте разнообразных и многомерных взаимоотношений с другими народами. Поэтому одной из важнейших проекций национального характера является *национальный имидж* – то есть тот образ, в котором тот или иной образ воспринимается представителями других народов и, в то же время, образ, в котором конкретный этнос представляет себя перед другими, утверждает себя перед ними.

Наконец, следует заметить, что характер проявляет себя не только в самоутверждении человека (это его позитивное проявление), но и в том, что человек "отбрасывает", считает

недопустимым, неприемлемым и даже враждебным для себя (негативное проявление характера). Совокупность таких отрицательных черт, которые обычно персонифицируются в образе какого-либо исторического противника, можно определить как *комплекс национального отвращения.* Он также представляет собой достаточно содержательную проекцию национального характера, анализ которой позволяет выявить важнейшие особенности последнего.

Заметим в этом случае, что названными феноменами не исчерпываются культурные проекции национального характера. Те, которые нами выделены, имеют преимущество через их решающую роль в организации бытия народа, и, что также обусловливает их первоочередное значение, являются не только выражением, презентациями национального характера, но и его непосредственным воплощением. Именно это заставляет обращаться именно к ним в контексте решения задач по экспликации содержания национального характера, его теоретико-культурологической реконструкции.

Таким образом, выявленные пять проекций национального характера – национальная идентификация, национальная идея, национальный этос, национальный имидж и комплекс национального отвращения, а также обоснованная мультиличностная, интерсубъективная сущность "человека культуры" – носителя национального характера – создают возможность достаточно содержательной экспликации национального характера, выделения и анализа свойственных ему черт.

КАФЕДРА

"ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННО-БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ КРЫМА"

Спецкурс (34 часа) М. А. Араджиони, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Крымского отделения Института Востоковедения НАНУ

Программа курса.

Введение в этнологию и краеведение. Понятийный аппарат. Ключевые проблемы этнической истории Крыма, источники их изучения, историография. Современная этническая ситуация на полуострове.

Раздел 1. Проблемы этногенеза и этнической истории народов Крыма в средневековое и новое время.

Армяне Крыма: источники по истории переселения армян на полуостров и историография проблемы формирования армянской общины Крыма. Языковая и конфессиональная ситуации в среде крымских армян. Причины переселения армян Крыма в Западную Украину и в Северное Приазовье. Формирование армянской общины полуострова в конце XVIII – начале XX вв. Геноцид армян в Турции: причины и следствия. Армяне Крыма в XX в.: депортация, возвращение и формирование современной общины. Армянская диаспора и Крым.

Болгары Крыма: Формирование болгарских колоний в Новороссии в начале XIX в. Образование болгарских поселений в Крыму в 1800-1830-х гг. Болгарская эмиграция после Крымской войны. Виддинские болгары. Миграция болгарских колонистов из Северной Таврии. Расселение болгарских колонистов на полуострове, динамика численности и их профессиональная ориентация в конце XIX – начале XX вв. Депортация болгар из Крыма в 1944 г. и проблемы их возвращения. Формирование болгарской общины Крыма в послевоенное время.

Греки Крыма: греческая колонизация полуострова в античную эпоху и проблема этногенеза средневековых крымских греков. Христианское княжество Феодоро. "Пещерные города" и их место в истории средневекового Крыма. Православное население Крыма после Османского завоевания. Ассимиляционные процессы и проблема двуязычия в среде крымских греков. Переселение крымских христиан в Приазовье: причины и следствия. Формирование общины греков Крыма в конце XVIII – XIX вв.: возвращение крымских старожилов из Приазовья; "балаклавские" греки; греко-болгары: переселенцы из западных районов Малой Азии, области Понта, островной Греции. Массовые переселения греков в Российскую империю в 1829-31 гг., 1858-61 гг., 1870-х гг. и в начале XX в. Греки Крыма в XX в.: ареал расселения, численность, занятость. Депортация греков Крыма в 1944 г. . Проблемы формирования современной общины.

Еврейское население Крыма. Крымчаки. Источники по истории еврейской колонизации полуострова в древности и в средние века. Иудейская община полуострова в период Крымского ханства: география расселения, профессиональная ориентация, численность. Правовой и социально-экономический статус иудейских общин в Российской империи. Миграция еврейского населения из западных губерний Российской империи в Крым в XIX в. и обособление крымчакской общины. Еврейские погромы в конце X1X – начале XX вв. Евреи и крымчаки в XX в.: численный состав и их расселение на полуострове. Массовое переселение евреев на полуостров и образование еврейских колхозов. Геноцид евреев и крымчаков в период фашистской оккупации. Послевоенный период: ассимиляционные процессы, миграции и эмиграция.

Крымские караимы: Караимизм как течение иудаизма. Концепции этногенеза и этнической истории крымских караимов: историографический обзор. Социально-правовой статус, численность и расселение караимов в период Крымского ханства. Переселение караимов на Западную Украину и в Литву. История Чуфут-Кальской общины. Социально-правовое положение караимов после присоединения Крыма к Российской империи. Деятельность С. Я. Фирковича по изучению

этнической истории и культуры крымских караимов. Динамика численности и изменения в расселении крымских караимов за последние 200 лет.

Крымские татары: Проблема этногенеза крымских татар в отечественной и зарубежной историографии. Ключевые вопросы этнической истории крымских татар: источники изучения и историография. Характеристика территориальных субэтнических групп крымских татар. Ногаи: антропологические, культурные и языковые особенности, уклад жизни. Южнобережные татары. Крымские турки. Переселение крымских татар на Западную Украину и в Литву. Миграционные процессы в период Крымского ханства и после присоединения его к России. Эмиграции в период 1771-1944 гг.: причины, следствия. Динамика численности и расселение крымских татар в конце XVIII – начале XX вв. Ассимиляционные процессы. Рост национального самосознания и национальное движение крымских татар в конце XIX – начале XX вв. Депортация 1944 г. Этнические процессы в среде крымских татар в местах высылки (1944-1990-е гг.). Проблемы обустройства в Крыму и развития национальной культуры.

Крымские цыгане: Историография формирования их общины на полуострове. Конфессиональные и языковые особенности группы крымских цыган. География их расселения и основные традиционные занятия. Взаимоотношения с другими этническими группами на полуострове в период Крымского ханства. Крымские цыгане и цыгане Молдавии и Северной Таврии: общее и особенное. Динамика численности крымских цыган в XIX – начале XX вв. и особенности их этнической истории на полуострове в XIX-XX вв.

Немцы в Крыму: Причины переселенческого движения в конце XVIII – начале XIX вв. Первые колонии в Северной Таврии и в Крыму. Этнические группы переселенцев: немцы, австрийцы, швейцарцы – география их расселения на полуострове и основные занятия. Общины немцев-католиков, реформаторов, меннонитов. Переселенческое движение в 1858-1862 гг. Образование новых колоний в Крыму. Их социально-правовой статус. Немецкие колонии Крыма в период Первой мировой войны. Попытки национального возрождения в 20-30-е гг. Депортация немцев с полуострова. Крымские немцы сегодня.

Белорусы, русские и украинцы в Крыму: Русские и украинцы на полуострове в период Крымского ханства: историография вопроса. "Солдатская" колонизация после присоединения Крыма к России. Переселение государственных крестьян. Старообрядцы и молокане. География размещения и численность украинского белорусского и русского населения Крыма в конце XVIII – начале XIX вв. Переселенческое движение в XIX в.: причины, условия, динамика численности в XIX – начале XX вв. Взаимоотношения с представителями других национальностей: этнически смешанные сёла и межэтнические браки. Формирование субэтнических групп белорусов, русских и украинцев Крыма. Миграция в Крым после 1944 г. Белорусы, русские и украинцы на современной этнической карте полуострова: места компактного расселения, динамика численности. Национально-культурное развитие белорусов, русских и украинцев в Крыму.

Население Крыма в конце XVIII -XX вв. Итальянцы и восточные романцы на полуострове. Итальянские колонии в период Крымского ханства и формирование новых купеческих общин в Восточном Крыму. Появление валахов в Крыму. Их социально-правовой статус и расселение. "Выход" валахов в Приазовье в 1778 г. Новая волна иммиграции итальянцев: Керченская купеческая община. Миграция в Крым валахов, молдаван и румын в XIX-XX вв.

Переселенцы из Прибалтики. Причины миграции на полуостров, первые колонии и их социально-правовой статус. Эстонские колонии в Крыму в XIX в. . Эстонцы на современной карте Крыма.

Западные славяне в Крыму. Появление на полуострове сербов, чехов и поляков в конце XVIII – XIX вв. География их размещения и динамика численности. Ассимиляционные процессы и проблемы сохранения национального языка и культуры. Общины западных славян в Крыму в довоенный период и на современной этнической карте Крыма.

Раздел 2. Особенности традиционно-бытовой культуры народов Крыма в XVIII – XX вв.

Материальная культура. Строительная техника, материал, типы жилых и хозяйственных помещений в Южнобережном, Горном и Степном Крыму (конец XVIII – XIX вв.). Планировка села и сельской усадьбы в различных регионах полуострова. Особенности архитектуры крымских городов периода средневековья. Кофейни, постоялые дворы (ханы), культовые сооружения, источники и фонтаны, бани. Интерьер жилищ крымских татар, армян, греков, караимов и крымчаков в городских и сельских районах. Изменение облика крымских сёл в связи с притоком нового населения. Строительная техника и типы жилищ крымских болгар, немцев, русских и украинцев в XIX в. Современное сельское жилище: традиции и инновации в строительной конструкции и интерьера.

Традиционные занятия народов Крыма в конце XVIII – XIX вв: земледелие, скотоводство, садоводство, виноградарство, рыболовство. Особенности технологического процесса обработки почвы, сбора урожая, его переработки и хранения у народов Крымского ханства. Развитие в Крыму бахчеводства, шелководства, огородничества, табаководства, виноградарства и виноделия (в XIX в.). Ремесленные специализации у различных этнических групп и цеховые организации в позднесредневековом Крыму. Праздник "Реван". Ремесленные артели войлочников, вышивальщиц, кожевенников, лудильщиков и др. в XX в. Возрождение традиционных ремёсел у народов Крыма в настоящее время.

Комплекс повседневной традиционной мужской и женской одежды у народов полуострова в период Крымского ханства. Виды нательных рубах. Покрой мужских и женских шаровар. Обувь. Головные уборы. Украшения. Верхняя одежда. Обрядовые (свадебные) и праздничные костюмы. Детская одежда. Комплексы повседневной традиционной мужской и женской одежды у армян, болгар, греков, евреев, немцев, русских, украинцев Крыма в XIX в. . Традиции в современной одежде народов Крыма.

Основные продукты питания старожильческих народов Степного, Горного и Южнобережного Крыма. Традиционное меню. Ритуальная пища и традиционные блюда в религиозной обрядности мусульман, христиан и иудеев Крыма. Особенности кухни старожильческих народов Крыма, немцев, евреев, русских и украинцев. Традиции и инновации в современной крымской кухне.

Духовная культура и традиционный быт. Праздники семейного цикла у народов позднесредневекового Крыма (армяне, греки, караимы, крымчаки, крымские татары, цыгане). Особенности свадебного цикла крымских татар и караимов. Свадебная и погребальная обрядности у народов Крыма в новое время (болгары, евреи, немцы, русские, украинцы). Религиозные праздники (Курбан-Байрам, Рождество, Пасха, др.) и обряды календарного цикла (Хыдырлез, Ай-Йорги, др.) у христиан, мусульман и иудеев Крыма. Семейный быт и организация общины у крымских армян, болгар, греков, немцев, караимов, крымчаков, крымских татар. Терминология родства и свойства. Традиционно-бытовая культура народов Крыма на современном этапе.

Фольклор. Характеристика тюркоязычного песенного фольклора народов позднесредневекового Крыма (у крымских татар, караимов, крымчаков, армян и греков-урумов). Оркестр народных инструментов крымских татар, армян, болгар, греков, караимов, крымчаков, цыган, немцев, украинцев и русских. Танцы народов Крыма. Сказки, легенды и анекдоты в культуре народов позднесредневекового и нового Крыма. Пословицы, поговорки, приметы, заговоры и апокрифические молитвы. Фольклор народов Крыма сегодня.

Раздел 3. Организация этнографического изучения
народов Крыма в школах

Методика полевых фольклорно-этнографических исследований Создание программы полевого этнографического изучения. Разработка маршрута экспедиции. Оборудование. Подготовка вопросников, анкет, бланков фиксации терминов. Правила ведения полевой документации и заполнения полевых тетрадей. Особенности полевой работы и сбора этнографической информации. Методика проведения собеседования с информатором. Организация хранения собранного этнографического материала, его камеральная обработка и архивация. Ссылка на собранный полевой материал.

Преподавание этнографии в школе, организация кружковой и музейной работы. Историческое краеведение как предмет. Понятия "исторический источник", "памятник", "этнос", "культура", "традиция". Использование в процессе обучения наглядного материала, экспонатов музея и материалов полевых исследований. Составление программ для организации кружковой (внеклассной) работы по сбору этнографической информации и изучению населения родного края. Обучение детей основным приёмам полевой этнографической работы и ведения документации.

Школьный музей как научно-исследовательское и просветительское учреждение. Нормативные документы, регулирующие вопросы создания и деятельности школьных музеев. Пути и методы собирательской работы. Особенности комплектования фондов школьного музея, их научного описания (инвентаризации), хранения и экспонирования. Организация выставок.

Планы практических занятий и рекомендованная литература

Вводное занятие (4 часа).

План:

1. Этнология и краеведение.
2. Понятийный аппарат этнологии: этнос, этногенез, этническая территория, этнический процесс, этноним, нация, культура, быт, диаспора, конфессия, самосознание, историко-культурные общности, хозяйственно-культурные типы, антропологическая и языковая классификации, фольклор.
3. Историография ключевых проблем этнической истории Крыма.
4. Современная этнографическая карта полуострова.

Рекомендованная литература.

Основная:

1. Итс Р. Ф. Введение в этнографию.– Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1991.
2. Пономарьов А. П. Українська етнографія.– Київ: Либідь, 1994.
3. Свод этнографических понятий и терминов: Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы.– Москва: Наука, 1988. (902. 7 Э-916 ОЧЗ)
4. Чебоксаров Н. Н. Проблемы происхождения древних и современных народов.– Москва, 1964.
5. Наулко В. И. Развитие межэтнических связей на Украине.– Киев: Наук. Думка, 1975.
6. Етнографія України.– Львів, 1994. ***(902. 7. Е-885 СГУ)***
7. Культура і побут населення України.– Київ: Либідь, 1993.
8. А. И. Айбабин, А. Г. Герцен, И. Н Храпунов, Основные проблемы этнической истории Крыма: МАИЭТ.– Симферополь, 1993.– Вып. 3.– С. 211-222.

Дополнительная:

1. Бромлей Ю. В., Подольный Р. Г. Человечество – это народы.– Москва: Мысль, 1990.– 391 с.
2. Историография этнографического изучения народов СССР и зарубежных стран.– Москва, 1989. (902. 7 И-903 СГУ*)*
3. Историческая этнография: традиции и современность.– Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1983. (902. 7 И-90 Очз*)*
4. Клаус А. Наши колонии. Опыт и материалы по истории иностранной колонизации в России.– Спб, 1869.– Вып. 1.
5. Клячин А. И. Динамика этнических систем расселения в Крыму: Этнографическое обозрение.– 1992.– №2.– С. 23-35.
6. "Проблемы истории Крыма". Тезисы докладов научной конференции.– Симферополь, 1991.– Вып. 1-2.

7. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма.– Москва, 1989. (9(И) Р-17 Очз)
8. Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры.– Москва, 1985.
9. Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных этнокультурных процессах. Тезисы докладов научной конференции.– Уфа, 1989.

Тема: Проблемы этногенеза и этнической истории народов Крыма в средневековое и новое время (14 часов).

Литература, рекомендованная ко всей теме.

Основная:

1. Айбабин А. И., Герцен А. Г., Храпунов И. Н. Основные проблемы этнической истории Крыма// МАИЭТ.– Симферополь, 1993.– Т. 3.– С. 211-222.
2. Дружинина Е. И. Северное Причерноморье в 1775-1800 гг. .– Москва, 1959.
(9 (С)14 Д-761 Кр СГУ)
3. Дружинина Е. И. Южная Украина 1800-1825 гг. .– Москва: Наука, 1970.
4. Дружинина Е. И. Южная Украина в период кризиса феодализма 1825-1860 гг. .– Москва: Наука, 1981.
5. Дяченко В. Д. Антропологічний склад українського народу. Порівняльне дослідження народів УРСР і суміжних територій.– Київ: Наук. Думка, 1965.
6. Земсков В. Н. Спецпоселенцы из Крыма (1944-1956 гг.)// Крымский музей.– Симферополь, 1994.– №1.
7. Писаревский Г. Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. .– Москва, 1909.
8. Смирнов В. Д. Крымское ханство под Верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII.– Спб. 1887.
9. Якобсон А. Л. Средневековый Крым.– М.– Л.: Наука, 1964.

Дополнительная:

1. Бахрушин С. В. Основные моменты истории Крымского ханства// МАИЭТ.– Симферополь, 1993.– Т. 3.– С. 320-340.
2. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Крепость драгоценностей. Кырк-ор. Чуфут-Кале.– Симферополь, 1993.
3. Крым многонациональный.– Симферополь: Таврия, 1988. (9(С2) К-852 Кр СГУ)
4. Крымская АССР (1921-1945).– Симферополь: Таврия, 1990. (9(С2) К-852 Кр СГУ)
5. Максименко Ф. Матеріали до краєзнавчої бібліографії України (1847-1928).– Київ, 1930. (011 М-17 СГУ)
6. Османская империя. Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы.– М.: Наука, 1986. (9(56) О-749 Очз)
7. Памятная книжка Таврической губернии 1867 г. .– Симферополь, 1867.
8. Понтийские греки. Studia Pontocaucasika III.– Краснодар, 1997.
9. Секиринский С. А. Население Крыма и Северной Таврии (вторая половина XVIII – начало XX в.)// Информационно-методический бюллетень Общественно-политического центра Крымского обкома КПУ.– Симферополь, 1990.– Вып. 3.– С. 19-45.
10. Скальковский А. А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края.– Одесса, 1836-8.– Ч. 1-2. (9 (С)14 С-42, 9(С)1 С-423 СГУ)
11. Татаринов П. Очерк Таврической губернии в историко-географическом отношении.– Симферополь, 1894.– 96 с.
12. Феодальная Таврика.– Киев: Наук. думка, 1974.
13. Этнические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе.– М.: Наука, 1988.
14. Етноси України (1917-1941). Бібліографичний покажчик.– Київ, 1997. (016:902. 7. Е-885 СГУ)

15. Якобсон А. Л. Крым в средние века.– Москва: Наука, 1973 (9(С)1 Я-467 Кр СГУ)

Занятие 1. Армяне Крыма (2 часа).

План.

1. Историография и источники по истории переселения армян на полуостров и формирования армянской колонии в Восточном Крыму
2. Взаимоотношения с Крымским ханством, Генуэзской республикой и Османской империей. Языковая и конфессиональная ситуации в среде крымских армян.
3. Переселение армян из Крыма в Западную Украину и в Приазовье.
4. Формирование армянской общины в конце XVIII – XIX вв.
5. Армяне Крыма в XX в.: от геноцида в Турции до депортации 1944 г.

Рекомендованная литература.
Основная:

1. Айвазовский Г. Заметки о происхождении Новороссийских армян// ЗООИД.– Т. 6.– С. 550-555.
2. Дашкевич Я. Р. Codex Cumanicus – вопросы возникновения// Вопросы языкознания.– 1985.– № 4.– С. 72-84.
3. Исторические связи и дружба украинского и армянского народов. Сборник материалов Второй украино-армянской научной сессии.– Киев: Наук. Думка, 1965.– 185 с.

Дополнительная:

1. Армянский вопрос и геноцид армян в Турции (1913-1919). Материалы Политархива МИД Кайзеровской Германии.– Ереван: Гитутюн, 1995.
2. Дашкевич Я. Р. Армяно-кыпчакский язык: этапы истории// Вопросы языкознания.– 1983.– № 1.
3. Домбровский О. И., Сидоренко В. А. Солхат и Сурб-Хач.– Симферополь: Таврия, 1979.
4. Кондараки В. Х. Армяне // Универсальное описание Крыма.– Спб. 1875.– Ч. 9.– С. 60-71.

Занятие 2. Греки Крыма (2 часа).

План.

1. "Греческая колонизация" полуострова в античную эпоху и проблема этногенеза средневековых крымских греков.
2. Христианское княжество Феодоро и "Пещерные города" Крыма.
3. Православное население Южнобережного и Юго-Западного Крыма после Османского завоевания.
4. Переселение крымских христиан в Приазовье.
5. Формирование общины греков Крыма в конце XVIII – XIX вв.
6. Греки Крыма в XX в.: ареал расселения, численность, занятость.

Рекомендованная литература.
Основная:

1. Арш Г. Л. Греческая эмиграция в Россию в конце XVIII- начале XIX вв. // Советская этнография.– 1967.– №3.– С. 85-95.
2. Аклаев А. Р. Этноязыковая ситуация и некоторые особенности этнического самосознания грузинских греков// Советская этнография.– 1988.– №5.– С. 38-46.

3. Араджиони М. А. К вопросу о некоторых концепциях этногенеза тюркоязычного позднесредневекового населения Юго-Западного Крыма// История и археология Юго-Западного Крыма.– Симферополь, 1993.
4. "Греки Крыма" Словарь-справочник.– - Симферополь, 1998.
5. Соколов И. И. Мариупольские греки// Труды института славяноведения АН СССР.– Ленинград, 1932.– Т. 1.– С. 97-117.
6. Мариуполь и его окрестности. Мариуполь, 1892.

Дополнительная:

1. Белецкий А. А. Греческие диалекты на юге Украины// Балканская филология.– Ленинград, 1970.– С. 5-15.
2. Бертье-Делагард А. Л. Керменчик. Крымская глушь.– Одесса, 1899.
3. "Греки України: Історія та сучасність". Тези доповідей I Міжнародної науково-практичної конференції.– Київ, 1993.
4. "Греки України: Історія та сучасність". Тези доповідей II Міжнародної науково-практичної конференції.– Київ, 1995.
5. Пулянус А. Н. К антропологии греков СССР// Вопросы антропологии.– 1960.– Вып. 4.– С. 82-102.
6. Спірідонов Д. С. Історичний інтерес вивчення говірок маріупільських греків// Східний світ.– Харків, 1930.– Т. 12(3).– С. 171-181.
7. Тиктопуло Я. Понти: основные вехи истории греческой диаспоры в России// Вестник МГУ.– Сер. 8.– История.– 1991.– №6.– С. 44-52.

Занятие 3. Караимы и крымчаки. Еврейская колонизация Крыма (2 часа).

План.

1. Источники по истории еврейской колонизации полуострова в древности и в средние века.
2. Концепции этногенеза и этнической истории крымских караимов.
3. Иудейская община полуострова в период Крымского ханства.
4. Миграция еврейского населения в Крым в XIX в. и их взаимоотношения со старожильческими общинами.
5. Проблемы этнической истории еврейской, караимской и крымчакской общин Крыма в XX в.

Рекомендованная литература

Основная:

1. Ачкинази И. В. Крымчаки. Историографический обзор. // МАИЭТ.– Симферополь, 1991.– Вып. 2.
2. Ачкинази И. В. К вопросу об этнической принадлежности крымчаков// МАИЭТ.– Симферополь, 1996.– Вып. 5.
3. Белый О. Б., Белая И. Н. К вопросу о названии и самоназвании восточно-европейских караимов (крымская этнографическая группа) в XIII – начале XIX вв. // МАИЭТ.– Симферополь, 1996.– Вып. 5.
4. Евреи Крыма. Очерки истории.– Симферополь-Иерусалим, 1997-5757.
5. Краткая еврейская энциклопедия. Статья "Крым".– Иерусалим, 1988. -Т. 4.
6. Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи, касательно прав и состояния русско-подданных караимов.– Спб, 1890. (902. 7 С-23 Кр СГУ)

Дополнительная:

1. Ачкинази И. В. К вопросу об этногенезе крымчаков в советской историографии// МАИЭТ.– Симферополь, 1990.– Вып. 1.

2. Белый О. Б. Караимская община Чуфут-Кале// Проблемы истории "пещерных городов" в Крыму.– Симферополь, 1992.
3. Боровой С. Я. Еврейская земледельческая колонизация в старой России.– Москва, 1928.
4. Кефели В. И. Караимы.– Пущино, 1992.
5. Никитин В. Евреи-земледельцы. История, законодательное, административное и бытовое положение колоний 1807-1887 гг. .– Спб, 1887.
6. Систематический указатель литературы о евреях на русском языке со времени введения гражданского шрифта 1708-1889.– Спб, 1892.– 568 с.
7. Фрухт Л. М. Еврейское переселение в Крыму.– Симферополь, 1932. (33С Ф-934 Кр Очз)
8. Чернин В. Ю. О появлении этнонима "крымчак" и понятия "крымчакский язык"// География и культура этнографических групп татар в СССР.– М., 1983.

Занятие 4. Крымские татары (2 часа).

План.

1. Проблема этногенеза крымских татар в отечественной и зарубежной историографии.
2. Территориальные субэтнические группы крымских татар. Крымские турки.
3. Миграционные процессы в период Крымского ханства и после присоединения его к России.
4. Этническая история крымских татар в XIX – первой половине XX в.
5. Этнические процессы в среде крымских татар (1944-1997).

Рекомендованная литература.

Основная:

1. Боданинский У. Археологическое и этнографическое описание татар Крыма.– Симферополь, 1930.
2. Кримський А. Студії з Криму: I-IX.– Київ, 1930. (9 (С2) С88 Кр Р СГУ)
3. Куфтин Б. А. Южнобережные татары// Крым.– 1925.– №1.
4. Смирнов В. Д. Крымское ханство под Верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII.– Спб, 1887.
5. Смирнов В. Д. Крымское ханство под Верховенством Оттоманской Порты в XVIII. в. до присоединения его к России// ЗООИД.– 1889.– Т. 15.– С. 152-403; или Отдельное издание.– Одесса, 1889.– Спб, 1887.
6. Севортян Э. Крымскотатарский язык// Языки народов СССР. Тюркские языки.– Т. 2.– Москва: Наука, 1966.– С. 234-260. (4С Я-41 СГУ)

Дополнительная:

1. Каневский К. Очерк поселения ногайцев на Крымском полуострове и в других местах Новороссийского края в первой половине XVIII в. // ЖМВнД.– 1845.– № 53-54
2. Секиринский С. А., Секиринский Д. С. Аграрный строй крымских татар в XVI- XVIII вв. // МАИЭТ.– Симферополь, 1992.– Вып. 2.– С. 140-150.
3. Наши хозяйственные дела. Переселение 1857-1862 гг. // ЖМГИм.– Спб, 1863.– Ч. 84.– № 9 (сентябрь).– С. 58-83.
4. Татари в Україні: Науково-допоміжний бібліографичний покажчик (1917-1941) .– Київ, 1997. ***(016: 9(С2) Т-232 Кр СГУ)***
5. Хартахай Ф. А. Историческая судьба крымских татар// Вестник Европы.– 1867.– Июнь.– С. 141-174.

Занятие 5. Переселение русских и украинцев в Крым в XVIII – XX вв. (2 часа)

План.

1. Русские и украинцы на полуострове в период Крымского ханства.
2. "Солдатская" колонизация Крыма и переселение государственных крестьян.
3. География размещения славянского населения в Крыму и динамика его численности в XIX – начале XX вв.
4. Миграция русских и украинцев в Крым после 1944 г.

Рекомендованная литература.
Основная:

1. Багалей Д. И. Очерк по истории колонизации степной окраины Московского государства.– Москва, 1887.
2. Дашкевич Я. Р. Українці в Криму (XV – початок XX ст.)// Дашкевич Я. Україна: вчора і нині.– Київ, 1993.– С. 100-115. ***(9(С2)2 Д217 СГУ)***
3. Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX вв. (по материалам ревизий).– Москва: Наука,1971.
4. Моисеенкова Л. С. Старообрядцы в Таврической губернии в конце XVII – начале XX в. // МАИЭТ.– Симферополь, 1996.– Вып. 5.
5. Наулко В. И. Развитие межэтнических связей на Украине.– Киев: Наук. Думка, 1975.
6. Секиринский С. А. К вопросу о заселении Крыма в конце XVIII в. // Известия Крымского пединститута им. М. В. Фрунзе.– Симферополь, 1957.– Т. 23.– С. 73-87. ***(06 К-852 Кр СГУ)***
7. Усов С. А. Население Крыма за 150 лет в связи с экономикой края// Крым.– 1928.– № 1(5).– Вып. 1.– С. 64-85.

Дополнительная:

1. Иванов А. О поселении раскольников в пределах нынешней Таврической губернии// ИТУАК.– Симферополь, 1889.– С. 70-81.
2. Никольский П. В. Саблы. Очерк из истории русской колонизации в Крыму// Педагогическая жизнь Крыма.– Симферополь, 1925.– №6 (июнь).– С. 17-32.
3. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. .– Москва-Ленинград: Изд-во АН, 1948.
4. Бережков М. Н. Русские пленники и невольники в Крыму// Труды 6-го Археологического съезда в Одессе.– Т. 2.– С. 342-372.

Занятие 6. Болгарские и немецкие колонии в Крыму конце XVIII – XIX вв. (2 часа)

План

1. Болгарская эмиграция в Крым 1802-1810 и 1830-х гг.
2. Переселение болгарских колонистов из Северной Таврии. Виддинские болгары.
3. Немецкая колонизация Новороссии в конце XVIII – начале XIX вв.
4. Миграционные процессы в Таврической губернии после Крымской войны.
5. Численность и размещение болгарского и немецкого населения на полуострове в конце XIX – начале XX вв.

Рекомендованная литература.
Основная:

1. Велицин А. А. Немцы в России// Русский вестник.– 1889.– Т. 200-202, 1890.– № 1-2, или отдельное издание.– Спб, 1893.
2. Державин Н. С. Болгарские колонии Новороссийского края// ИТУАК.– 1908.– № 41. ***(06 Т-132 Кр СГУ)***
3. Заблоцкий А. Описание меннонитских колоний в России// ЖМГИм.– 1842.– Отд. 2.– С. 1-42.
4. Кулинич І. М. Німецькі колонії на Україні// Український історичний журнал.– 1990.– № 9.
5. Музыченко А. История поселения и фонетические особенности говора крымских болгар// Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук.– 1907.– Т. 12.– Кн. 2.– С. 71-134.

Дополнительная:

1. Велицын А. А. Немецкое завоевание на юге России.– Спб, 1890. (9(С)16 В-275)
2. Гюне А. Ф. Заселение Новороссийского края в 1862 г. // ЖМГИм.– Спб, 1863.– Ч. 82 (январь-апрель).– С. 459-482: Ч. 84 (сентябрь-декабрь).– С. 211-231.
3. Дайнеко Л. И. О немецких колониях в Крыму (1800-1918)// Известия Крымского республиканского краеведческого музея.– Симферополь, 1993.– № 3.– С. 31-38.
4. Державин Н. С. Болгарские колонии в России.– София, 1914.– Т. 1
5. Ипатов А. Н. Меннониты: вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности.– Москва: Мысль, 1978. (293. 5 И-721 Очз)
6. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья.– М.: Наука, 1982.
7. Скальковский А. А. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае // ЖМВнД.– Спб, 1848.– Ч. 21.– № 1-3.– С. 57-101, 206-246, 321-371, или отдельное издание – Одесса, 1843.– 145 с.

Занятие 7. Население Крыма в конце XVIII – XX вв. (2 часа).

План.

1. Крымские цыгане.
2. Переселенцы из Прибалтики.
3. Западные славяне в Крыму.
4. Итальянцы и восточные романцы на полуострове.

Рекомендованная литература.
Основная:

1. Ісип Євген. Формування діаспор балканських народів на півдні України//Українська діаспора.– Київ-Чикаго: Інтел, 1993.– Число 3.– С. 145-157.
2. Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма.– Спб, 1875.– Ч. 9 (91 К-642 Кр Очз)
3. Никольский П. Крым. Население.– Симферополь, 1929.
4. Филоненко В. И. Крымские цыгане// Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее.– Ленинград, 1930.– Т. 5. (9 (И) Вост З-32 Кр СГУ)
5. Шишмарев В. Ф. Романские поселения на юге России// Архив Академии наук. Труды.– Ленинград, 1975.– Вып. 26. (06 А-87 СГУ)

Дополнительная:

1. Баранников А. П. Об изучении цыган СССР// Известия Академии наук. VII серия. Отдел гуманитарных наук.– Ленинград, 1929.– Ч. 1-2.– №5-6.– С. 369-398, 457-479.
2. Вентцель Т. В. Этническая группа цыган // Природа.– 1971.– №1.
3. Вентцель Т. В. Цыганский язык.– Москва, 1964.

4. Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев.– М.: Наука, 1976. (902. 7 (И) В-748)
5. Германн А. В. Библиография о цыганах. Указатель книг и статей с 1780 по 1930 гг.– Москва: Центриздат, 1930.
6. Друц Е. А., Гесслер А. Н. Цыгане. Очерки.– М.: Советский писатель, 1990.
7. Котляревский А. Крымские цыгане// Спб, 1853.
8. Попруженко М. Г. Материалы для истории славянской колонизации в России.– Одесса, 1902.– 40 с.
9. Федоров Я. А. Историческая этнография Северного Кавказа.– Москва: Изд-во МГУ, 1983. (902. 7 (075. 3) Ф-333 СГУ)
10. Этническая ономастика.– Москва: Наука, 1984. (902. 7 Э-912 (СГУ), 41 Э-912 Очз)

Тема: Особенности традиционно-бытовой культуры народов Крыма в XVIII – XIX вв. (12 часов)

Общая литература ко всей теме.
Основная:

1. Берлин М. Очерк этнографии еврейского населения в России// Записки Русского географического общества.– 1861.– Т. 1.
2. Боданинский У. Археологическое и этнографическое описание татар Крыма.– Симферополь, 1930.
3. Державин Н. С. Болгарские колонии Новороссийского края// ИТУАК.– 1908.– № 41.
4. Культура і побут населення України.– Київ: Либідь, 1993.
5. Лашков Ф. Ф. Третья учебная экскурсия в г. Симферополь.– Симферополь, 1890 *(91* (С2) Л-322 Кр СГУ)
6. Полканов А. И. Крымские караимы.– Париж, 1995.
7. Понтийские греки. Studia Pontocaucasika III. .– Краснодар, 1997.
8. Попов А. Н. Вторая учебная экскурсия в Бахчисарай.– Симферополь, 1888. (91 (С2) П-58 Кр СГУ)
9. Санаров В. И. Проблемы историко-этнографического изучения цыган// Советская этнография.– 1971.– №3.
10. Свод этнографических понятий и терминов: Социально-экономические отношения и соционормативная культура.– Москва: Наука, 1986.
11. Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 3: Материальная культура.– Москва, 1989. (902. 7 С-251 СГУ)
12. Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 4: Народные знания. Фольклор. Народное искусство.– Москва, 1991.
13. Филимонова Т. Д. Об этнокультурном развитии немцев СССР// Советская этнография.– 1986.– № 4.– С. 100-111. (05 С-561 СГУ)

Дополнительная:

1. Акритас П. Г. Греки Кавказа // Народы Кавказа.– Москва: Наука, 1962.– Т. 2.– С. 421-432.
2. Ваджиб Оджа. Материалы по истории и этнографии крымских цыган// Илери.– Симферополь, 1928.– №6.– С. 27-31 (на татарском языке).
3. Буровик К. А. Родословная вещей.– Москва, 1985.
4. Вовк Хв. Студії з української етнографії та антропології.– Київ: Мистецтво, 1995.
5. Марков Е. Очерки Крыма.– Спб, 1902.
6. Народы России.– Спб, 1877.– Вып. 3.

7. "Россия" Полное географическое описание нашего Отечества под редакцией Семёнова-Тянь-Шанского.– Т. 14: Новороссия и Крым.– Спб, 1910.
8. Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры.– Ленинград, 1990. (902. 7 Ф-759 Очз)
9. Этнические стереотипы поведения.– Ленинград, 1985. (902. 7 Э-912)

Занятие 1: Материальная культура (4 часа).

План.

1. Строительная техника, материал, типы жилых и хозяйственных помещений в Южнобережном, Горном и Степном Крыму (конец XVIII – XIX вв.).
2. Интерьер жилищ крымских татар, армян, греков, караимов и крымчаков в городских и сельских районах.
3. Традиционные занятия народов Крыма в конце XVIII – XIX вв. Развитие ремесла.
4. Комплекс повседневной и праздничной (обрядовой) традиционной мужской и женской одежды у народов Крыма в позднесредневековое и новое время.
5. Система питания и традиционная кухня старожильческих народов Степного, Горного и Южнобережного Крыма.
6. Ритуальная пища и традиционные блюда в религиозной обрядности мусульман, христиан и иудеев Крыма.

Рекомендованная литература.
Основная:

1. Араджиони М. А. К вопросу об этнокультурных особенностях позднесредневекового христианского населения Юго-Западного Крыма// Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.– Симферополь, 1993.– Вып. 3.
2. Калагеорги Н. К., Борисов В. М. Экскурсия на р. Молочную// Сельское хозяйство и лесоводство.– 1875.– Ч. 118.– №1-4.– С. 1-29, 117-137, 313-335, 395-408; Ч. 119.– №6.– С. 139-157.
3. Курылёв В. П. Хозяйство и материальная культура турецкого крестьянства (новейшее время).– Москва, 1976.
4. Куфтин Б. А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова// Мемуары этнографического отдела ОЛЕАЭ.– М., 1925.
5. Куфтин Б. А. Южнобережные татары// Крым.- 1825.– №1.
6. Лебедева Э. И. Рецепты караимской кухни.– Симферополь, 1992.
7. Материальная культура компактных этнических групп на Украине.– Москва, 1979.
8. Секреты крымчакской кухни.– Симферополь, 1990.
9. Демиденко Л. А. Культура и быт болгарского населения в УССР.– Киев: Наукова думка, 1970. (902. 7 Д-30)

Дополнительная:

1. Бернштамм Н. Жилище крымского предгорья// ИГАИМК.– Ленинград, 1921.– Т. 9.– Вып. 6-7.
2. "Греки України: Історія та сучасність". Тези доповідей II Міжнародної науково-практичної конференції.– Київ, 1995.
3. Дубровский М. Жилище крымских горных татар (Симферополь, 1914)// Сборник исторических брошюр и сочинений.– Б. м., Б. г.
4. Домбровский Ф. Очерк хозяйственного быта татар степной полосы Крыма// ЗОСХЮР.– 1850.– №7-8.

5. Жирмунский В. М. Итоги и задачи диалектологического и этнографического изучения немецких поселений СССР// Советская этнография.– 1933.– №2.
6. Иванова Ю. В. Влияние социально-экономических условий и этнических традиций на одежду сельских жителей// Советская этнография.– 1976.– №2.
7. Кондараки В. Сельское хозяйство в Крыму// ЗОСХЮР.– 1872.– т. 1.– №2.
8. Крымские татары. Каталог коллекций.– Ленинград, 1989.
9. Стоилов К. С. Традиционное сельское жилище болгар и украинцев XVIII-XIX вв. .– Москва: Наука, 1983. (А 902. 7 С-81 СГУ или Очз)
10. Чепурина П. Я. Орнаментное тканьё крымских татар// ИТОИАЭ.– 1929.– Т. 3(6) .– С. 72-77.
11. Чепурина П. Я. Орнаментное шитьё Крыма.– Москва, 1938.
12. Щепетов В. А. О питании татар Южного берега Крыма.– Спб, 1886.
13. Мейер М. С. Османская империя в XVIII в. Черты структурного кризиса.– Москва: Наука, 1991 (9(56) М-451 Очз)
14. Узун А. Х. Інтер,єр житла греків на південному сході України// Народна творчість та етнографія.– 1981.– №4.– С. 76-81.

Занятие 2: Духовная культура и традиционный быт (4 часа)

План.

1. Праздники семейного цикла у народов позднесредневекового Крыма (армяне, греки, караимы, крымчаки, крымские татары, цыгане).
2. Свадебная и погребальная обрядности у народов Крыма в новое время (болгары, евреи, немцы, русские, украинцы).
3. Религиозные праздники и обряды календарного цикла у христиан, мусульман и иудеев Крыма.
4. Семейный быт и организация общины у крымских армян, болгар, греков, немцев, караимов, крымчаков, крымских татар.
5. Традиционно-бытовая культура народов Крыма на современном этапе.

Рекомендованная литература.
Основная:

1. Акритас П. Г. Свадебные обычаи абхазских греков// Советская этнография.– 1938.– №4-5.– С. 84-104.
2. Ачкинази И. В. Погребальный обряд крымчаков// МАИЭТ.– Симферополь, 1993.– Вып. 3.– С. 193-198.
3. Бонч-Осмоловский Г. А. Брачные обряды татар Горного Крыма// Ватан.– 1992.– № 4-5.
4. Ефимов А. В. Опыт реконструкции погребального обряда крымских татар// МАИЭТ.– Симферополь, 1993.– Вып. 3.– С. 198-201.
5. Культурно-бытовые процессы на юге Украины.– Москва, 1979.
6. Куртиев Р. И. Календарные обряды крымских татар.– Симферополь, 1996.
7. Музыченко А. Рождение и первые годы детства у болгар (с. Кишлау Феодосийского уезда)// Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества .– Спб, 1903.– №3 (декабрь).– С. 18-27; Спб, 1904.– №4 (январь).– С. 14-25.
8. Чепурина П. Я. Караимские брачные договоры// ИТОИАЭ.– 1927.– Т. 1.
9. Шевченко В. Спроба описати й втлумачити двоє весняних хліборобських свят маріупольських греків// Етнографічний вісник.– 1930.– Кн. 9.– С. 111-126.

Дополнительная:

1. Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы.– Москва: Наука, 1988. (902. 7 Б-873 СГУ)
2. Гордлевский В. Османская свадьба.– Москва, 1915. (902. 7 Г-68 Ф (СГУ))
3. Державин Н. С. Свадьба у анатолийских греков// Известия Кавказского отд. Российского географического общества.– 1904.– Т. 17.– №1.– С. 208-215.
4. Каралезли Х. Старинный обычай татарского заручения и свадьбы// Крым.– 1926.– №2.
5. Мариуполь и его окрестности.– Мариуполь, 1892.
6. Музыченко А. Ф. Быт болгар-переселенцев Феодосийского уезда// Этнографическое обозрение. 1899.– Москва, 1900.– Кн. 43.– №4.– С. 36-73.
7. Музыченко А. Наблюдения над народным творчеством у крымских болгар// Труды 12-го Археологического съезда в Харькове.– Москва, 1905.– Т. 2.– С. 460.
8. Левицкий А. Нравы и обычаи болгар, живущих в Бессарабских колониях// ЗООИД.– Одесса, 1860.– Т. 4.– С. 450-464.
9. Лашков Ф. Ф. Сельская община в Крымском ханстве.– Симферополь, 1887. (9(С2)1 Л-32 Кр Ф СГУ)
10. Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы (конец XIX – начало XX вв.). Зимние праздники.– Москва: Наука, 1973
11. Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы (конец XIX – начало XX вв.). Весенние праздники.– Москва: Наука, 1977.
12. Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы (конец XIX – начало XX вв.). Летне-осенние праздники.– Москва: Наука, 1978
13. Пашаева Л. Б. Семья и семейный быт греков Цалкского района.– Тбилиси, 1992.
14. Серебрякова М. Н. Семья и семейная обрядность в турецкой деревне (новейшее время).– Москва: Наука, 1979. (9(56) С-325 Очз)
15. Чернишова Т. М. Тюркські елементи у соціальній сфері лексики грецьких говірок Донеччини// Мовознавство.– 1975.– №4.– С. 51-55.
16. Феномен долгожительства.– Москва: Наука, 1982. (5А1 423 СГУ)

Занятие 3: Фольклор (4 часа)

План.

1. Тюркоязычный песенный фольклор народов позднесредневекового Крыма: общее и особенное в культуре крымских татар, караимов, крымчаков, армян и греков-урумов.
2. Оркестр народных инструментов крымских татар, греков, болгар, караимов, крымчаков, цыган, немцев, украинцев и русских.
3. Танцы народов Крыма.
4. Сказки, легенды и анекдоты в культуре народов позднесредневекового и нового Крыма.
5. Пословицы, поговорки, приметы, заговоры и апокрифические молитвы.
6. Фольклор народов Крыма сегодня.

Рекомендованная литература.
Основная:

1. Боданинский А. А. Пословицы, поговорки и приметы крымских татар// ИТУАК.– 1915.– Вып. 52.– С. 1-67.
2. Брагинская-Гурджи В. Забытое богатство (заметки о фольклоре крымчаков)// Дружба народов.– 1990.– №1.– С. 169-174.
3. Гаркавець О. Принципи становлення й розвитку урумської пісенної мови// Мовознавство.– 1986.– №3.– С. 51-55.

4. Дмитриев Н. К. О методике изучения крымско-татарских диалектов и фольклора// Экономика и культура Крыма.– 1934.– №9-12.– С. 28-41. (05 Э-40 Кр СГУ)
5. Ручкина Н. Л. Изучение новогреческого песенного фольклора в нашей стране// Балканские исследования.– 1979.– Вып. 5.– С. 260-269.
6. Сказки и легенды татар Крыма (любое издание).
7. Филоненко В. И. Материалы по изучению караимской народной поэзии// Известия Крымского пединститута.– Симферополь, 1930.– Т. 3.– С. 201-212. (06 К-852 Кр СГУ)
1. Чакалов И. В. Пословицы и поговорки Цалкинских (триалетских) греков.– Салоники: Еродиос, 1997.
2. Чернишова Т. М. Про новогрецький фольклор на Україні// Народна творчість та етнографія.– 1960.– №4.– С. 97-103.
3. Шапошников А. К. Песни болгар Коктебеля и Дяутеля.– Симферополь: Таврия, 1995.
4. Шерфетдинов Я. Звучи Хайтарма .– Ташкент, 1990.

Дополнительная:
1. Байрамов Э. Танцы крымских татар// Народное творчество.– 1989.– № 3.– С. 4. (05 Н301 СГУ)
2. Бахаревич З. Одабаш А. Крымско-татарские детские песни.– Симферополь: Крымгосиздат, 1926.
3. Державин Н. С. Болгарские колонии в России.– Т. 2: Язык и фольклор.– Петроград, 1915.
4. Державин Н. С. Звуковые особенности говора болгар-переселенцев Бердянского уезда Таврической губернии// Известия Отделения русского языка и словесности.– 7 (1902).– Кн. 1.– С. 137-151.
5. Ефетов С. Б., Филоненко В. И. Песни крымских татар// ИТОИАЭ.-- 1927.– Т. 1.
6. Зайченко С. Танцы греков Приазовья.– Мариуполь, 1995.
7. Олесницкий А. Песни крымских турок.– Москва, 1910.
8. Полканов Ю. А. Пословицы и поговорки крымских караимов.– Бахчисарай, 1995.
9. "Пырнешу Астру. Сабаты Йылдыз". Литературный альманах греков Украины. Любое издание.
10. Радлов В. В. Образцы народной литературы северных тюркских наречий. Т. 7: Наречия Крымского полуострова.– Спб, 1896.
11. Та баладьича. Грецькі народні та сучасні співанки, загадки, лічилки, казочки.– Донецьк: Донбасс, 1996.
12. Хаджинов У. В. З історії фольклору південного Донбасу// Народна творчість та етнографія.– 1976.– №3.– С. 102-105.
13. Филоненко В. И. Загадки крымских татар.– Симферополь, 1926.
14. Филоненко В. И. "Аталар-сазы". Караимские пословицы и поговорки// ИТОИАЭ.– 1929.– Т. 3.

Тема: Организация этнографического изучения народов Крыма в школах (4 часа)

Занятие 1. Методика полевых фольклорно-этнографических исследований (2 часа)

План.
1. Создание программы полевого этнографического изучения.
2. Разработка маршрута экспедиции. Оборудование.
3. Подготовка вопросников, анкет, бланков фиксации терминов и т. д. . Правила ведения полевой документации и заполнения полевых тетрадей.

4. Особенности полевой работы и сбора этнографической информации.
5. Организация хранения собранного этнографического материала, его камеральная обработка и архивация.

Рекомендованная литература.

1. Громов Г. Методика этнографических экспедиций.– Москва, 1966. (902. 7 Г-874 Очз)
2. Макарьев С. А. Полевая этнография. Краткое руководство и программы для сбора этнографических материалов в СССР.– Ленинград, 1928. (902. 7 М-153 Очз)
3. Морохин В. Н. Методика собирания фольклора.– Москва, 1990.
4. Новикова А. М., Джанумов С. А. Практикум по курсу "Устное народное поэтическое творчество".– Москва, 1986.
5. Пелих Г. И. Маршрутами полевой и теоретической этнографии.– Новосибирск, 1979. (902. 7 П-246 Очз)
6. Проблемы картографирования в языкознании и этнографии.– Ленинград, 1974. *(4 П-78 СГУ)*
7. Токарев С. А. К методике этнографического изучения материальной культуры// Советская этнография.– 1970.– № 4.

Занятие 2. Методика преподавания этнографии народов Крыма в школах. Краеведение, организация кружковой и музейной работы (2 часа).

План.

1. Историческое краеведение как предмет. Понятия "исторический источник", "памятник", "этнос", "культура", "традиция".
2. Использование в процессе обучения наглядного материала, экспонатов музея и материалов полевых исследований.
3. Составление программ для организации кружковой (внеклассной) работы по сбору этнографической информации и изучению населения родного края.
4. Нормативные документы, регулирующие вопросы создания и деятельности школьных музеев.
5. Особенности комплектования фондов школьного музея, их научного описания (инвентаризации), хранения и экспонирования.

Рекомендованная литература.

Основная:

1. Матюшин Г. Н. Историческое краеведение.– Москва: Просвещение, 1987.
2. Блахина Л. И., Секиринский С. А. Использование местного материала на уроках древней и средней истории в школах Крыма.– Симферополь, 1957. (9(07) Б-686 Кр СГУ)
3. Методика историко-краеведческой работы.– Москва, 1982.
4. Огризко З. А., Элькин Г. Ю. Школьные музеи.– Москва, 1972.
5. Родин А. Ф., Соколовский Ю. Е. Экскурсионная работа по истории.– Москва, 1974.
6. Туристско-краеведческие кружки в школе. Методические указания для руководителей.– Москва, 1988.
7. Шабалина Л. П. Этнография в школьном краеведении.– Ульяновск: Ульяновский госпединститут, 1981.

Дополнительная:

1. Божиков. Исследование быта и культуры современной болгарской деревни// Вопросы истории.– 1964.– № 12. (05 В-748 СГУ)
2. Краеведение и уроки истории.– Ленинград, 1967.
3. Общие вопросы школьного краеведения.– Москва, 1971.

4. Опыт крымской школы во внеклассной работе по истории.– Симферополь, 1940. (9(07) О-692 Кр СГУ)
5. Проблемы комплектования, научного описания и атрибуции этнографических памятников. Сборник научных трудов.– Ленинград, 1987.
6. Программы для внешкольных учреждений и общеобразовательных школ: Культура быта.– Москва, 1986.
7. Строев К. Ф. Краеведение.– Москва, 1974.

Примерный список тем для рефератов и курсовых работ:

Этническая история народов Крыма:

1. "Автохтонный", "пришлый" и "коренной": проблема дефиниций.
2. Религия как этнообразующий фактор.
3. Национальное самосознание и его роль в формировании этнической группы.
4. Проблема формирования этнического самоназвания (этнонима) на примере населения Украины.
5. "Этническая территория" и "историческая родина": проблема сопоставимости понятий.
6. Роль языка в процессе формирования этнической группы.
7. Переселенческая политика Российской империи в конце XVIII – XIX вв. (на примере Крымского полуострова).
8. Историография проблем этногенеза крымских татар.
9. Проблема происхождения караимов Крыма в отечественной и зарубежной литературе.
10. Иудейские памятники на территории Крыма в античности и в период средневековья.
11. Еврейская эмиграция в Крым (XIX- начало XX вв.).
12. Проблемы этнической самоидентификации крымчаков.
13. Переселение армян в Крым: образование поселений и колоний.
14. Изменения этнополитической карты Крыма после турецкого завоевания.
15. Крымские татары и крымские цыгане: один этнос?
16. Субэтнические группы крымский татар: критерии выделения и их характеристики.
17. Эмиграция крымских татар в Турцию в XVIII – XIX вв.: причины, численность, направления миграционных волн.
18. Историография проблемы этногенеза крымских христиан-греков.
19. История формирования греческих общин Крыма в конце XVIII -- XIX вв.
20. Армяне-католики Крыма: история формирования группы и её пребывание на полуострове.
21. Армянская община Крыма в 1783-1944 гг.
22. Геноцид христиан в Турции и проблемы переселения армян и греков Понта в Крым (начало XX в.)
23. Болгарская эмиграция в Крым в XIX в.
24. Немецкие колонии Крыма в XIX – начале XX в.: история образования и их социально-правовой статус.
25. Письменные источники о "черкесах" и "лазах" в позднесредневековом Крыму.
26. Итальянские колонии в Восточном Крыму в средневековье и новое время.
27. "Славянский полон" в Крымском ханстве: численность, социально-правовой статус и его участие в этногенезе народов Крыма. Историография проблемы.
28. Переселение в Крым русских и украинских крестьян после присоединения его к Российской империи.
29. Миграции русского и украинского населения в Крым после 1944 г.

30. Этническая карта Крыма после Адрианопольского мира (1829-1831 гг.) и Крымской войны (1859-1861 гг.): сравнительный анализ.
31. Депортация народов Крыма: география размещения и численность населения накануне 1941 г. и в местах высылки.
32. Этнические процессы в общинах караимов и крымчаков в послевоенное время.
33. Формирование современной общины крымских армян (болгар, греков, немцев).
34. Этнические процессы в среде крымских татар (1944-1990-е гг.)
35. Современная этническая карта Крыма.

Традиционно-бытовая культура и фольклор:

1. Развитие ремесла в среде крымчаков и караимов Крыма.
2. Ремесленные организации в Крымском ханстве: социально-правовой статус и этническая специализация ремесла.
3. Традиционные ремёсла у крымских цыган.
4. Традиционные занятия армян, греков и крымских татар: сравнительная характеристика.
5. Развитие садоводства и виноградарства в позднесредневековом Крыму и в новое время.
6. Традиционный хозяйственный быт крымских армян.
7. Традиции земледельческого хозяйства на полуострове.
8. Традиционное скотоводство в степных и горных районах Крыма.
9. Овцеводство в Крыму.
10. Изготовление тканей, ковров и войлоков в позднесредневековом Крыму.
11. Традиционная вышивка крымских татар, греков, армян, караимов и крымчаков: сравнительный анализ.
12. Украинское гончарство в Крыму.
13. Хозяйственно-культурные типы на территории Крыма в период позднего средневековья.
14. Традиционная специализация населения Крымского ханства в Южнобережном, Горном, Предгорном и Степном регионах: сравнительный анализ.
15. Типы жилищ народов Крыма в степных и горных районах: сравнительная характеристика.
16. Интерьер жилища армян, греков, крымских татар и караимов: общее и особенное.
17. Этническая специфика в устройстве отопительной системы и хлебной печи в жилищах народов Крыма.
18. Традиционная планировка села и усадьбы в позднесредневековом Крыму.
19. Трансформация типов жилых и хозяйственных построек в связи с переселением на полуостров новых этнических групп.
20. Городское жилище крымских татар, армян, караимов и крымчаков в XIX в.
21. Сельское жилище крымских татар, болгар и немцев в XIX в.
22. Архитектурные особенности источников, колодцев и фонтанов в городах и сёлах Крыма в XIX в.
23. Традиционная застройка городов Крыма.
24. Изменение внешнего облика сёл Горного Крыма после 1944 г.
25. Сравнительная характеристика жилища греков, болгар, русских и украинцев в Крыму и на юге Украины в целом.
26. Дороги и средства передвижения в позднесредневековом Крыму.
27. Комплекс свадебной одежды крымских татар, караимов и греков позднесредневекового Крыма: сравнительный анализ.
28. Сравнительная характеристика комплекса традиционной женской (мужской) одежды различных этнических групп позднесредневекового Крыма.
29. Традиционный костюм чабана и его снаряжение.

30. Сезонная одежда народов позднесредневекового Крыма.
31. Городской костюм Крыма в XVIII-XIX вв. .
32. Традиционная одежда крымских болгар, немцев и евреев в XIX в.
33. Традиционные украшения и аксессуары женского костюма старожильческих народов Крыма.
34. Общее и особенное в традиционном костюме болгар Крыма и Болгарии (также: армян Крыма и Армении, греков Крыма и Греции, крымских татар и турок и т. д.).
35. Обрядовая одежда народов Крыма (XIX в.).
36. Традиционная кухонная утварь народов позднесредневекового Крыма.
37. Традиции национальной кухни старожильческих народов Крыма (сравнительная характеристика).
38. Рацион питания жителей южнобережного и степного Крыма: общее и особенное.
39. Изготовление традиционных напитков у народов Крыма.
40. Сравнительный анализ традиционной кухни армян Крыма и Армении (также греков Крыма и Греции, болгар Крыма и Болгарии, немцев Крыма и Германии, и т. д.)
41. Общее и особенное в традиционной кухне крымских татар, крымчаков и караимов.
42. Сравнительный анализ традиционной кухни караимов, крымчаков и евреев Крыма в XIX в.
43. Общее и особенное в традиционной кухне греков Крыма, Кавказа и Греции.
44. Общее и особенное в традиционной кухне греков и болгар Крыма в XIX в.
45. Застольный этикет у народов Крымского ханства.
46. Трансформация традиционной кухни старожильческих народов Крыма в местах депортации.
47. Традиционная кухня русских и украинцев Крыма.
48. Хлеб в обрядах и ритуалах народов Крыма.
49. Переработка и хранение молочных продуктов у крымских татар, греков, болгар и армян: сравнительный анализ.
50. Переработка и хранение овощей и фруктов у крымских татар, болгар и немцев: сравнительный анализ.
51. Традиции виноделия у крымских татар, армян, болгар, греков и немцев.
52. Современная "крымская" кухня: традиции и инновации.
53. Характеристика особенностей погребально-поминальной обрядности у крымских греков, крымских татар и крымчаков.
54. Традиции "выкупа" невесты у крымских татар.
55. Роль занавеси "перде" в свадебном обряде народов Крыма.
56. Общее и особенное в брачной церемонии у крымских татар, караимов, крымчаков и греков.
57. Сравнительный анализ брачной церемонии у греков, болгар, русских и украинцев.
58. Родильная обрядность у крымских татар и турок (сравнительный анализ).
59. Аталычество в Крыму
60. Особенности родильно-крестильной обрядности у русских, украинцев, болгар и греков Крыма в XIX в.
61. Общее и особенное в родильной обрядности караимов, крымчаков и евреев Крыма в XIX в.
62. Детские игры и игрушки в Крыму в 18-19 вв.
63. Особенности традиционного воспитания детей у народов Крыма в XIX в.
64. Религиозные праздники и обряды календарного цикла у христиан, (мусульман, иудеев) позднесредневекового Крыма.
65. Семейный быт и организация общины у крымских болгар (греков, немцев, крымских татар, караимов, крымчаков).
66. Традиционно-бытовая культура народов Крыма на современном этапе.
67. Тюркоязычный песенный фольклор народов позднесредневекового Крыма: общее и особенное в культуре крымских татар, караимов, крымчаков, армян и греков-урумов.

68. Оркестр народных инструментов крымских татар, греков, караимов, крымчаков, цыган (нительный анализ).
69. Традиционные народные инструменты русских и украинцев Крыма.
70. Танцы народов Крыма.
71. Сказки, легенды и анекдоты в культуре народов позднесредневекового (нового) Крыма.
72. Пословицы, поговорки, приметы, заговоры и апокрифические молитвы у крымских гре армян (крымских татар и турок, караимов и крымчаков).
73. Фольклор народов Крыма сегодня.